Ханну Райаниеми

КВАНТОВЫЙ ВОР

Премии
БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА
ГАЛАКТИКА

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Премии «Еврокон», «Блуждающая звезда», «Галактика». Номинации на премию «Локус», Мемориальную премию Джона Кэмпбелла. Лучшая НФ-книга года по версии Kirkus Review и Library Journal. Жан ле Фламбер — постчеловек и преступник, взломщик разумов, самоуверенный трикстер. Его происхождение окутано тайной, но его подвиги известны во всей Солнечной системе. Спасенный из футуристической тюрьмы таинственной Миели и ее разумным космическим кораблем, Жан отправляется на Марс, в Движущийся город, где время — валюта, воспоминания — сокровища, а превращенная в луну сингулярность освещает ночь. Миели предоставила ему шанс вернуть себе свободу и силу прежнего «я» — в обмен на завершение ограбления, с которым он когда-то не справился. Им предстоит сумасшедшая увеселительная поездка по Солнечной системе будущего, миру повсеместной криптографии, обмена воспоминаний и расы сверхлюдей, возникших из гильдий MMORPG. Несмотря на все свои чудеса, этот мир все еще управляется человеческими мотивами — предательством, местью и ревностью. «Изобретательный, экзотический, со сложной умной интригой». — The Times «Трудно признать, но я думаю, что Райаниеми разбирается в "твердой" научной фантастике лучше меня». — Чарльз Стросс «Многие авторы убили бы за то, чтобы написать прозу хотя бы наполовину такую хорошую, как эта…» — The Financial Times «Цепляющие нарратив и герои… НФ-концепции до ужаса хороши». — Sci-Fi Now «Фонтан идей». — Interzone «"Квантовый вор", как и другие лучшие космические оперы этого века, это дом чудес, где положения мгновенно становятся традицией, а аргументы бросаются в глаза». — Джон Клют «Блестящий роман!» — Strange Horizins

- Ханну Райаниеми
  - ○
  - ○
  - ○ 1. Вор и дилемма узника
  - ○ 2. Вор и архонты
  - ○ 3. Сыщик и шоколадный костюм
  - ○ Интерлюдия. Король
  - ○ 4. Вор и нищий
  - ○ 5. Сыщик и зоку
  - ○ Интерлюдия. Великодушие
  - ○ 6. Вор и Поль Сернин

- 7. Сыщик и его отец
- Интерлюдия. Одержимость
- 8. Вор и пираты
- 9. Сыщик и письмо
- 10. Вор и второе первое свидание
- Интерлюдия. Мудрость
- 11. Вор и наставники
- 12. Сыщик и прощальная вечеринка
- Интерлюдия. Истина
- 13. Вор и потусторонний мир
- 14. Сыщик и архитектор
- 15. Вор и богиня
- 16. Вор и память
- Интерлюдия. Добродетель
- 17. Сыщик и гордиев узел
- 18. Вор и король
- 19. Сыщик и кольцо
- 20. Два вора и сыщик
- 21. Вор и украденное прощание
- Интерлюдия. Охотник

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Ханну Райаниеми
Квантовый вор

Hannu Rajaniemi
The Quantum Thief

© И. Савельева, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

«…Наступает момент, когда за всем этим перестаешь видеть самого себя, — и тебе становится весьма грустно. Сейчас я испытываю те самые чувства, которые, должно быть, томили человека, потерявшего свою тень…»

Морис ЛЕБЛАН «Побег Арсена Люпена»[1]

1. Вор и дилемма узника

Перед тем как воин-разум и я начинаем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор.

— Как ты думаешь, все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза — сотни человеческих глаз на концах стеблей, что растут из его тела, словно какие-то экзотические фрукты. Он парит по ту сторону от светящейся линии, разделяющей наши камеры. Огромный серебряный «Кольт», зажатый в похожем на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не пристрелил меня уже четырнадцать тысяч раз.

— Тюрьмы похожи на аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим сквозь них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, но бледнее. Вокруг меня во все стороны до бесконечности простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные пятна. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что появившийся на свет младенец, если не считать оружия в руке. Время от времени, когда удается добиться выигрыша, нам позволяют кое-что изменить. Воин-разум достиг успеха, и в его камере летают невесомые цветы, красные, фиолетовые и зеленые пузырьки, вырастающие из водяных шаров, словно его собственные карикатурные изображения. Самовлюбленный ублюдок.

— Если бы у нас имелись уборные, двери должны были бы открываться внутрь. Ничто никогда не меняется.

Ладно, желание поговорить у *меня* уже иссякло.

Воин-разум медленно поднимает оружие. По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы. *Неважно. На этот раз все должно получиться*. Я слегка наклоняю оружие, положение запястья и сам жест предполагают движение, как если бы я собирался поднять оружие. Каждый мой мускул взывает к *сотрудничеству. Ну же. Поддавайся. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями*…

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, врывающегося в твой череп и выходящего через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Пылающий вихрь в голове, теплая струйка крови и мозга на плечах и спине, внезапный холод и наконец — темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» сделали так, чтобы мы все это почувствовали. Это познавательно.

И сама Тюрьма всецело посвящена воспитанию. И теория игр: обучает принятию рациональных решений. Если бы я был бессмертным разумом, как архонты, возможно, у меня и нашлось бы время для подобных вещей. И это вполне в духе Соборности — верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной Системой — поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы раз за разом играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архетипическая игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли отвернуть в самый последний момент. Иногда мы становимся солдатами в окопах, и между нами лежит полоса ничейной земли. А время от времени они возвращают нас к основам и снова превращают в заключенных — старомодных заключенных на допросе у суровых следователей, где нам предстоит выбор между предательством и обетом молчания. Сегодняшний выбор — огнестрельное оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Жизнь выдергивает меня из темноты, словно шарик на резинке. Я отчаянно моргаю, мысли путаются и рвутся. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудника.

Если они выстрелят, а я нет, — это проигрыш. Если мы стреляем оба — боль незначительная. Если мы заключаем союз, — для нас обоих наступает Рождество. Вот только всегда находится причина, чтобы нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны выработать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом.

Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба пострадали: и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры. *Этого недостаточно. Проклятье.*

В игре против соседей трофеем является территория. Если в конце раунда твой счет выше, чем у соседей, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют —

и стирают — находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет — только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, — и если я не изменю положение, грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две клетки рядом со мной — слева и сзади — занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя собственная. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Ее смуглая кожа наводит на мысли об Оорте, о желтовато-коричневом азиатском лице и стройном, сильном теле. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает этот жест как взаимное сотрудничество: я чувствую, как мой счет немного подрастает, что создает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклянная стена между нами возвращается на свое место. *Ладно, это было совсем просто*. Но против воина-разума этого недостаточно.

— Эй, неудачник, — слышится чей-то голос. — Ты ее не интересуешь. Рядом имеются более привлекательные варианты.

В последней из камер сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края плавательного бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка»[2]. Это одна из моих любимых книг.

— Победил опять не ты, — говорит он, даже не потрудившись поднять голову. — Опять. Что с тобой случилось, три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что все стремится к равновесию.

— В этот раз я его *почти* достал.

— Эта ложная мысль о сотрудничестве была неплохой идеей, — говорит он. — Вот только она ни за что не сработает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, раздельные спинномозговые каналы. Их невозможно обмануть зрительными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю.

— Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

— Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный* Фламбер? Я неплохо поработал. В любом случае, чтобы его побить, тебе требуется еще десять очков, так что вали сюда, и я попробую тебе помочь.

— Ты действуешь мне на нервы, красавчик.

Я подхожу к голубой линии и впервые за этот раунд вздыхаю свободно. Он тоже поднимается, и из-под книги появляется

изящный автомат.

Я наставляю на него указательный палец.

— Бум-бум, — говорю я. — Готов сотрудничать.

— Очень смешно, — отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

В его очках отражается моя уменьшенная обнаженная фигура.

— Эй, эй. Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне казалось, что это я обладаю чувством юмора.

— Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, искусно имитированная камера — все это заставляет меня расслабиться, напоминает меня самого, но что-то здесь не так…

— Вот дерьмо.

В каждой тюрьме имеются свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я услышал это от одного зоку, с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. Существо, которое никогда ни с кем не сотрудничает и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается твоим двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

— Да, — говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

«По крайней мере, это не воин-разум», — успеваю подумать я, перед тем как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение ко к вкусу Сидан.

— Ты дрянь, — тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек, в четырнадцати километрах над кратером Клеопатры — маленьком островке жизни в отвесной пропасти гор Максвелла, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют сернистые вихри. Янтарный свет, просачивающийся сквозь адамантиевую псевдоматерию оболочки, покрывает кожу Сидан медным налетом. Изгиб ее ладони в точности повторяет выпуклость холмика Венеры Миели над еще влажным влагалищем. Внутри еще слегка трепещут мягкие лепестки.

— Что я такого сделала?

— Много чего. Этому тебя научили в *губернии*?

На лице Сидан вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

— Ты очень добра ко мне.

— Ты моя попка.

— А как насчет этого? Тебе нравится?

Пальчики свободной руки Сидан обводят серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

— Не трогай, — говорит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сидан отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

— Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, она перекатывает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

— Тебя здесь нет. Ты ненастоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрьме.

— Это помогает?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

— Не совсем так. Я не хочу уходить.

— Ты всегда была сильнее меня, — говорит Сидан. Она ласково перебирает волосы Миели. — Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сидан причиняет ей боль.

Миели.

Голос пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

— Еще немного…

Миели!

Трансформация — это тяжелый и болезненный процесс, как будто с размаху кусаешь персиковую косточку и твердое ядро реальности едва не ломает зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклянная стена, за ней разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Напрасно было позволять тебе эти воспоминания, слышится в ее голове голос Пеллегрини. *Мы едва не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно*.

Миели плюет косточкой в стеклянную стену, и преграда рассыпается осколками льда.

В первый момент время замедляет свой ход.

Удар пули вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в застывшую статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня разлетается вдребезги стеклянная стена. Осколки летают вокруг меня, блестят на солнце, словно новая

стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке чувствуется целенаправленность, как будто после долгих репетиций. Словно актер, услышавший необходимую реплику.

Она осматривает меня с головы до ног. У нее коротко остриженные темные волосы и шрам на левой скуле — геометрически прямая черная линия на сильно загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

— У тебя сегодня счастливый день, — говорит она. — Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла вокруг нас приобретает странные очертания, словно появляется знакомое лицо. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе — такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

— Нет, — говорю я.

Женщина из сна моргает.

— Я Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Я краду то, что захочу и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится…

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан*, говорит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Сделанная из стекла рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки рябью раскаленного воздуха, а затем концентрируется в высокую женщину в белой одежде, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными красновато-золотистыми локонами. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. *В твоей голове слишком мало места.* Она широко раскидывает руки. *А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне еще надо здесь кое-что сделать.*

Миели ощущает в себе чужую нарастающую силу и взлетает. Они поднимаются все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихайн и снова обретает крылья. Тюрьма быстро

превращается в сетку из крошечных квадратиков далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства, словно картинки…

И как раз перед тем как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать — это все равно что идти по

пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим спину солнцем и смотрит на робота у края площадки, занятой солнечными батареями. Робот похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но внутри него есть ценные вещи, за которые Одноглазый Ийя даст хорошую цену. И возможно — только возможно, — Тафалкайт снова назовет его сыном, как будто он член семьи…

Он никогда не хотел умереть в

тюрьме, этом грязном нагромождении бетона и металла, полном отвратительных запахов и побоев. Разбитая губа причиняет боль. Парень читает книгу о человеке, похожем на бога. О человеке, кто делает все, что хочет, кто похищает тайны королей и императоров, кто смеется над законами и может изменить свое лицо, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы получить драгоценности и женщин. О человеке с названием цветка в имени.

Мне ненавистно сознавать, что они тебя схватили.

Грубым рывком поднимают его с песка. Солдат наотмашь бьет по лицу, а остальные нацеливают винтовки…

Это совсем не так забавно, как

кража из алмазного разума. Бог воров прячется внутри думающей пыли, объединенной в одно целое квантовыми связями. Он выдает алмазному разуму одну ложь за другой, пока тот не начинает принимать его за одну из своих мыслей и пропускает внутрь.

Люди, которых великое множество, создали великолепные сверкающие миры как будто специально для него, и ему стоит лишь протянуть руку, чтобы их собрать.

Это все равно что умереть. А оживление похоже на

поворачивающийся в замке ключ. Металлические засовы отходят в сторону. Входит богиня и объявляет, что он свободен.

Рождение.

Страницы книги переворачиваются.

Глубокий вдох. Все болит. В глазах двоится. Я прикрываю лицо огромными ладонями. Прикосновение вызывает вспышку молнии. Мускулы превратились в сеть стальных кабелей. Нос забит слизью. В животе обожженная бурлящая дыра.

Сосредотачиваюсь. Шум в ушах я превращаю в скалу — вроде тех, что стоят на равнине Аргир[3] — большую, громоздкую и гладкую. Я мысленно падаю в тонкое сито, просачиваюсь сквозь него мелким красным песком. Скала не может за мной последовать.

Внезапно снова становится тихо. Я прислушиваюсь к своему пульсу. Он почему-то невероятно *ровный*: каждый удар словно тиканье самого точного механизма.

Слабо пахнет цветами. Дуновения воздуха шевелят волосы на руках и других местах — я все еще обнажен. Невесомость. Неслышное, но ощутимое присутствие интеллектуальной материи. И другого человеческого существа где-то неподалеку.

Что-то щекочет мне нос. Я отмахиваюсь и открываю глаза. Белая бабочка улетает в яркий свет.

Моргаю. Я на борту корабля — по первому впечатлению, это оортианский паучий корабль — в цилиндрическом помещении около десяти метров длиной и пяти метров в диаметре. Стены прозрачные, цвета грязноватого кометного льда. Внутри них заключены странные статуэтки, словно рунические письмена. Круглые деревья-бонсаи и многоугольные предметы меблировки медленно кружатся вокруг центральной оси цилиндра. За стенами звездная темнота. И повсюду вокруг белые мотыльки.

Моя спасительница парит неподалеку. Я улыбаюсь ей.

— Юная леди, — говорю я, — вы самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел.

Мой голос звучит как-то издалека, но это мой голос. Интересно, правильно ли они восстановили мое лицо? Вблизи она выглядит невероятно молодой, совсем юной: в ее ясных зеленых глазах нет выражения скуки все познавшего человека. Она осталась в той же простой одежде, в которой была в тюрьме. Ее поза в воздухе обманчиво свободная, гладкие стройные ноги вытянуты, расслаблены, но наготове, как у мастера единоборств. Цепочка из разноцветных драгоценных камней обвивает ее лодыжку и тянется вверх по ноге.

— Прими мои поздравления, вор, — говорит она. Низкий голос звучит ровно и размеренно, но в нем угадываются презрительные нотки. — Побег удался.

— Надеюсь, что это так. Насколько мне известно, все это может оказаться одним из новых вариантов «Дилеммы». До сих пор архонты вели себя достаточно последовательно, но трудно не стать параноиком, если ты *действительно* попал к ним в виртуальный ад.

Между ног у меня что-то дрогнуло, и, по крайней мере, одно из сомнений развеялось.

— Извини. Прошло так много времени, — говорю я, изучая свою возбужденную плоть с отстраненным интересом.

— Похоже на то, — нахмурившись, отвечает она.

На ее лице появляется странное выражение — смесь раздражения и возбуждения, — и я понимаю, что она, должно быть, прислушивается к этой телесной биотической связи и частично ощущает то же, что и я. Значит, еще один надзиратель.

— Можешь мне поверить, ты выбрался оттуда. И это потребовало значительных затрат. В Тюрьме, безусловно, еще остается несколько миллионов тебя, так что можешь считать себя счастливчиком.

Я цепляюсь рукой за поручень на центральной оси и передвигаюсь за один из бонсаев, скрывая свою наготу подобно Адаму. Из-под листьев вылетает целое облако бабочек. Усилие производит странное впечатление: мускулы моего нового тела еще только пробуждаются.

— Прекрасная леди, у меня имеется имя. — Я протягиваю ей руку поверх дерева. Она нерешительно принимает ее и сжимает пальцы. Я отвечаю самым крепким рукопожатием, на какое способен. Выражение ее лица не меняется. — Жан ле Фламбер к вашим услугам. Хотя ты абсолютно права. — Я беру в руку цепочку на ее ноге. Она извивается в пальцах, как живая. Змея из драгоценных камней. — Я вор.

Ее глаза распахиваются. Шрам на щеке чернеет. И я внезапно оказываюсь в преисподней.

Я бесплотная точка в темноте, я неспособен сформулировать ни одной связной мысли. Мой разум зажат в тиски. Что-то сдавливает меня со всех сторон, не пропуская ни мыслей, ни воспоминаний, ни ощущений. Это в тысячу раз хуже, чем пребывание в Тюрьме. И длится целую вечность.

А потом я возвращаюсь, тяжело дыша, с болью в животе, и вокруг летают сгустки желчи. Но я бесконечно благодарен за каждое ощущение.

— Никогда не смей больше так делать, — говорит она. — Твой разум и тело предоставлены тебе на время, это понятно? Укради то, что тебе скажут, и тебе позволят все это сохранить.

Драгоценная цепь по-прежнему обвивает ее лодыжку. На щеке подергивается мускул.

Приобретенные в Тюрьме инстинкты приказывают мне заткнуться и прекратить пререкания, но человек-цветок, живущий во мне, должен высказаться, и я не в силах его остановить.

— Слишком поздно, — говорю я, еще не отдышавшись.

— Что?

Морщинка, появившаяся на ее гладком лбу, по-своему

прекрасна — словно мазок кисти.

— Я исправился. Вы вытащили меня слишком поздно. Теперь, мадемуазель, я законченный альтруист, существо, полное доброй воли и любви к ближнему. Я даже подумать не могу о том, чтобы принять участие в каком-то противозаконном деянии, даже ради моей прекрасной спасительницы.

Она пристально смотрит мне в лицо.

— Очень хорошо.

— Очень хорошо?

— Если ты мне не подходишь, придется вернуться и взять кого-то другого. «Перхонен», заключи его, пожалуйста, в сферу и выброси наружу.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую себя дураком. Я слишком долго метался между поражением и сотрудничеством. Пора выбираться из этой вереницы. Я первым отвожу взгляд.

— Подожди, — медленно говорю я. — Теперь, когда ты об этом заговорила, я, возможно, вспомню о своих некоторых корыстных побуждениях. Я уже чувствую, как они возвращаются.

— Я так и думала, что они вернутся, — говорит она. — В конце концов, ты считался неисправимым.

— Итак, что же дальше?

— Скоро узнаешь, — отвечает она. — Меня зовут Миели. Это «Перхонен», мой корабль. — Ее рука описывает широкий жест. — Пока ты находишься здесь, мы твои боги.

— Куутар и Илматар[4]? — спрашиваю я, называя оортианских богов.

— Может быть. Или Человек Тьмы[5], если предпочитаешь.

Она улыбается. При мысли о том месте, куда она поместила меня в прошлом, я вижу в ней мрачного оортианского бога бездны.

— «Перхонен» покажет тебе твою каюту.

Вор уходит, и Миели опускается на кресло пилота. Она чувствует себя измотанной, хотя биотическая связь ее тела — которая вместе с «Перхонен» ждала ее несколько месяцев — свидетельствует о полученном в полной мере отдыхе. Но душевный разлад намного хуже обычной усталости.

Она ли это была в Тюрьме? Или кто-то другой?

Она вспоминает долгие недели подготовки, дни, проведенные в квантовом скафандре, замедляющем время, готовность совершить преступление только ради того, чтобы быть схваченной архонтами и попасть в Тюрьму. Вечность, проведенную в камере, погруженной в давние воспоминания. А затем стремительный побег по небу при поддержке пеллегрини,

пробуждение в новом теле, сопутствующие дрожь и слабость.

И все ради вора.

И теперь еще и квантовая связь, соединяющая ее с телом, которое создала для вора пеллегрини, и постоянная приглушенная настороженность в его мыслях. Словно лежишь рядом с незнакомцем и ощущаешь, как тот ворочается во сне. Доверие богини Соборности наверняка доведет ее до сумасшествия.

Он прикоснулся к камням Сидан. Гнев помогает, но ненадолго. *Нет, дело не только в нем, но и во мне самой.*

— Я отделалась от вора, — говорит «Перхонен».

Этот теплый голос в ее голове, по крайней мере, принадлежит *ей*, а не имитирован Тюрьмой. Миели берет в ладони одну из бабочек, и трепещущие крылышки щекочут ей кожу, словно в руках бьется пульс.

— Ощущаешь влюбленность? — насмешливо спрашивает корабль.

— Нет, — отвечает Миели. — Я просто скучала по тебе.

— Я тоже, — говорит корабль. Бабочка выпархивает из ее рук и вьется над головой. — Это было ужасно — оставаться в одиночестве и ждать тебя.

— Я знаю, — говорит Миели. — Прости.

Внезапно в голове возникает какое-то тревожное ощущение. Какой-то разрыв в мыслях, словно что-то было вырезано, а затем вставлено заново. *Вернулась ли я из Тюрьмы прежней*? Она знает, что могла бы обратиться к метамозгу Соборности, попросить выделить это ощущение, локализовать и удалить его. Но это не метод для воина Оорта.

— Ты плохо себя чувствуешь. Нельзя было тебя туда отпускать, — говорит «Перхонен». — Это дело не пошло тебе на пользу. Она не должна была заставлять тебя это делать.

— Ш-ш-ш, — предостерегает Миели. — Она услышит.

Но уже поздно.

Глупый корабль, говорит Пеллегрини. *Тебе следовало бы усвоить, что я всегда забочусь о своих детях*.

Пеллегрини уже здесь, она парит над Миели.

Непослушная девочка, продолжает она. *Ты не воспользовалась моими дарами. Дай-ка я посмотрю*.

Она грациозно опускается рядом с Миели, скрестив ноги, словно под действием земной силы тяжести. Затем прикасается к щеке Миели, и взгляд карих глаз упирается в ее глаза. У пеллегрини теплые пальцы, только одно из ее колец остается холодной черточкой, как раз на том месте, где находится шрам. Миели вдыхает запах ее духов. В голове что-то *поворачивается*,

шестеренки механизма сдвигаются и со щелчком встают на свои места. Внезапно ее мысли становятся гладкими, словно шелк.

Ну, так лучше? Когда-нибудь ты поймешь, что наши методы работают. Не стоит гадать, кто есть кто, надо понять, что все они — это ты.

Тревога угасает, как огонь под потоком холодной воды. От неожиданного облегчения она едва сдерживает слезы. Миели готова расплакаться, но только не перед *ней*. Поэтому она просто открывает глаза и ждет, готовая повиноваться.

Ни слова благодарности? Очень хорошо.

Пеллегрини открывает свою сумочку, достает маленький белый цилиндр и подносит ко рту. Один конец цилиндра загорается и выпускает дурно пахнущий дым.

Итак, скажи мне: что ты думаешь о моем воре?

— Говорить не мое дело, — тихо произносит Миели. — Я живу, чтобы служить.

Хороший ответ, хотя и немного наскучил. Разве вор не хорош? Ну же, отвечай начистоту. Неужели ты будешь тосковать по своей малышке-любовнице рядом с таким, как он?

— Он нам нужен? Я могу это сделать. Позволь мне служить, как я служила прежде…

Безупречно красивые губы Пеллегрини изгибаются в улыбке.

Не в этот раз. Ты хоть и не самая могущественная из моих слуг, зато самая преданная. Слушайся меня, и твоя вера будет вознаграждена.

После этого она исчезает, а Миели остается одна в кресле пилота, и вокруг ее головы вьются бабочки.

Моя каюта лишь немного просторнее, чем стенной шкаф. Я пытаюсь проглотить протеиновый молочный коктейль из фабрикатора с закусками и напитками, прикрепленного к стене, но мое новое тело еще не приспособилось усваивать пищу. Пришлось некоторое время провести на вакуумном унитазе — автономно работающем контейнере, который выскакивает из стены и прикрепляется к заднице. Похоже, оортианские корабли не отличаются высоким комфортом.

Одна из закругляющихся стен имеет зеркальное покрытие, и во время унизительной, но необходимой процедуры я рассматриваю свое лицо. Оно выглядит *неправильно*. Теоретически все повторено в точности: губы, глаза Питера Лорре[6] (как сказала одна из моих подружек сто лет назад), вдавленные виски, короткие волосы, слегка седеющие и редкие, привычная стрижка; худощавое, ничем не примечательное тело в приличном состоянии, с пучком волос на груди. Но, глядя на него, я не перестаю моргать, словно изображение не в фокусе.

Что еще хуже, точно такое же ощущение внутри моей головы. Пытаясь что-то вспомнить, я словно ощущаю языком дырку на месте выпавшего зуба.

Как будто что-то *украдено*. Смешно.

Я стараюсь отвлечься и выглядываю наружу. Стена каюты обладает достаточным увеличением, чтобы разглядеть вдали Тюрьму «Дилемма». Это сверкающий тор диаметром почти в тысячу километров, но отсюда он выглядит блестящим прищуренным глазом, который уставился прямо на меня. Я невольно сглатываю слюну и отвожу взгляд.

— Рад оказаться снаружи? — раздается голос корабля.

Голос определенно женский, почти как у Миели, только моложе и звучит как голос существа, с которым я бы не отказался встретиться в более благоприятной обстановке.

— Ты себе даже не можешь представить, как я рад. Это не слишком приятное место. — Я вздыхаю. — Я бесконечно благодарен твоему капитану, хоть она и явилась в самый последний момент.

— Послушай, — говорит «Перхонен». — Ты же не знаешь, через что ей пришлось пройти, чтобы тебя вытащить. Я с тебя глаз не спускаю.

Интересное замечание, стоит его запомнить и учесть при дальнейших исследованиях. Как же ей *удалось* меня вытащить? И на кого она работает? Но для этих вопросов еще рановато, и я просто улыбаюсь.

— Ладно, какую бы работу она для меня ни придумала, это лучше, чем каждый час получать пулю в голову. А твой босс не будет недоволен, узнав, что ты со мной разговариваешь? Я имею в виду беседу с криминальным интриганом и все такое.

— Думаю, я сумею с тобой справиться. Кроме того, строго говоря, она не мой *босс*.

— Вот как.

Я старомоден, но сексуальные отношения между людьми и гоголами всегда волновали меня в юности, а от старых привычек трудно избавиться.

— Ничего *подобного*, — говорит корабль. — Мы просто друзья! Кроме того, она меня создала. Ну, не меня, а корабль. Знаешь, я намного старше, чем кажется.

Мне становится интересно, настоящий ли акцент у этого голоса. — Я слышал о тебе. Давно. До Коллапса.

— Я бы сказал, ты выглядишь ни на день старше трех сотен лет. Тебе понравилось то, что ты слышала?

— Мне понравилось похищение солнечного подъемника. Классный угон.

— Классный, — соглашаюсь я. — Именно к этому я всегда и стремился. Кстати говоря, ты выглядишь не старше трехсот лет.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Гм. Судя по тому, что я успел увидеть, это так.

— Хочешь, я проведу тебя по кораблю? Миели не будет возражать, она сейчас занята.

— С удовольствием.

Это определенно женщина — возможно, Тюрьма не полностью лишила меня шарма.

Внезапно я чувствую настоятельную потребность одеться: разговоривая с существом женского пола любого рода, не имея на себе даже фигового листка, я ощущаю себя излишне уязвимым.

— Похоже, у нас будет масса времени познакомиться поближе. Но, может быть, ты для начала снабдишь меня какой-нибудь одеждой?

И «Перхонен» создает для меня костюм. Ткань слишком гладкая — я не люблю носить вещи из интеллектуальной материи, — но когда я вижу себя в белой рубашке, черных брюках и темно-бордовом пиджаке, ощущение скованности немного рассеивается.

Затем она показывает мне спаймскейп, и мир внезапно возникает передо мной в новом свете. Я шагаю туда, покинув свое тело, мой взгляд перемещается в космос, и я вижу корабль со стороны.

Я был прав: это оортианский паучий корабль. Он состоит из отдельных модулей, связанных между собой нановолокнами, причем жилые отсеки вращаются вокруг центральной оси, словно кабинки карусели в луна-парке, что создает некоторое подобие гравитации. Связующие волокна образуют сеть, по которой модули могут перемещаться, как пауки в паутине. Паруса из квантовых частиц — концентрические кольца, созданные из искусственных атомов и тонкие, словно мыльные пузыри, — расходятся вокруг корабля на несколько километров. Они с одинаковой легкостью способны улавливать солнечный свет, информационные мезочастицы и лучи маяков Магистрали, а кроме того, представляют собой потрясающее зрелище.

Затем я украдкой бросаю взгляд на собственное тело и испытываю при этом *настоящее* потрясение. Взгляд из спаймскейпа позволяет увидеть все детали. Сеть ку-точек под кожей, протеомические компьютеры в каждой клетке, плотный компьютрониум в костях. Подобная система могла быть создана только в близких к Солнцу мирах-*губерниях*. Выходит, что мои спасители работают на Соборность. Интересно.

— Я думала, что ты хочешь познакомиться со *мной*, —

обиженно говорит «Перхонен».

— Конечно, — отвечаю я. — Просто хотел убедиться, что выгляжу подобающим образом. Знаешь, в Тюрьме я совсем отвык от женского общества.

— А кстати, почему ты там оказался?

Удивительно, но до сих пор я об этом даже не задумывался. Я был слишком занят оружием, поражениями и сотрудничеством.

Почему же я попал в Тюрьму?

— Хорошенькой девушке вроде тебя не стоит беспокоиться о подобных вещах.

«Перхонен» вздыхает.

— Наверно, ты прав. Наверно, не стоило мне с тобой разговаривать. Если Миели об этом узнает, она может огорчиться. Но у нас на борту так давно не было никого *интересного*.

— Да, в такой местности трудно надеяться на приличных соседей. — Я указываю на звездные поля вокруг. — Где мы находимся?

— Это Троянские астероиды Нептуна. Задрипанная дыра в пустоте. Когда она ушла тебя вытаскивать, я долгое время ждала здесь ее возвращения.

— Тебе необходимо поближе познакомиться с жизнью преступников. Она вся сплошь состоит из ожидания. Скука, перемежаемая вспышками откровенного ужаса. Некоторое подобие войны.

— О, на войне было гораздо лучше, — взволнованно восклицает она. — Мы участвовали в Протокольной войне. Мне понравилось. Приходится так *быстро* думать. Знаешь, мы проделывали удивительные вещи, даже украли луну. Это было потрясающе. Метиду, как раз перед Вспышкой. Миели установила внутри странглетовый заряд, чтобы столкнуть ее с орбиты. Какой был фейерверк, ты не поверишь…

«Перхонен» внезапно замолчала. Мне показалось, она опасалась, что сказала что-то лишнее. Но нет: ее внимание привлекло нечто другое.

Вдали, между паутиной парусов корабля, векторами спаймскейпа и метками жилых модулей, появилась россыпь ослепительно ярких шестиконечных звезд. Я увеличил степень приближения. Острые и вытянутые, словно клыки, силуэты темных кораблей с барельефами семи лиц на носовой части — тех самых лиц, что украшают каждое здание Соборности: боги-короли триллионов подданных. Я привык выпивать, глядя на них.

Приближались архонты.

— Не знаю, что ты такого сделал, — говорит «Перхонен», — но, похоже, они хотят заполучить тебя обратно.

2. Вор и архонты

Что же я сделала?

Кресло пилота мягко обнимает ее тело, но сердце Миели тревожно бьется. *В Тюрьме что-то пошло неправильно. Но все было так, как и во время имитаций. Почему же они нас преследуют?* Она погружается в боевую сосредоточенность, обеспеченную содействием пеллегрини. Возникает ощущение прохладного покрывала, и мир распадается на векторы и гравитационные колодцы. Мысли Миели объединяются с логикой «Перхонен» и заметно ускоряются.

Объекты: «Перхонен».

Рассеянные в пространстве астероиды Трояна, вращающиеся вокруг 2006RJ103 — две сотни тысяч обломков скал, населенных медленномыслящими представителями синтетической жизни.

Тюрьма, плотный, темный и холодный ромбовидный тор в тридцати световых секундах позади, отправная точка маршрута «Перхонен».

Корабли-клинки архонтов, приближающиеся с ускорением в 5g, что намного превосходит плавную тягу световых парусов «Перхонен». Факелы, выбрасываемые их работающими на антиматерии двигателями, в спаймскейпе превращаются в огненные столбы рассеянных мезонов и гамма-лучей.

Магистраль, в двадцати световых секундах по курсу, — их следующий пункт назначения. Непрерывный поток кораблей, одна из немногих редких неизменно идеальных плоскостей в N-частичном ньютоновском кошмаре Солнечной системы, гравитационная артерия, позволяющая легко и быстро перемещаться посредством легчайших толчков. Спасительное убежище, но слишком далеко отсюда.

— Ну ладно, — выдыхает Миели. — Боевая тревога.

Под оортианским сапфирово-коралловым корпусом пробуждается скрытая технология Соборности. Паучий корабль трансформируется. Разбросанные модули скользят вдоль своих направляющих и соединяются в плотный тугой конус.

Квантовые паруса из превосходных отражателей превращаются в алмазно-прочный защитный барьер.

Как раз вовремя, перед самым ударом наноракет архонтов.

Первый залп вызывает лишь легкие толчки, не приносящие никакого вреда. Но следующая партия адаптирует и оптимизирует прицел, а потом еще одна и еще, пока не разрушится либо программный блок, либо сама конструкция защитного барьера. А затем…

Нам необходимо добраться до Магистрали.

Серверы в ее мозгу как будто алмазными зубцами высекают теоретико-игровые направления. Перед ней так же много путей, как толкований оортианской песни, и требуется выбрать только один…

Еще один залп сверкает в спаймскейпе бесчисленными иглами света. На этот раз некоторые из них пробивают барьер. Один из грузовых модулей расцветает уродливым сапфировым наростом. Она спокойно удаляет его и наблюдает, как отсек, все еще меняясь, словно злокачественная опухоль, отдаляется от корабля, формируя странные органы, которые стреляют в щит «Перхонен» спорами размером с молекулу. В конце концов модуль сгорает в лучах противометеоритных лазеров.

— Это больно, — говорит «Перхонен».

— Боюсь, эту боль придется испытать еще не один раз.

Она за один раз сжигает весь аварийный запас антиматерии, поворачивая корабль в неглубокий гравитационный колодец 2006RJ103. Антипротоны из магнитного кольца-хранилища превращаются в раскаленные выбросы плазмы, вызывая стоны «Перхонен». Часть высвободившейся энергии она направляет на подкачку мощности программируемых стержней, вырабатывающих материал корпуса. Архонты легко повторяют ее маневр, приближаются и снова стреляют.

Вокруг Миели раздаются стоны «Перхонен», но состояние сосредоточенности заставляет заниматься первоочередными задачами. Она усилием мысли заменяет странглетовый снаряд в крохотном арсенале «Перхонен» торпедой на квантовых частицах и стреляет в астероид.

Спаймскейп на мгновение заливает ослепительная вспышка гамма-лучей и экзотических барионов. А затем каменная глыба превращается в фонтан света, в негаснущую молнию. Прибор пытается приспособиться, но срывается на белый шум и гаснет. Миели, вынужденная лететь вслепую, снова разворачивает крылья «Перхонен». Вихрь частиц, образовавшийся при гибели астероида, подхватывает корабль и несет их к Магистрали. Внезапное ускорение наливает тяжестью ее тело, а сапфировая структура корабля начинает петь.

Спаймскейпу потребовалось лишь мгновение, чтобы справиться с безумными помехами вихревых потоков частиц. Миели затаила дыхание: в медленно расширяющемся светящемся облаке позади них не видно черных хищных кораблей. Или они потонули в вихре взрыва, или потеряли свою цель в безумии субатомных потоков. Она выходит из состояния боевой сосредоточенности и позволяет себе насладиться триумфом.

— Мы сделали это, — говорит она.

— Миели? Мне нехорошо.

На корпусе корабля расплывается черное пятно. А в центре торчит крошечный черный осколок, темный и холодный. Осколок наноракеты архонтов.

— Избавься от него.

Страх и отвращение после погружения в боевую сосредоточенность вызывают во рту резкий и противный привкус желчи.

— Я не могу. Я не могу даже прикоснуться к нему. От него пахнет Тюрьмой.

Миели со страстной мольбой обращается к той части разума, к которой прикоснулась богиня Соборности. Но Пеллегрини не отвечает.

Корабль вокруг меня умирает.

Я не знаю, что сделала Миели, однако, судя по вспышке миниатюрной сверхновой, что озарила космос несколько минут назад, она неплохо преуспела в этой войне. Но теперь по сапфировым стенам расползается паутина черноты. Так вот что придумали архонты: они внедряются в тебя и превращают *тебя* в Тюрьму. Микрочастицы работают все быстрее и быстрее, распространяя запах горящих опилок, преодолевая все защитные системы корабля. Вместе с запахом появляется шум — рев лесного пожара.

Что ж, я считаю, это было слишком хорошо, чтобы долго продолжаться. Правительство — это лучший полицейский.

Я пытаюсь возродить возбуждение, испытанное при краже драгоценности Миели. Возможно, я смогу унести эти камешки с собой. А может, это было всего лишь предсмертное видение и я никогда не выходил на свободу. Все это была лишь тюрьма в тюрьме.

А потом в моей голове раздается насмешливый голос.

Жан ле Фламбер отступает. Тюрьма сломила тебя. Ты заслуживаешь того, чтобы вернуться обратно. Ты ничем не отличаешься от сломанных воинов-разумов, безумных игрушек Соборности и забытых покойников. Ты даже не помнишь своих подвигов и приключений. Ты не он, ты просто воспоминание, считающее себя…

Черт побери, нет. Всегда есть какой-то выход. Нельзя стать заключенным, если сам себя таковым не *считаешь*. Так сказала мне богиня.

И я внезапно понимаю, что должен сделать.

— Корабль.

Проклятье. Не отвечает.

— Корабль! Мне необходимо поговорить с Миели!

Опять ничего.

В каюте становится жарко. Надо торопиться. Снаружи, в безвоздушном пространстве пойманным полярным сиянием горят паруса «Перхонен». Корабль так разогнался, что возникла гравитация, не меньше половины *g*. Вот только направления искажены: низ оказался где-то в задней части центрального отсека. Я выбираюсь из каюты, цепляюсь за поручни и начинаю карабкаться к рубке пилота.

Ослепительная вспышка обжигает раскаленным воздухом: целый сегмент цилиндра, медленно вращаясь, уносится вниз, в бездну. От вакуума меня теперь отделяет только мгновенно возникшая стена из квантовых точек, тонкая, как пленка мыльного пузыря. И удалять инфекцию уже слишком поздно. Вокруг меня летают горячие сапфировые осколки: один из них, острый, как бритва, оставляет на моем предплечье болезненный кровавый след.

Очень жарко, запах горящих опилок распространился повсюду. По стенам расползается чернота: корабль тлеет, превращаясь в нечто иное. Сердце в груди колотится, как будто горбун из Нотр-Дам бьет в колокол, но я упрямо карабкаюсь наверх.

Сквозь сапфировую переборку я уже могу заглянуть в рубку: клубящиеся облака тумана, Миели в своем кресле, ее глаза закрыты. Я кулаком стучу в дверь.

— Дай мне войти!

Я не знаю, поражен ли ее мозг. Все, что я знаю наверняка, так это то, что она уже может быть в Тюрьме. Но, если этого не произошло, она мне нужна, чтобы выбраться из этой переделки. Я крепче хватаюсь за поручень и пытаюсь разбить дверь ногой. Никакого результата. Или она сама, или корабль должны приказать сапфиру разойтись.

Сапфир. Я вспомнил выражение лица Миели, когда очнулся возбужденным. Биотическая связь существует, но, вероятно, фильтруется. Однако должен же быть какой-то порог…

Ерунда. Отсутствие времени на колебания облегчает задачу. Я подхватываю в воздухе длинный тонкий осколок сапфира и со всех сил втыкаю в левую ладонь между пястными костями. Я едва не теряю сознание. Осколок по пути рвет сухожилия и вены, царапает кости. Это все равно что пожать руку Сатане: боль полыхает перед глазами красно-черными пятнами. Появляется запах крови: медленными искаженными каплями она вытекает из раны и уносится вниз.

Это первая реальная боль, которую я ощущаю после

заключения в Тюрьму, и в этом есть что-то смешное. Я смотрю на голубой осколок, торчащий из руки, и начинаю смеяться, пока боль не становится настолько сильной, что смех превращается в вопль.

Кто-то сильно бьет меня по лицу.

— Проклятье, что ты придумал?

Миели широко раскрытыми глазами смотрит на меня из дверного проема рубки.

Отлично, по крайней мере, она это почувствовала.

Вокруг нас клубится туман, и к нему примешивается серая пыль, что наводит на мысли о падающем пепле в горящем городе.

— Доверься мне, — говорю я ей, усмехаясь и истекая кровью. — У меня есть план.

— У тебя десять секунд.

— Я могу от него избавиться. Обмануть их. Я знаю, как это сделать. Мне известен образ их мышления. Я провел там *долгое* время.

— А почему я должна тебе верить?

Я поднимаю окровавленную руку и выдергиваю осколок сапфира. Раздается противный чавкающий звук, а потом глаза снова застилает вспышка боли.

— Потому что я скорее воткну это себе в глаз, но туда не вернусь.

Одно мгновение она смотрит мне в глаза, а потом искренне улыбается.

— Что тебе для этого нужно?

— Мне необходим полный доступ к системам корабля. Я знаю, чем это нам грозит. Мне нужен доступ к компьютерным ресурсам, и не только к базовым.

Миели глубоко вздыхает.

— Ладно. Вышвырни этого мерзавца с моего корабля.

Потом она закрывает глаза, и в моей голове что-то *щелкает*.

Я *корень*, а мое тело — Иггдразиль, Древо Вселенной. В его костях алмазные механизмы, а в каждой клетке продукты протеомической технологии. А мозг — это настоящий мозг Соборности районного масштаба, способный управлять целыми мирами. Моя психическая личность в нем меньше, чем одна страничка в библиотеке Вавилона. Одна часть меня усмехается и мгновенно находит путь бегства — воспользоваться частью удивительной машины и направить ее в космос, оставив моих спасителей моим тюремщикам. А другая часть меня, как ни удивительно, *возражает*.

Я двигаюсь по умирающему кораблю и ищу наноракету. Теперь я не похож на неуклюжую обезьяну, а плавно скольжу по

воздуху, словно миниатюрный космический корабль. Мои обострившиеся чувства определяют точку в толще производственного модуля в дальнем конце цилиндра. Именно отсюда распространяется материя Тюрьмы.

Одним движением мысли я создаю копию изображения спаймскейпа «Перхонен». Затем приказываю сапфировой плоти корабля открыться. Стена превращается во влажное мягкое желе. Я глубоко запускаю в него руку, дотягиваюсь до ракеты и вытаскиваю ее наружу. Снаряд крохотный, не больше одной клетки, но сделан в виде клыка с острыми зазубринами. Мое тело обхватывает его щупальцами из квантовых точек. Я поднимаю находку вверх: такая мелочь, но внутри заключен разум архонта, наблюдающего за превращением корабля в Тюрьму.

Я подношу ее ко рту, раскусываю и глотаю.

Архонт доволен.

В момент исследования вора он на мгновение ощутил диссонанс, какое-то несоответствие, словно обнаружил двух воров в одном.

Но за пределами Матери-Тюрьмы творятся странные вещи: здесь ведется нечестная игра. Старая вздорная физика не столь безупречна, как игра архонтов — совершенная в своей простоте и в то же время охватывающая всю математику в ее неразрешимости. Вот почему его задание заключается в превращении этой материи в еще одну Тюрьму, в придании Вселенной большей чистоты. Вот что научил их любить их Отец, Творец Душ. Только таким методом можно исправить мир.

А это отличная материя для превращения в Тюрьму. В предвкушении системы повторенной «Дилеммы» у него даже увлажнился рот. Его отец-имитатор открыл образец, напоминающий по вкусу ореховое мороженое: повторяющаяся серийная стратегия, как флаер в Игре Жизни. Возможно, и ему удастся обнаружить что-то новенькое здесь, на его собственной маленькой игровой доске.

Далеко-далеко отсюда его братья-имитаторы нашептывают по кват-связи свои жалобы на огорчительное несоответствие, на аномалию при обнаружении побега вора и той, другой. Он заверяет их, что все уже сделано, что они вскоре вернутся к Матери-Тюрьме, а он принесет кое-что новенькое.

Он смотрит вниз, на сеть клеток, где обитают мелкие воры и бабочки, и женщина-оортианка, которых он обнаружил в этой сладкой материи. Скоро Игра начнется снова, теперь уже в любой момент.

Она будет иметь вкус лимонного шербета, решает архонт.

— Магия, — говорю я ей. — Тебе известно, как работают

магические трюки?

Я уже вернулся в свое человеческое состояние. Воспоминания о развернутых ощущениях и компьютерной мощи постепенно бледнеют, но еще живы, словно фантомная боль в утраченной конечности. И кроме того, внутри меня остался архонт, запертый в моих костях, в глубоком компьютерном морозильнике.

Мы сидим в тесном складском модуле, его вращение вокруг оси обеспечивает силу тяжести, а корабль занимается восстановлением. А вокруг нас сверкающий поток космических кораблей, рассеянных в пространстве более тысячи кубических километров, но приближенных благодаря особенности внешнего покрытия корпуса «Перхонен». Здесь и сверхскоростные генерационные суда зоку с колоссальными выбросами тепла, для которых один день путешествия равен тысяче лет, и похожие на китов корабли безмятежности с зеленью и миниатюрными искусственными светилами внутри, и повсюду, словно мотыльки, летают сгустки мыслей Соборности.

— На самом деле все очень просто, дело в нейробиологии. Отвлеченное внимание.

Миели не обращает на меня внимания. Она накрывает стоящий между нами столик. Там уже стоят оортианские блюда: и странные прозрачные пурпурные кубики, и извивающиеся продукты синтжизни, и аккуратно нарезанные разноцветные — тщательно сфабрикованные — фрукты, и два маленьких стакана. Ее движения сосредоточенны и размеренны, словно при проведении ритуала. По-прежнему игнорируя меня, она вынимает из стенного шкафчика бутылку.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Мы празднуем, — отвечает она.

— Да, это стоит отметить. — Я усмехаюсь. — Должен признаться, мне потребовалось немало времени, чтобы понять. Ты не поверишь, но разум Соборности можно подвергнуть частичной слепоте. Ничего не меняется. Я ведь переключил его сенсорные входы и закачал в них имитацию, основанную на показаниях спаймскейпа «Перхонен». Он до сих пор уверен, что строит Тюрьму. Только очень медленно.

— Понимаю.

Она хмурится, глядя на бутылку, вероятно, прикидывая, как ее откупорить. Отсутствие интереса к моему гениальному плану вызывает у меня раздражение.

— Понимаешь? Это похоже на простой трюк. Посмотри.

Я протягиваю руку к вилке, делаю вид, что обхватываю ее пальцами, а на самом деле сталкиваю себе на колени. Затем поднимаю обе руки и раскрываю пальцы.

— Исчезла. — Она изумленно моргает. Я снова сжимаю левый кулак. — Или трансформировалась. — Разжимаю пальцы — и на ладони извивается ее драгоценная цепочка.

— Никогда больше не прикасайся к ней, — говорит она. — Никогда.

— Обещаю, — искренне говорю я. — С этого момента мы действуем заодно. Договорились?

— Согласна, — несколько изменившимся голосом отвечает она.

Я глубоко вздыхаю.

— Со слов корабля я узнал, что ты сделала. Чтобы вытащить меня, ты спустилась в преисподнюю, — говорю я. — Что же заставило тебя на это решиться?

Она не отвечает и резким движением отворачивает крышку бутылки.

— Послушай, — продолжаю я. — Это касается твоего предложения. Я передумал. Я украду то, что тебе так необходимо украсть. И неважно, на кого ты работаешь. И даже сделаю это так, как ты захочешь. Считай, что это долг чести.

Она наливает вино. Густая золотистая жидкость очень медленно вытекает из бутылки. Наконец я поднимаю свой стакан.

— Выпьем за это?

Раздается звон наших стаканов: для того чтобы чокнуться при низкой силе тяжести, требуется немалая ловкость. Мы пьем.

Таниш-Эрбен Таниш, 2343. Слабый запах дерева отличает самое выдержанное вино. Иногда его называют «Дыхание Тадеуша».

Откуда я могу это знать?

— Мне нужен не ты, вор, — говорит Миели. — А тот, кем ты *был*. И это первое, что мы должны украсть.

Я таращусь на нее, вдыхая «Дыхание Тадеуша». И вместе с запахом приходят воспоминания, годы и годы другого бытия наполняют меня,

как вино наполняет бокал. «Средней упитанности, крепкая, с признаками энтузиазма», — говорит он с улыбкой, глядя сквозь рислинг, искрящийся жидким светом. «Кто это средней упитанности?» — со смехом восклицает она. И он уже уверен, что завоевал ее.

Но именно он принадлежит ей все эти годы любви и вина, проведенные в Ублиетте[7].

Он — я — сумел это скрыть. Стеганография мозга. Эффект Пруста. Необнаруженные архонтами ассоциативные воспоминания, открывающиеся запахом, который невозможно уловить в тюрьме, где ты никогда не ешь и не пьешь.

— Я гений, — объявляю я Миели.

Она не улыбается, а только слегка прищуривает глаза.

— Значит, на Марс, — говорит она. — В Ублиетт.

Мне становится холодно. Понятно, что в этом теле и в этом разуме мне не достичь никакого уединения. Просто еще одна тюрьма и еще один надзиратель. Но в качестве заключения эта тюрьма намного лучше предыдущей: красивая женщина, тайны и отличная еда, и море кораблей, уносящих нас навстречу приключениям.

Я улыбаюсь.

— Место забвения, — говорю я и поднимаю стакан. — За новые начинания.

Она молча пьет со мной. А яркие паруса «Перхонен» уже несут нас по Магистрали.

3. Сыщик и шоколадный костюм

Запах кожи на шоколадной фабрике удивляет Исидора. Шум конш-машин рождает эхо в высоких стенах из красного кирпича. К нему примешивается ворчанье окрашенных в кремовый цвет труб. В блестящих стальных емкостях непрерывно вращаются лопасти, и каждый неторопливый поворот выдавливает из шоколадной массы очередную порцию ароматов.

На полу, в луже шоколада, лежит мертвый мужчина. В бледном утреннем марсианском свете, падающем на него из высокого окна, труп превращается в статую страдания: худой жилистый плакальщик с запавшими висками и реденькими усами. Глаза открыты, в них видны белки, но остальная часть лица покрыта слоем черно-коричневой массы из резервуара, в который он вцепился, словно хотел там утопиться. Белый фартук и вся остальная одежда так густо покрыты пятнами, что могут использоваться в качестве пособия для теста Роршаха.

Исидор прищуривается, чтобы получить доступ к экзопамяти Ублиетта. В результате лицо мужчины становится ему знакомым, словно лицо старого друга. *Марк Деверо. Третье Достойное воплощение. Шоколатье. Женат. Имеет одну дочь*. Это первые факты, и по спине Исидора пробежали мурашки. В начале каждого расследования он всегда чувствует себя ребенком, разворачивающим подарок. За этой смертью, под слоем шоколада, что-то скрывается.

— Скверное дело, — раздается резкий звучный голос, от которого он невольно вздрагивает.

Ну конечно, по другую сторону от трупа, опираясь на трость, стоит Джентльмен. Солнце яркими бликами играет на гладком металлическом овале его лица, составляющего резкий контраст с чернотой длинного бархатного плаща и цилиндра.

— Когда вы меня вызвали, — говорит Исидор, — я не предполагал, что это еще один случай гогол-пиратства.

Он старается выглядеть равнодушным, но полностью скрывать свои чувства посредством гевулота было бы грубо, и он позволяет себе выразить некоторую долю энтузиазма. Это всего лишь третья его личная встреча с наставником. Работать с одним из самых уважаемых стражей порядка Ублиетта было для него равносильно воплощению мальчишеской мечты. И все же он не ожидал, что Джентльмен пригласит его к расследованию интеллектуальной кражи. Подслушивание ведущих умов Ублиетта агентами Соборности и представителями третьей стороны было именно тем преступлением, которое поклялись

предотвращать наставники.

— Прими мои извинения, — говорит Джентльмен. — В следующий раз я выберу более экстравагантный случай. Смотри внимательнее.

Исидор достает увеличительное стекло работы зоку — подарок Пиксил, гладкий диск из интеллектуальной материи, закрепленный на бронзовой ручке, — и смотрит на тело сквозь него. Перед ним сменяются изображения вен, тканей мозга и клеточной структуры, загадочными морскими чудовищами проплывают картины метаболизма мертвого тела. Он снова щурится, на этот раз на незнакомую медицинскую информацию, а затем морщится от легкой головной боли, когда записи перекачиваются в его временную память.

— Какой-то вид… вирусной инфекции, — нахмурившись, говорит он. — Ретровирус. Стекло показывает, что в клетках его головного мозга наблюдается аномальная генетическая цепочка, что-то вроде результата деятельности археобактерий. Как скоро мы сможем с ним поговорить?

Исидор недолюбливает допрашивать оживленных жертв преступления: их воспоминания всегда отрывочны, а кое-кто и вовсе не желает нарушить традиционное для Ублиетта право на частную жизнь, даже ради поимки собственного убийцы или расследования случая гогол-пиратства.

— Возможно, никогда, — говорит Джентльмен.

— Как?

— Это случай оптогенетической закачки из информационного модуля. Очень грубо: вероятно, имела место агония. Это старый прием, придуманный еще до Коллапса. Его испытывали на крысах. Мозг объекта заражается вирусом, который делает его клетки сверхчувствительными к желтому цвету. А затем мозг в течение нескольких часов подвергается воздействию лазеров, перехватывается система нацеливания, и информационный блок учится ее имитировать. Вот откуда взялись эти маленькие отверстия на черепе. Оптические волокна. Каналы закачки. — Затянутой в перчатку рукой наставник осторожно приподнимает редкие волосы шоколатье, и под ними обнаруживаются два небольших темных пятнышка, расположенных в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Этот способ оставляет массу разнообразной информации, но вся она проходит мимо гевулота. И безусловно, полностью разрушает его экзопамять. Можно сказать, убивает его. Тело, скорее всего, умирает от тахиаритмии. Воскресители работают над его следующим телом, но надеяться на это не стоит. Если только мы не сумеем выяснить, куда ушла информация.

— Понятно, — говорит Исидор. — Вы правы, это действительно *интересный* случай для гогол-пиратства.

При упоминании «гоголов» он не в силах скрыть своего отвращения: мертвые души, запрограммированные разумы человеческих существ, обреченные подчиняться чужой воле. Это проклятие для каждого обитателя Ублиетта.

Как правило, гогол-пиратство — похищение разума без ведома жертвы — основано на принципах прикладной социологии. Пираты втираются в доверие к выбранному объекту и понемногу подрывают сопротивляемость его гевулота, пока не получают возможность совершить решительную атаку. Но здесь…

— Концепция гордиева узла. Простая и элегантная.

— Я бы не сказал, что здесь возможно употребить определение «элегантная», мой мальчик. — В голосе наставника слышится оттенок гнева. — Хочешь посмотреть, что с ним произошло?

— Посмотреть?

— Я навещал его. Воскресители уже работают. Зрелище не из приятных.

— Ох.

Исидор невольно сглатывает слюну. Сама смерть не так отвратительна, как то, что за ней следует, и от одной этой мысли его ладони становятся влажными. Но, если он хочет когда-нибудь стать наставником, ему придется побороть страх перед потусторонним миром.

— Конечно, если вы считаете, что это принесет пользу.

— Хорошо.

Наставник протягивает ему открытые ладони и делится совмещенной памятью. Исидор, польщенный интимностью этого акта, принимает ее. И в его памяти сразу возникает комната в подземелье, где Воскресители в темных одеяниях заполняют только что отштампованные тела разумами, восстановленными из экзопамяти. Восстановленный шоколатье лежит в резервуаре с синтбиотической жидкостью, как будто принимает ванну. Доктор Феррейра прикасается ко лбу неподвижного тела красиво оправленным в бронзу декантатором. Внезапно сверкают белки глаз, раздается протяжный вопль, конечности лихорадочно дергаются, затем слышится щелчок вывихнутой челюсти.

Исидора тошнит от запаха кожи.

— Это… ужасно.

— Жаль, это слишком по-человечески, — говорит Наставник. — Но кое-какая надежда все-таки есть. Если мы сможем отыскать информацию, доктор Феррейра считает, что сможет отсечь помехи от его экзопамяти и восстановить его

полностью.

Исидор глубоко вздыхает. Свой гнев он растворяет в спокойном озере тайны.

— А ты не догадываешься, почему здесь оказался?

Исидор посредством гевулота исследует помещение — повсюду ощущается характерное для граждан Ублиетта стремление сохранить свою личность в неприкосновенности. Все заведение кажется обтекаемо-гладким. Пытаться проникнуть в экзопамять, касающуюся происходящих здесь событий, все равно что хватать руками воздух.

— Для него это было весьма уединенное место, — говорит Исидор. — Я не думаю, что он открывал свой гевулот даже для самых близких членов семьи.

Появляются три маленьких синтбиотических дрона — большие проворные пауки, окрашенные в ярко-зеленый и пурпурный цвета. Они подкручивают ручки конш-машины, и ритм немного повышается. Один из них останавливается, чтобы исследовать Наставника, паучьи лапы трогают его плащ. Наставник отталкивает дрона резким движением трости, и тот убирается прочь.

— Правильно, — говорит Наставник.

Он приближается к Исидору и встает так близко, что в серебристом овале появляется неискаженное отражение его лица. Волнистые волосы растрепались, щеки горят.

— У нас нет иной возможности восстановить произошедшие здесь события, кроме как старинным способом. И как ни грустно мне это признавать, у тебя, похоже, имеется к этому определенный талант.

На таком близком расстоянии от Наставника ощущается странный сладковатый запах, напоминающий ароматы специй, а металлическая маска как будто излучает тепло. Исидор делает шаг назад и откашливается.

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах, — говорит он, делая вид, что смотрит на свои Часы — простой медный диск на запястье с единственной стрелкой, отсчитывающей его срок жизни до перехода в состояние Спокойного. — Надеюсь, что это не займет много времени, — говорит он, но дрогнувший голос лишает его возможности притвориться равнодушным. — Я должен сегодня попасть на вечеринку.

Джентльмен ничего не говорит, но Исидор отчетливо представляет себе циничную улыбку, скрываемую маской.

К жизни пробуждается еще одна машина. Это устройство выглядит более сложным, чем примитивные конш-машины из нержавеющей стали. Витиеватые украшения на латунных деталях

указывают на то, что механизм принадлежит к эпохе Королевства: фабрикатор. Изящная штанга, похожая на часовую стрелку, танцует над металлическим поддоном и несколькими точными штрихами атомных лучей вырисовывает аккуратный ряд macarone[8]. Дроны запаковывают сладости в небольшие коробки и уносят.

Исидор осуждающе хмурит брови: настоящий ремесленник Ублиетта не должен полностью полагаться на технологии. Но очертания устройства каким-то образом складываются в едва уловимый образ, формирующийся в его мозгу. Он присматривается к машине более внимательно. Поддон покрыт тонкими полосками шоколадной массы.

— Для начала мне, безусловно, потребуется все, что у вас есть, — говорит он.

— Тело обнаружил его помощник. — Легким движением руки в белой перчатке Джентльмен передает Исидору небольшой фрагмент памяти: лицо и имя. Тот воспринимает объект как мимолетное знакомство. Сив Линдстрем. Смуглая кожа, хорошенькое личико, черные волосы, зачесанные в завиток цвета темного какао. — И семья согласилась с нами поговорить… Что ты делаешь?

Исидор кладет в рот кусочек шоколада, взятый с подноса перед фабрикатором, быстро щурится и вздрагивает от головной боли, сопутствующей чужим воспоминаниям. Но они помогают ему распознать слабый привкус бузины, горечь и странность terroir[9] в долине Нанеди. В этом шоколаде что-то *не так*, чувствуется какая-то странная хрупкость. Он подходит к телу шоколатье и пробует шоколад из емкости, которая все еще зажата в его руках. Этот шоколад, безусловно, обладает самым обычным вкусом.

Очертания истории шоколатье непроизвольно, мазок за мазком, как macarone перед фабрикатором, непроизвольно проявляются в его мозгу.

— Расследую, — говорит Исидор. — Сначала я хотел бы встретиться с его продавцом.

Обратная дорога в город приводит Исидора и Джентльмена в Черепаший парк.

Это само по себе свидетельство успеха дела шоколатье. Здание из красного кирпича с огромной фреской, изображающей зерна какао, расположено в одном из лучших мест города. Зеленое пространство с невысокими пологими холмами протянулось примерно на три сотни метров, и, как большинство взаимосвязанных частей Города, парк перемещается на шагающей роботизированной платформе. Зеленые лужайки испещрены

высокими изящными виллами эпохи Королевства, которые молодежь из числа Богатых-временем Ублиетта реставрирует и возвращает в состав города. Исидор никогда не мог понять, как кто-то из его поколения мог сжигать свое Время ради материальных ценностей и услуг, тратя Достойные жизни на кратковременное изобилие перед тем, как посвятить себя долгому, изматывающему труду в положении Спокойного. Особенно если еще есть нераскрытые тайны.

Парк открыт для всех, но это не агора, и, проходя по песчаным дорожкам, они минуют нескольких посетителей, закрывшихся гевулотом. Завеса уединения мерцает вокруг людей, словно утренняя роса на траве.

Исидор, желая хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями, идет быстро, пряча руки от холода в рукава одежды. Длинные ноги обычно всегда помогали ему держаться впереди остальных. Но Джентльмен, не прилагая никаких видимых усилий, по-прежнему держится рядом.

Ты соскучился, не так ли?

Кват-послание Пиксил весьма лаконично. Вместе с ее голосом оно приносит с собой целый букет ощущений: привкус эспрессо и странный аромат избыточной чистоты колонии зоку.

Исидор потирает кольцо сцепления на указательном пальце правой руки: серебряный ободок с крошечным синим камешком, передающим сообщения непосредственно в его мозг. Он еще не совсем привык к кват-связи зоку. По сравнению с разделенной памятью жителей Ублиетта передача сообщений от мозга к мозгу непосредственно через квантовый телепатический канал кажется ему непристойным и насильственным способом общения. Первый способ выглядит более деликатным: внедрение сообщений в экзопамять адресата, чтобы информация *вспоминалась*, а не поступала напрямую. Но все, что касается Пиксил и ее народа, требует определенных компромиссов.

— Не могу в это поверить. Стоило твоему наставнику щелкнуть пальцами, и ты оставляешь на меня всю подготовку к вечеринке. А теперь ты скучаешь.

— Я не скучаю.

Он возражает слишком поспешно и лишь в следующее мгновение сознает, что ответил неправильно.

— Я рада. Потому что ты больше не услышишь от меня ни слова, если не явишься вовремя.

Кват приходит с отчетливо эротичным ощущением скользящей по гладкой коже ткани, как будто ласка.

— Я решаю, что надеть. Примеряю платья, потом снова их снимаю. Я думаю, это надо превратить в игру. И мне бы

пригодилась чья-нибудь помощь. Но тебя нет.

Прошлая ночь в небольшой квартирке Исидора в Лабиринте была для них одной из лучших: никаких посторонних, только они с Пиксил. Он приготовил ужин, а потом она продемонстрировала ему изобретенную игру, стимулирующую и интеллектуально, и физически. Но когда она заснула, он еще долго лежит, а колесики мозга крутятся вхолостую, отыскивая систему в завитках ее рассыпанных по спине волос.

Он пытается подобрать верные слова, однако образ мертвого шоколатье не желает покидать его мысли.

— Это всего лишь гогол-пиратство, — передает он, добавив к словам безразличное пожатие плечами. — **Дело не займет много времени. Я буду вовремя.**

Ответ Пиксил сопровождается вздохом.

— Это. Очень. Важно. Собираются все мои зоку. Все зоку. Хотят посмотреть на меня, на мятежницу. И увидеть моего глупого примитивного приятеля из Ублиетта. У тебя есть только два часа.

— Я уже многого добился…

— Два. Часа.

— Пиксил…

— Знаешь, я могла бы испортить тебе всю игру. Я могла бы рассказать, кто такой твой наставник на самом деле. Как бы тебе это понравилось?

Он *почти* уверен, что это лишь пустая похвальба. Ку-технология зоку обеспечивает ей возможности, намного превосходящие потенциалы старой мирной технологии Ублиетта, но стражи наставников строго следят за каждым из них. Тем не менее даже от одной мысли, что он упустил возможность что-то выяснить, что не поставил на место последнюю деталь, ему становится страшно. Исидор не успевает подавить это чувство, и его ужас частым тяжелым сердцебиением уносится по каналу кват-связи.

— Видишь? Вот что на самом деле важно. Развлекайся. Негодяй.

После этих слов она отключилась.

— Как поживает малышка Пиксил? — спрашивает Джентльмен.

Исидор не отвечает и пытается шагать еще быстрее.

Магазин шоколада находится на одной из широких торговых улиц Края, на плавно изгибающемся вдоль южной границы города бульваре. Здесь, как сообщают путеводители, относительно большие платформы и стабильная планировка. Поэтому здесь всегда много выходцев из других миров, жаждущих поглядеть на

Ублиетт. Рестораны и кафе только начинают открываться и разжигать жаровни, чтобы сделать прохладный марсианский воздух приятным для ранних посетителей. Вокруг них тотчас собираются пурпурные и зеленые биодроны, протягивающие к теплу свои тонкие конечности.

Джентльмен останавливается около узкого окна магазина. В витрине выставлены очень интересные вещи: шар размером с футбольный мяч, представляющий собой масштабную модель Деймоса эпохи Королевства, усыпанный разноцветными леденцами, и замысловатый канделябр, свисающий с потолка. И то и другое сделано из шоколада. Но внимание Исидора привлекает другой объект. Это одежда: строгий жакет с высоким воротником, кушаком на поясе и пышной юбкой, застывшей шоколадными воланами.

Наставник открывает дверь, и раздается звон бронзового колокольчика.

— Вот мы и пришли. Как могла бы сказать твоя подружка, игра начинается. Я буду поблизости, а тебе предоставляю вести разговор.

Внезапно он исчезает, словно привидение под бледными утренними лучами солнца.

Магазин узкий и длинный, слева тянется стеклянный прилавок, а справа — ярко освещенные полки витрин. Здесь приятно пахнет шоколадом и карамелью, не то что сырой кожей на фабрике. Под стеклом прилавка, словно жучки в разноцветных панцирях, поблескивают конфеты. Образцы фигурного шоколада расположены справа. Среди них изогнутое крыло бабочки высотой в человеческий рост с узором в виде женского лица, напоминающего посмертную маску. Крыло невероятно тонкое и изготовлено из шоколада цвета обожженной глины.

Внимание Исидора на мгновение привлекает пара красных башмачков с развевающимися шоколадными лентами. На всякий случай он их запоминает: нынешнее настроение Пиксил, возможно, придется исправлять при помощи подарка.

— Ищете что-то особенное?

Прозвучавший голос знаком ему по экзопамяти. *Сив Линдстрем*. В жизни она кажется более усталой, чем в воспоминаниях, на ее привлекательном лице залегли морщины. Их Часы обмениваются фрагментами стандартного магазинного гевулота, после чего она узнает, что он ничего не понимает в шоколаде, но обладает Временем для его приобретения, а он усваивает общедоступные рекламные экзовоспоминания о ее магазине. Ее гевулот, вероятно, скрывает какие-то эмоции, но перед Исидором проявляется лишь безупречный фасад отличного

обслуживания.

— У нас отличный выбор macarone, свежие, только что с фабрики.

Она показывает на прилавок, куда синтбиотический робот аккуратными рядами выкладывает шоколадные диски в разноцветных обертках.

— Я подумывал, — говорит Исидор, — о чем-то… более существенном. — Он показывает на шоколадный костюм. — Что-то вроде этого. Могу я посмотреть на него поближе?

Продавец выходит из-за прилавка и открывает стеклянную панель, отделяющую витрину от магазина. У нее неровная шаркающая походка давнего жителя Марса, страдающего от недостатка земной силы тяжести: так двигается неоднократно битая собака, ожидающая удара даже во время ласки. Исидор вблизи рассматривает тщательно воспроизведенные детали одежды, шероховатость летящей ткани и прекрасные оттенки цвета. *Возможно, я ошибся*. Но затем он ощущает легкую дрожь ее гевулота. *А может, и не ошибся*.

— Ну вот, — не меняя тона, говорит она. — Это и в самом деле примечательный образец. Костюм скопирован с одежды Достойной женщины из Олимпийского Двора и выполнен из шоколада трюделль. Мы испробовали четыре вида смеси. Шестьсот ароматических компонентов, и подбирать их надо очень тщательно. Шоколад — неустойчивый материал, он требует особого внимания.

— Как интересно, — говорит Исидор, стараясь принять вид пресыщенного, богатого временем молодого человека.

Он достает увеличительное стекло и изучает кромку одежды. Волнистый край превращается в кристаллическую решетку сахаров и молекул. Он пытается проникнуть в глубину воспоминаний свежего шоколада. Но тут вмешивается гевулот магазина, засекший нежелательное вторжение в частную жизнь, и изображение мгновенно теряет резкость.

— Что вы делаете? — спрашивает Линдстрем, уставившись на него, как будто только что увидела.

Исидор хмуро смотрит на равномерный спектр.

— Проклятье. Я его почти достал, — говорит он и дарит Линдстрем одну из своих лучших улыбок, от которой, по словам Пиксил, у пожилых женщин размягчаются даже кости. — Вы не могли бы попробовать одежду на вкус?

Продавец смотрит на него с недоверием.

— Что?

— Прошу прощения, — говорит Исидор. — Я должен был сказать сразу. Я расследую печальное происшествие с вашим

работодателем.

Он приоткрывает свой гевулот ровно настолько, чтобы она узнала его имя. Взгляд ее зеленых глаз на мгновение застывает, женщина щурится, а затем глубоко вздыхает.

— Так, значит, вы и есть тот чудо-мальчик, о котором все говорят. Тот, что видит лучше, чем наставник. — Она возвращается за прилавок. — Если вы не собираетесь ничего покупать, я попросила бы вас уйти. Я хочу, чтобы магазин был открыт. И он хотел бы того же. Почему я должна с вами разговаривать? Я уже рассказала все, что знаю.

— Потому, — отвечает Исидор, — что они считают, будто вы имеете к этому какое-то отношение.

— Из-за чего? Из-за того, что я его нашла? Да я получила столь малый фрагмент его гевулота, что едва знала его фамилию.

— Потому что это вполне логично. Вы из Первого Поколения, это видно по вашей походке. А это означает, что вы почти столетие провели в состоянии Спокойности. В такой ситуации разум человека способен на самые странные вещи. Иногда даже появляется *желание* снова стать машиной. Гогол-пираты могут сделать это за деньги. Или взамен оказанной услуги. Например, если вы поможете похитить разум известного на весь мир шоколатье…

Ее гевулот закрывается окончательно, и она становится расплывчатой меткой-заполнителем, означающей личность, скрытую пеленой уединения: в то же время Исидор понимает, что остается для нее пустым местом. Но это длится одно мгновение. Затем она возвращается: глаза прикрыты, сжатые кулаки подняты к груди, на смуглой коже выделяются побелевшие от напряжения костяшки.

— Все было не так, — тихо говорит она.

— Не так, — соглашается Исидор. — Потому что у вас был с ним роман.

В его мозгу тикают Часы. Она предлагает заключить контракт гевулотов, подобный осторожному рукопожатию. Он принимает предложение: разговор в течение следующих пяти минут не будет фиксироваться его экзопамятью.

— Ты и вправду не такой, как они? Наставники.

— Нет, — говорит Исидор. — Не такой.

Она берет в руки конфетку.

— Ты знаешь, как трудно сделать шоколад? Как много времени занимает этот процесс? Он показал мне, что это не просто сласти, что в шоколад надо вложить частицу себя самого, сделать своими руками нечто реальное.

Она вертит в пальцах конфету, словно это талисман.

— Я долгое время провела в Спокойствии. Ты слишком молод, чтобы понять, что это значит. Ты — это ты, но не совсем: часть тебя, которая говорит, делает другие вещи, делает машинально. И спустя какое-то время начинаешь считать, что так и должно быть. Но чувствуешь, что это не так. До тех пор, пока кто-то не поможет обрести себя снова.

Она откладывает в сторону наполовину растаявшую конфету.

— Воскресители говорят, что не смогут его вернуть.

— Мисс Линдстрем, они смогут, если вы мне поможете.

Она переводит взгляд на шоколадный костюм.

— Знаешь, мы делали его вместе. Когда-то и я носила такую одежду, еще в Королевстве.

Ее взгляд блуждает где-то далеко-далеко.

— Почему бы и нет? — говорит она. — Давай попробуем. Хотя бы в память о нем.

Линдстрем достает из-под прилавка какой-то металлический инструмент и нерешительно подходит к стеклянной створке. С бесконечной осторожностью она отрезает от края крошечный кусочек и кладет его в рот. На мгновение она замирает, ее лицо остается непроницаемым.

— Это неправильно, — восклицает она, широко раскрыв глаза. — Совсем неправильно. Кристаллическая структура совсем не та. И вкус… Это не тот шоколад, какой мы изготавливаем. Похожий, но не совсем.

Еще один маленький кусочек она протягивает Исидору, и шоколад почти мгновенно тает у него на языке, оставляя горьковатый привкус со слабым ореховым оттенком.

Исидор улыбается. Ощущение триумфа почти снимает в его голове напряжение, оставшееся от кват-посланий Пиксил.

— Не могли бы вы пояснить, в чем заключается разница с технической точки зрения?

Ее глаза сверкают. Линдстрем облизывает губы.

— Все дело в кристаллах. На последней стадии необходимо много раз разогревать и охлаждать шоколад — таким образом получаемый продукт не тает при комнатной температуре. В шоколаде имеются кристаллы, и их симметрия, получаемая при смене тепла и холода, помогает им удерживаться вместе. Мы всегда стараемся делать шоколад V типа, а здесь слишком много IV, это можно определить по текстуре. — Вся ее нерешительность и сомнения неожиданно исчезают. — Как вы узнали? Что случилось с моим костюмом?

— Это неважно. Важно то, что вы *не должны* его продавать. Позаботьтесь о его сохранности. Кстати, не могли бы вы дать мне кусочек с собой? Да, этого достаточно, и можно просто завернуть.

Не теряйте надежды: он еще может к вам вернуться.

Ее смех мрачен и горек.

— Начнем с того, что он никогда не был моим. Хотя я очень старалась. Я хорошо относилась к его жене. Я подружилась с его дочерью. Но все напрасно. Знаешь, порой мне кажется, что так даже лучше. Только воспоминания и шоколад. — Она несколько раз подряд сжимает и разжимает пальцы. Ее ногти выкрашены в белый цвет. — Отыщи его, пожалуйста, — негромко говорит она.

— Я сделаю все, что смогу, — обещает Исидор.

Он сглатывает и неожиданно испытывает облегчение при мысли, что этот разговор не запечатлен в кристалле экзопамяти, а только в нейронах его смертного мозга.

— Между прочим, я вас не обманул. Я действительно ищу что-то особенное.

— Вот как?

— Да. Мне придется опоздать на вечеринку.

Дверь магазина неожиданно открывается. Это мальчик-подросток, светловолосый, очень красивый, с правильными славянскими чертами лица, примерно восьми марсианских лет.

— Привет, — говорит он.

— Себастьян, — откликается Линдстрем. — У меня покупатель.

— Все в порядке, я не возражаю, — говорит Исидор и через гевулот вежливо предлагает скрыть от него разговор.

— Я только хотел спросить, не видели ли вы Элоди? — Паренек лучезарно улыбается продавщице. — Я не могу установить с ней контакт.

— Она дома, со своей матерью, — отвечает Линдстрем. — Ты должен бы дать ей некоторое время оправиться. Надо уважать ее горе.

Парень энергично кивает.

— Конечно. Я только думал, может, смогу чем-то помочь…

— Нет, не можешь. А теперь, будь добр, позволь мне закончить разговор. Этого хотел бы и отец Элоди.

Мальчик немного бледнеет. Он поворачивается и выбегает из магазина.

— Кто это? — спрашивает Исидор.

— Приятель Элоди. Маленький распутник.

— Он вам не нравится?

— Мне никто не нравится, — говорит Линдстрем. — За исключением шоколада, разумеется. Итак, по какому поводу эта вечеринка?

Когда Исидор выходит из магазина, Джентльмена нигде не видно. Но, выйдя на Правый проспект, он слышит шаги

наставника, переходящего от одной тени к другой, подальше от яркого солнца.

— Должен сказать, — говорит Джентльмен, — мне интересно, к чему все это приведет. А ты не задумывался о том, что высказанное тобой предположение может оказаться верным? Что она и в самом деле может быть виновна в похищении разума своего нанимателя? Надеюсь, отказаться от этой версии тебя заставила не ее привлекательная улыбка?

— Нет, — говорит Исидор. — Но теперь я хочу поговорить с его родными.

— Поверь мне, виноватой окажется продавщица.

— Посмотрим.

— Как хочешь. А я только что получил от своих братьев другое указание. Поблизости обнаружены признаки василевской операции. Я должен разобраться.

После этого наставник исчезает.

Экзопамять приводит Исидора к дому шоколатье. Это один из высоких белых домов, что выступают над Краем, предоставляя обитателям великолепный вид на испещренную зелеными холмами пустыню кратера Эллады. Исидор спускается на один пролет по лестнице, ведущей от внешнего фасада к зеленой двери, и испытывает легкий приступ головокружения, когда далеко внизу, в тучах поднятой пыли мельком видит огромные опоры Города.

Несколько мгновений он ждет у красной двери. Ему открывает невысокая китаянка в халате. У нее плоское лицо, по которому невозможно определить возраст, и черные шелковистые волосы.

— Да?

Исидор протягивает руку.

— Меня зовут Исидор Ботреле, — говорит он и приоткрывает свой гевулот, чтобы женщина узнала, кто он такой. — Я думаю, вы догадываетесь, почему я пришел. Я был бы рад, если бы вы уделили мне время и ответили на несколько вопросов.

Она бросает на него странный, полный надежды взгляд, но гевулот остается закрытым: Исидор еще даже не знает ее имени.

— Входите, пожалуйста, — говорит она.

Квартирка небольшая, но светлая, с лесенкой на второй этаж, и единственными уступками современности здесь являются фабрикатор да несколько парящих дисплеев из ку-точек. Женщина проводит его в уютную гостиную и садится у одного из больших окон в детское деревянное кресло. Она вынимает ксантийскую папироску, снимает крышечку, и на конце зажигается огонек, наполняющий комнату горьковатым запахом.

Исидор опускается на низкую зеленую кушетку, сутулится и ждет. В комнате есть кто-то еще, скрытый пеленой уединения: он догадывается, что это дочь шоколатье.

— Надо бы вам что-нибудь предложить — кофе или что-то еще, — наконец говорит женщина, но даже не делает попытки подняться.

— Я все сделаю, — говорит девочка, изумляя Исидора неожиданным открытием гевулота и появляясь совсем рядом, как будто из ниоткуда.

Ей шесть или семь марсианских лет, это худой и бледный подросток с пытливыми карими глазами, в новом ксантийском платье, похожем на трубу и отдаленно напоминающем Исидору одежду зоку.

— Нет, спасибо, — говорит Исидор. — Ничего не надо.

— Мне даже не надо на тебя щуриться, — говорит девочка. — Я читала «Вестник Ареса». Ты помогаешь наставникам. Ты обнаружил пропавший город. А ты встречался с Безмолвием?

Она все время подпрыгивает на подушках дивана и, кажется, никак не может остановится ни на мгновение.

— Элоди, — строго одергивает ее женщина. — Не обращайте внимания на мою дочь, она такая невоспитанная.

— Я просто *спрашиваю*.

— Спрашивать будет этот любезный молодой человек, а не ты.

— Не верь всему, что читаешь, Элоди, — говорит Исидор. Он сочувственно смотрит на нее. — Мне очень жаль, что с твоим отцом произошло несчастье.

Девочка опускает взгляд.

— Они ведь восстановят его, правда?

— Надеюсь, что восстановят, — говорит Исидор. — А я стараюсь им в этом помочь.

Жена шоколатье грустно улыбается Исидору и скрывает следующие слова от гевулота дочери.

— Она обходится нам очень дорого. Глупое дитя. — Женщина вздыхает. — У вас есть дети?

— Нет, — отвечает Исидор.

— От них больше хлопот, чем радости. Это он виноват. Он испортил Элоди. — Жена шоколатье проводит руками по своим волосам, не выпуская из пальцев сигареты, и на мгновение Исидору становится страшно, что огонь перекинется на волосы. — Простите. Я говорю ужасные вещи, когда он… где-то. Даже не в Безмолвии.

Исидор продолжает спокойно смотреть на нее. Ему всегда нравится наблюдать за людьми, которые считают себя

обязанными что-то говорить. Интересно, не утратит ли он этой способности, став наставником? Но тогда у него появятся другие способы выяснить истину.

— Вам неизвестно о каких-нибудь новых друзьях, появившихся у мистера Деверо в последнее время?

— Нет. А к чему это?

Элоди окидывает мать скучающим взглядом.

— Мам, они же всегда так поступают. Пираты. Это прикладная социология. Они собирают частички твоего гевулота, а потом декодируют разум.

— Но зачем им понадобился именно *он*? Он не представлял собой ничего особенного. Просто изготавливал шоколад. А я даже не *люблю* шоколад.

— Мне кажется, ваш муж был как раз такой личностью, в каких заинтересованы гогол-пираты — он обладал специальными знаниями, — говорит Исидор. — У Соборности ненасытный аппетит в отношении моделей обучения, и особенно в области человеческого восприятия вкусов и запахов.

Он не забывает открыть разговор для гевулота Элоди.

— А его шоколад очень специфичен. Продавщица была так любезна, что во время моего посещения магазина дала мне кое-что попробовать: кусочек костюма, который доставили с фабрики только сегодня утром. Невероятный вкус.

Отвращение превращает лицо Элоди в застывшую маску, словно напоминая о смерти шоколатье. Затем девочка скрывается за пеленой уединения, вскакивает с кушетки и тремя быстрыми прыжками уносится вверх по лестнице.

— Прошу прощения, — говорит Исидор. — Я не хотел ее расстраивать.

— Не беспокойтесь. Она хорошо держится, но нам обеим очень тяжело. — Она откладывает папироску и вытирает глаза. — Я подозреваю, что она сбежит к своему приятелю, а потом вернется и не будет со мной разговаривать. Ребенок.

— Я понимаю, — говорит Исидор и встает. — Вы мне очень помогли.

Она разочарована.

— Я думала… что вы зададите больше вопросов. Дочь говорила, что вы всегда так делаете и спрашиваете о таких вещах, которые наставникам даже в голову не приходят.

Ее глаза сверкают странным энтузиазмом.

— Дело не в количестве вопросов, — говорит Исидор. — Еще раз примите мои соболезнования. — Он вырывает из записной книжки листок, чертит свою подпись и прикрепляет небольшое послание в разделенной памяти. Затем протягивает листок

женщине. — В качестве извинения прошу передать это Элоди. Хотя я и не уверен, что она относится к числу моих поклонниц.

Выйдя из дома, он не может удержаться и начинает насвистывать: теперь перед ним вся схема преступления. Он мысленно проводит по ней пальцем, и контур отзывается чистым звуком, словно наполовину наполненный вином бокал.

В маленьком ресторанчике на окраине парка Исидор заказывает себе ризотто с осьминогом. Когда он вытирает губы, на салфетке остается причудливый чернильный узор. Около получаса он сидит и наблюдает за гуляющими в парке людьми и записывает свои наблюдения в записную книжку. Затем поднимается и вновь направляется к шоколадной фабрике, чтобы захлопнуть ловушку.

Биодроны впускают его внутрь. Тело уже забрали Воскресители. На полу остаются его контур и пятна шоколада, но уже скрытые пеленой секретности, словно сброшенная шкура змеи, состоящая из света. Исидор садится на расшатанный металлический стул в углу и ждет. Звук работающих машин почему-то действует успокаивающе.

— А ведь я знаю, что ты здесь, — говорит он спустя некоторое время.

Из-за одной из машин появляется Элоди, даже не скрываясь за пеленой гевулота.

— Как ты узнал?

— Следы ног, — поясняет Исидор и показывает на шоколадные пятна. — В прошлый раз ты была осторожнее. Кроме того, ты опоздала.

— Фрагмент воспоминаний с твоей подписью — полное фуфло, — говорит она. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что ты хочешь встретиться со мной здесь.

— Мне показалось, ты интересуешься расследованием. Но первое впечатление может оказаться обманчивым.

— Если ты опять собираешься говорить о моем отце, — говорит Элоди, — я ухожу. Я хочу встретиться со своим приятелем.

— Я так и думал. Но разговор будет не об отце, а о тебе. — Он так тщательно закрывает свою речь в гевулот, что ее услышат только они вдвоем, а все остальные даже не вспомнят, что они разговаривали. — Мне интересно знать, легко ли тебе было это сделать.

— Что?

— Не думать о последствиях. Передать личные ключи от гевулота своего отца незнакомцу.

Она ничего не говорит, только смотрит на него и вся

напряглась.

— Что они тебе пообещали? Путешествие к звездам? Рай, все для тебя, словно для принцессы Королевства, только еще лучше? Так ведь не бывает, и тебе это известно.

Элоди делает шаг в его сторону, медленно распрямляя руки. Исидор покачивается на стуле взад и вперед.

— Итак, ключи не сработали. И Себастьян — твой василев приятель, один из *них* — очень расстроился. Между прочим, до тебя ему нет никакого дела: они закачали в него чьи-то чужие эмоции. Но все было достаточно реально. Он пришел в ярость. Возможно, угрожал тебя бросить. Ты хотела его задобрить. И ты знала, что у твоего отца есть место с гевулотом, где можно провернуть дело без помех. Может, он даже пришел вместе с тобой.

— Должен сказать, ты поступила очень умно. Шоколад только чуть-чуть отличается на вкус. Он ведь в костюме, не так ли? Я говорю о его разуме. Ты поместила его туда при помощи фабрикатора. Как только изготовили оригинал, ты расплавила его и сделала копию. Дроны доставили изделие в магазин. И вся информация, закодированная в кристаллах шоколада, готова к продаже, чтобы вывезти ее в Соборность. Никаких вопросов, не надо устанавливать пиратскую радиостанцию, чтобы ее передать, разум упакован в чудесную шоколадную оболочку, словно пасхальное яйцо.

Элоди смотрит на него, не проявляя никаких эмоций.

— Одного я не могу понять: как ты решилась на это? — спрашивает он.

— Это неважно, — шипит она. — Он даже не вскрикнул. Не было никакой боли. Он даже не был мертв, когда я уходила. Никто ничего не потерял. Они вернут его. Они всех нас возвращают. А потом делают Спокойными. Это несправедливо. *Мы* не разваливали их проклятое Королевство. *Мы* не делали фобоев. Это не наша вина. Мы должны по-настоящему жить вечно, как живут *они*. Мы должны иметь право.

Элоди медленно разгибает пальцы. Из-под ее ногтей радужными волосками выскакивают нановолокна и вытягиваются вверх, словно веер из кобр.

— А, — восклицает Исидор. — Загрузочные щупальца. А я гадал, где они скрываются.

Элоди приближается к нему странными порывистыми шагами. Кончики щупалец светятся. До Исидора впервые доходит, что он и впрямь может опоздать на вечеринку.

— Не надо было тебе назначать встречу в уединенном месте, — говорит она. — И стоило прихватить с собой твоего

наставника. Друзья Себа заплатят и за тебя тоже. Может, даже больше, чем за *него*.

Загрузочные щупальца искрами света устремляются вперед. Он ощущает десяток уколов в голову, а потом странное оцепенение. Он утрачивает контроль над своими конечностями, понимает, что независимо от своей воли поднимается со стула. Элоди стоит перед ним, разведя руки в стороны, словно кукловод.

— Значит, он так и сказал? Что все это несерьезно? Что они, несмотря ни на что, восстановят твоего отца? — Слова с трудом срываются с его губ. — Смотри.

Исидор приоткрывает свой гевулот и делится с ней воспоминаниями о преисподней, о том, как ее отец в подземном зале кричит, мечется и умирает, снова и снова.

Широко раскрыв глаза, она не сводит с него глаз. Щупальца падают. У Исидора отказывают колени. Бетонный пол очень твердый.

— Я не знала, — говорит она. — Он никогда… — Она переводит взгляд на свои руки. — Что я наделала…

Ее пальцы сжимаются, словно когти, щупальца повторяют это движение, сверкают в ее волосах и исчезают в голове. Элоди падает на пол, судорожно подергивая руками и ногами. Он не хочет на это смотреть, но не в силах пошевелиться, не может даже закрыть глаза.

— Это наиболее яркое проявление глупости, которое мне приходилось видеть, — произносит Джентльмен.

Исидор бессильно улыбается. Лекарственная пена на голове кажется ему ледяным шлемом. Он лежит на носилках за стенами фабрики. Мимо проходят Воскреситель в темной одежде и стройные биодроны из преисподней.

— Я никогда не стремился к посредственности, — говорит он. — Вы поймали василева?

— Конечно. Это мальчишка, Себастьян. Он пришел в магазин и пытался купить костюм, утверждая, что хочет сделать сюрприз Элоди и немного отвлечь ее от грустных мыслей. Самоуничтожение при поимке, как делают все они, и при этом выкрикивал лозунги из Федоровистской[10] пропаганды. Чуть не достал меня оружейным вирусом. Его гевулот подвергнется исследованию: я не думаю, что Элоди была единственной.

— А что с ней?

— Воскресители знают свое дело. Если смогут, они ее восстановят. Я полагаю, после этого ее ждет раннее Спокойствие — это зависит от того, что скажет Голос. Но демонстрировать ей те воспоминания было неправильно. Это причинило ей боль.

— Я сделал то, что должен был сделать. Она это

заслужила, — говорит Исидор. — Она преступница. — Память о смерти шоколатье еще отзывается у него в животе холодной тяжестью.

Джентльмен снял свою шляпу. Под ней маска из неизвестного материала, повторяющая контуры черепа: каким-то образом она делает его моложе.

— А ты преступно глуп. Ты должен был открыть гевулот для меня или назначить встречу где-нибудь в другом месте. А насчет того, что она заслужила…

Джентльмен умолкает.

— Вы знали, что это она, — говорит Исидор.

Джентльмен молчит.

— Я уверен, вы знали это с самого начала. И дело не в ней, а во мне. Что это за испытание?

— Ты должен был понять причину, по которой я не сделал тебя одним из нас.

— Почему же?

— Есть одна причина, — говорит Джентльмен. — В давние времена на Земле, те, которых называли наставниками, зачастую были *целителями*.

— Я не понимаю, как все это связано, — говорит Исидор.

— Я знаю, что ты не понимаешь.

— Как? Неужели я должен был ее отпустить? Проявить милосердие? — Исидор покусывает губы. — Это не метод раскрытия тайн.

— Верно, — соглашается Джентльмен.

В этом единственном слове просматривается контур, Исидор чувствует его — не отчетливо, не уверенно, но безошибочно ощущает его присутствие. Гнев помогает его уловить.

— Я думаю, вы лжете, — говорит Исидор. — Я не наставник, потому что я не целитель. Безмолвие — тоже не целитель. Причина в том, что вы кому-то не доверяете. Вам понадобился сыщик, который не был Воскрешен. Сыщик, который умеет хранить секреты. Вам нужен сыщик, готовый пойти за криптархами.

— Такого слова, — говорит Джентльмен, — не существует. — Он надевает шляпу и поднимается. — Благодарю за помощь.

Наставник притрагивается к лицу Исидора. Прикосновение бархата кажется удивительно легким и мягким.

— Между прочим, — добавляет Джентльмен, — ей не понравятся шоколадные башмачки. Вместо них я взял для тебя конфеты с трюфелями.

Он уходит. На траве остается аккуратно перевязанная красной ленточкой коробка шоколада.

Интерлюдия. Король

Король Марса может увидеть все, но есть места, куда он предпочитает не заглядывать. И космопорт, как правило, остается одним из таких мест. Однако сегодня он лично присутствует здесь, чтобы убить старого друга.

Зал прибытия построен в старом стиле Королевства — огромное пространство под высоким куполом. Зал заполнен редкой разноцветной толпой приезжих из других миров. Они осторожно двигаются, стараясь привыкнуть к незнакомой марсианской гравитации и ощущению гостевого гевулота на коже.

Невидимый и неслышный для всех, Король идет мимо толпящихся чужаков: олицетворяющие Царство сухопарые жители Пояса в экзоскелетах, напоминающих медуз, порхающие Быстрые, зоку с Сатурна в базовых телах. Он останавливается перед статуей герцога Офира и вглядывается в потрескавшееся лицо, осквернённое Революционерами. Сквозь прозрачный купол, высоко над залом, он видит Бинсток[11], невероятную линию, перечеркивающую небо цвета ржавчины, вызывающую головокружение у каждого, кто пытаться проследить за ней взглядом. К горлу подступает тошнота: навязчивая мания, внедренная бесцеремонными руками столетие назад, все еще здесь.

Ты принадлежишь Марсу, утверждает она. *Ты никогда его не покинешь*.

Сжав кулаки, Король заставляет себя смотреть, пока хватает сил, раскачивая в своем мозгу воображаемую цепь. Затем он закрывает глаза и начинает поиски другого невидимого человека.

Он позволяет своему мысленному взгляду скользить по толпе, заглядывать в глаза и лица, отыскивая следы манипуляций в недавних воспоминаниях, словно примятые листья в лесу. Надо было раньше это сделать. Личное присутствие в этом месте создает странное ощущение чистоты. За долгие годы Король стал почти одинаково воспринимать воспоминания и действия, и резкий привкус реальности действует освежающе.

Заключенная в память ловушка почти незаметна, она прячется в свежей экзопамяти материального воплощения Царства, глазами которого смотрит сейчас Король. И она действует в обе стороны: воспоминания о воспоминаниях почти затягивают Короля в бесконечный тоннель дежавю, увлекают внутрь, словно головокружение от взгляда на Бинсток.

Но Король искусен в играх памяти. Усилием воли он

заставляет себя оставаться в настоящем, изолирует отравляющие сознание воспоминания, возвращается до их источника, слой за слоем снимает пласты экзопамяти, пока не остается зерно реальности: худой лысый мужчина с запавшими висками в плохо подогнанной униформе Революционера, стоящий в нескольких метрах и глядящий на него темными глазами.

— Андре, — с упреком окликает его Король. — Что ты себе позволяешь?

Человек окидывает его дерзким взглядом, и на мгновение из глубин сознания Короля всплывает давнее, реальное воспоминание об аде, через который им пришлось пройти вместе. *Как жаль*.

— Время от времени я появляюсь здесь, — говорит Андре. — Иногда хочется выглянуть из глубины нашего аквариума. Так хорошо посмотреть на небо и гигантов вдали.

— Но ты здесь не ради этого, — негромко говорит Король. Его голос звучит мягко, по-отечески. — Я не понимаю. Мы же договорились. Больше никаких сделок с ними. А ты опять здесь. Неужели ты действительно думал, что я тебя не вычислю?

Андре вздыхает.

— Грядут перемены, — говорит он. — Мы больше не можем выживать. Основатели проявили слабость, но это ненадолго. Они сожрут нас, друг мой. И даже ты не сможешь их остановить.

— Выход всегда найдется, — говорит Король. — Только не для тебя.

Из вежливости Король дарит ему быструю истинную смерть. Вспышка ку-винтовки зоку, легкая рябь экзопамяти, стирающей все следы личности, которая когда-то была Андре, его другом. Он усваивает все, что ему было нужно от Андре. Прохожие вздрагивают от неожиданного жара, а потом забывают об этом.

Король поворачивается, чтобы уйти. Затем он видит мужчину и женщину. Мужчина в темном костюме и очках с голубыми стеклами, женщина сутулится от гравитации, словно старуха. Король улыбается — впервые за все время, проведенное в космопорте.

4. Вор и нищий

Шагающий город Ублиетт, Устойчивый проспект, яркое утро, погоня за воспоминаниями.

Улицы здесь меняют свое направление и местоположение, когда движущиеся платформы покидают городской поток или снова к нему присоединяются, но этот широкий проспект всегда возвращается на свое место, несмотря ни на что. По обеим его сторонам растут вишневые деревья и расходятся улочки, ведущие в Лабиринт, где скрываются тайны. Здесь есть магазинчики, которые можно найти только однажды: в них торгуют игрушками времен Королевства, старыми жестяными роботами с древней Земли и мертвыми камнями зоку, падающими с неба. И двери, которые обнаруживаются только в том случае, если вы скажете нужное слово, или съели нужную пищу накануне, или влюблены.

— Благодарю, — говорит Миели, — за то, что привел меня в ад.

Я снимаю голубые солнечные очки и улыбаюсь ей. Она явно страдает от гравитации и двигается, словно старуха: пока мы здесь временные граждане, она вынуждена скрывать свои возможности.

Я видел лишь немного мест, которые меньше похожи на ад. Над головой густая голубизна неба кратера Эллады, тучи белых планеров с огромными крыльями, цепляющимися за разреженную марсианскую атмосферу. Высокие, замысловато построенные здания, словно дома belle époque[12] Парижа, не обремененные силой тяжести, башни из камня с красными прожилками, на которых держатся балконы и переходы. Паукебы проворно поднимают боковые панели, прыгают с крыши на крышу. Сверкающий купол колонии зоку виднеется в Пыльном районе, где красное облако, поднятое городскими ногами, вздымается до самого неба. Слабое покачивание, ощутимое, если стоишь неподвижно: напоминание о том, что этот город странствует на спинах Титанов.

— Ад, — говорю я ей, — это такое место, где собираются все интересные люди.

Она искоса смотрит на меня. Немного раньше, на Бинстоке, у нее был скучающий вид все повидавшего человека, по которому я определил, что Миели впитывает информацию, готовится.

— Мы здесь не для того, чтобы любоваться видами, — говорит она.

— Как раз для этого. Где-то здесь осталась ассоциативная память, и я должен ее найти. — Я подмигиваю. — Это может

занять некоторое время, так что постарайся не отставать.

Мускульная память наконец вернулась, и я увеличиваю дистанцию между нами, переходя на скользящий размашистый шаг Джона Картера[13], какой принят у окружающих нас высоких марсиан. За время моего отсутствия мода сильно изменилась. Теперь лишь немногие ходят в ничем непримечательных светлых брюках и рубашках, отдаленно напоминающих старую форму Революционеров. Вместо них в ходу пышные костюмы с оборками и шляпы да абстрактные произведения зоку из интеллектуальной материи, относящиеся скорее к геометрии, а не к одежде. Здесь почти никто не скрывается под полным экраном уединения. Это Проспект: здесь принято выставлять себя напоказ.

И конечно, есть кое-что общее для всех: Часы всех форм и размеров, на ремешках на запястьях, в сумочках на поясе, в пряжках, ожерельях и кольцах. Все они отмеряют Время, Достойное Время, время человеческого существования, которое каждый должен заработать неустанным трудом в состоянии Спокойных. Мне приходится сдерживать инстинкты карманника.

На агоре Революции я останавливаюсь и поджидаю Миели. На этой площади стоит один из революционных монументов — невысокая плита из вулканической скалы, обработанная Спокойными. На ее поверхности микроскопическим шрифтом высечены имена миллиардов гоголов, привезенных с Земли. По бокам от памятника журчат небольшие фонтаны. Я помню, что когда-то был здесь, был много раз.

Но кем я был? И чем занимался?

Марсианское вино вызвало воспоминания, но никаких четких концепций: как будто из мозга брызнули капли краски. В них была девушка по имени Раймонда, и было еще что-то под названием Тибермениль[14]. Возможно, Миели права: не стоит рассчитывать, что мое старое «я» волшебным образом подскажет, куда двигаться дальше, а попытаться применить систематический метод. Я должен вернуть долг ей и ее таинственным нанимателям, и чем скорее я с этим разберусь, тем лучше.

Я сажусь на кованую железную скамью на краю площади, у самой границы публичного круга. Общество Ублиетта неукоснительно чтит право на уединение, но только не на агорах: здесь принято демонстрировать себя публике. Выходя с улиц на площадь, люди инстинктивно меняют свое поведение: спины выпрямляются, кажется, будто все двигаются с преувеличенной осторожностью и приветствуют окружающих короткими кивками. То, что происходит здесь, остается в памяти каждого и доступно всем. Это место публичных обсуждений и демократии, где вы можете попытаться повлиять на Голос, электронную систему

правления Ублиетте. И очень полезно для крипто-архитекторов: общедоступная территория, где можно проследить эволюцию города…

Откуда я все это знаю?

Я мог извлечь информацию из короткой экзопамяти, полученной вместе с временным гражданством и Часами, купленными для нас Миели. Но нет. Я не щурился — не сосредотачивался сознательно на получении информации из коллективной базы памяти Ублиетта. Это означает, что я был гражданином Ублиетта раньше, по крайней мере, некоторое время. Следовательно, у меня были Часы, а здесь наличие Часов подразумевает и обладание экзопамятью, хранилищем твоих мыслей и желаний, которые определяют личность при переходе от Достойного к Спокойному состоянию. Может, именно это я и ищу: Часы того, кем я здесь был.

Я прокручиваю эту мысль в голове. Вариант почему-то кажется мне слишком *простым*, слишком грубым, слишком ненадежным. Пошел бы на такое прежний я? Стал бы доверять секреты экзопамяти гражданина Ублиетта? Мне становится холодно, когда я понимаю, что не имею об этом ни малейшего представления.

Я ощущаю потребность сделать что-нибудь, что поможет снова почувствовать себя самим собой, поэтому поднимаюсь и иду вдоль края площади, пока не обнаруживаю красивую девушку. Она сидит на скамье рядом с общественным фабрикатором и надевает роликовые коньки с огромными колесами, которые только что оттиснул автомат. На ней белый топ и шорты. Обнаженные ноги, безупречно длинные, отливают золотом.

— Привет. — Я дарю ей свою лучшую из улыбок. — Я ищу Революционную библиотеку, но мне говорят, что никаких планов города не существует. Не можете ли вы указать хотя бы верное направление?

Она морщит загорелый носик и исчезает, а вместо нее расплывается серая метка заполнения гевулота. А потом девушка убегает, и серый сгусток быстро движется вдоль проспекта.

— Я вижу, ты развлекаешься, — говорит Миели.

— Двадцать лет назад она улыбнулась бы мне в ответ.

— Так близко к агоре? Не думаю. Кроме того, ты неумело воспользовался гевулотом: надо было сделать этот разговор приватным. Ты уверен, что жил здесь?

— Кто-то прекрасно выполнил домашнее задание.

— Да, — говорит она.

Я в этом не сомневаюсь: она использовала все возможности,

предоставляемые нашим временным гражданством и доступом в общественную экзопамять.

— Меня это немного удивляет. Если ты и в самом деле жил здесь в последние два десятилетия, ты или выглядел иначе, или никогда не посещал площадей и общественных мероприятий. — Она смотрит мне в глаза. На ее лбу выступила испарина. — Если ты каким-то образом подделал эти воспоминания, если это попытка сбежать, ты быстро убедишься, что я к этому готова. И последствия придутся тебе не по вкусу.

Я снова опускаюсь на скамью и смотрю на площадь. Миели, держа спину абсолютно прямой, садится рядом, и со стороны видно, насколько ей неудобно. Сила тяжести явер причиняет ей боль, но она ни за что в этом не признается.

— Это не попытка побега, — говорю я. — Я признаю свой долг перед тобой. И все вокруг кажется мне таким знакомым — мы прибыли в нужное место. Но я не знаю, каким должен быть следующий шаг. Я не нашел никаких признаков этого Тибермениля, но это и неудивительно; между нами не один пласт тайн. — Я усмехаюсь. — Уверен, что прежний я развлекается, наблюдая за нами. Честно говоря, он может оказаться умнее нас обоих.

— Прежний ты, — говорит она, — угодил в тюрьму.

— Туше. — Я перекачиваю частицу времени из своих временных Часов (небольшой серебряный диск на прозрачном браслете; тонкая стрелка передвигается на миллиметр) в стоящий у скамьи фабрикатор. Аппарат выплевывает темные очки. Я протягиваю их Миели. — Вот. Попробуй.

— Зачем?

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на своем лице. Ты не слишком подходишь этой планете.

Она хмурится, но медленно надевает очки. Они подчеркивают ее шрам.

— Знаешь, — говорит она, — сначала я собиралась законсервировать тебя на «Перхонен», чтобы самой отправиться сюда, собрать информацию об ощущениях и закачивать ее в твой мозг, пока к тебе не возвратится память. Но ты прав. Это место мне не нравится. Здесь слишком много шума, слишком много пространства, слишком много всего.

Она откидывается на спинку скамьи и подбирает ноги, принимая позу лотоса.

— Но у них теплое солнце.

И в этот момент я замечаю босоногого мальчишку примерно пяти марсианских лет, который машет мне рукой с противоположного края площади. И его лицо мне знакомо.

Знаешь, когда все закончится, я намерена его убить, сообщает Миели «Перхонен», улыбаясь вору.

Даже без предварительных мучений? Ты проявляешь признаки слабости.

Корабль остался на высокой орбите, и их нейтринная связь — тщательно скрытая от параноидальных технологических анализаторов Ублиетта — позволяет только поддерживать разговор.

Это еще один недостаток планеты, хотя и не такой скверный, как постоянная тяжесть и упрямое нежелание предметов зависать в воздухе, когда их выпускают из рук. Как ни стыдится она усовершенствований Соборности, произведенных в ее теле, приходится ими пользоваться.

Но скрытность — один из главных параметров миссии. Поэтому она носит оболочку временного гевулота, выданного им таможенниками в черных панцирях на станции Бинстока (запрещено импортировать нанотехнологии, ку-технологии, технологии Соборности; запрещено ввозить запоминающие устройства, способные хранить базовый разум, запрещено…), скрывает свой метамозг, скелет из ку-камня, виртуальное оружие и все остальное под камуфляжным обликом и страдает.

Есть что-нибудь новое из общественной экзопамяти? Или от таинственного осведомителя, который предпочитает не показываться?

Нет, отвечает «Перхонен». *Гоголы занимаются этим, но материала слишком много. Пока нет никаких двойников ни Тиберменилла, ни Фламбера. Я бы на твоем месте заставила этого парня усерднее зарабатывать свою свободу*.

Миели вздыхает.

Я надеялась услышать что-то новое.

До сих пор единственным плюсом во всем этом деле был искусственный солнечный свет из яркой точки в небе, бывшей когда-то Фобосом. *По крайней мере, мой венерианский загар быстро восстановится*.

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на своем лице, — повторяет вор.

Внезапно Миели перестает понимать, что происходит: в висках стучит невыносимое ощущение дежавю. *Будь проклята эта биотическая связь, доверься Пеллегрини — и наверняка сойдешь с ума*. В своем кото, еще на Оорте, она жила в ледяной пещере вместе с двумя дюжинами других людей, и жилое пространство, выдолбленное в комете, было не больше «Перхонен». Но там не было ничего похожего, никакого беспокойства по поводу чужих мыслей, передаваемых через канал квантовой связи, как сейчас.

Бóльшую часть она отфильтровывает, но время от времени какие-то мысли и чувства все же просачиваются в ее мозг.

Она качает головой.

— Ладно, — говорит она. — «Перхонен» подсказывает, что нам придется прибегнуть к старым методам. Будем продолжать идти, пока…

Она обращается к пустому месту. Вора нигде не видно. Миели снимает очки и разглядывает их, пытаясь обнаружить какое-то устройство, обеспечившее вору возможность ускользнуть. Но в очках нет ничего, кроме пластика.

«Перхонен»! Куда он подевался, черт побери?

Я не знаю. Биотическая связь имеется только у тебя. В голосе корабля ей чудится некоторое веселье.

— Витту. Перкеле. Саатана[15]. — Она ругается вслух. — Он за это заплатит.

Проходящая мимо пара с ребенком в белых костюмах Революционеров смотрит на нее с удивлением. Она неумело обращается мыслями к интерфейсу своего гостевого гевулота. *Уединение*. Непривычное ощущение скованности подсказывает, что вместо нее окружающие видят только метку-заполнение.

Гевулот. Конечно. Я идиотка. В ее воспоминаниях сохранилась граница между *локальной* и *экзопамятью*. Вор послал ей воспоминание о последних секундах их разговора, и ее примитивный гевулот принял его. *Я разговаривала с воспоминанием.*

Миели испытывает резкий и неожиданный приступ отвращения к самой себе. Все это напоминает ей болезнь, перенесенную в детстве — на зубах стали появляться острые наросты, которые больно царапали десны. Карху[16] вылечил ее песней, но было невозможно удержаться, чтобы не трогать выступы языком. Она проглатывает неприятное ощущение и старается сосредоточиться на биотической связи.

Это трудно сделать без помощи метамозга, но и обнаруживать себя тоже нельзя. Поэтому она закрывает глаза и сосредотачивается…

— Леди, проявите милосердие, — слышится рядом грубый и хриплый голос.

Перед ней стоит нагой человек, и лишь самая интимная часть тела закрыта у него серым пятном гевулота. Человек очень бледен и лыс. Вокруг глаз красные ободки, как будто он только что плакал. Единственный предмет на его теле — Часы — кристаллический диск с толстой металлической цепочкой, болтающийся на костлявой руке.

— Проявите милосердие, — тянет он. — Вы пришли со звезд,

вы проведете здесь несколько приятных моментов, а потом вернетесь к роскоши, к бессмертию. Пожалейте того, кому осталось всего несколько мгновений жизни перед тем, как придется искупать свои грехи. Скоро они придут и схватят мою душу, и бросят ее в пасть безмолвной машины, так что я даже не смогу крикнуть от боли…

Ты в порядке? «Перхонен» обеспокоена. *Что происходит?*

Миели пытается повторить тот же трюк с гевулотом, что и несколько минут назад — воздвигнуть преграду между ней и этим безумцем, — но интерфейс гевулота сообщает, что она заключила контракт с другой личностью о взаимном поверхностном общении в течение следующих пятнадцати минут.

Передо мной стоит голый сумасшедший, беспомощно жалуется она кораблю.

Мне показалось, что он сбежал.

— Если бы вы подарили мне несколько жалких секунд, незначительную толику вашего времени, я бы открыл вам все свои секреты. При Дворе Короля я был Графом, Достойным, совсем не таким, каким вы меня видите сейчас. У меня был роботизированный замок и миллион гоголов, исполняющих все мои желания. А в Революцию я сражался в армии Герцога Тарсиса. Вы должны увидеть настоящий Марс, старый Марс, и я все это вам обеспечу за несколько подаренных секунд… — По вытянутому бледному лицу уже струятся слезы. — У меня осталось только несколько десятков секунд, проявите милосердие…

Миели, не переставая ругаться, встает со скамьи и идет вперед, лишь бы отделаться от нищего. Вдруг ее поражает неожиданная тишина. Она стоит посреди площади.

Марсиане вышагивают здесь с особым усердием. Никто никого не приветствует. Туристы — несколько Быстрых, похожих на мотыльков, и нейтрофил из зоку Ганимеда — прекратили рассматривать через парящие линзы списки на монументе и повернулись в ее сторону.

А нищий уже дергает ее за край одежды.

— Одну минуту, даже несколько секунд за все тайны Марса…

Он уже полностью обнажен, гевулот не защищает его на агоре. Миели отталкивает его руку обычным человеческим толчком, еле сдерживаясь, чтобы не вырвать конечность из сустава. Но нищий испускает пронзительный крик и валится на землю к ее ногам, все так же цепляясь за одежду и не умолкая. Она уже уверена, что на них смотрят абсолютно все, хотя, кажется, будто никто и не обращает на них внимания.

— Ладно, — говорит она и поднимает свои Часы —

хрустальная модель, выбранная из-за сходства с оортианскими украшениями. — Десять минут. Я потеряю больше, чтобы только избавиться от тебя.

Она мысленно обращается к Часам, и золотой циферблат немного сдвигается. Нищий вскакивает и облизывается.

— Благослови вас Призрак Короля, добрая леди, — говорит он. — Незнакомец сказал, что вы великодушны.

— Незнакомец? — переспрашивает Миели, хотя уже знает, о ком идет речь.

— Незнакомец в очках с голубыми стеклами, да пребудет с ним благословение и с вами тоже. — На лице нищего появляется широкая ухмылка. — Должен вас предупредить, — деловым тоном говорит он. — Я бы на вашем месте поторопился уйти с площади. — Вокруг Миели к выходу с площади уже направляются все, кроме туристов. — Кровь, вода. Уверен, вы меня поняли.

Я обязательно подвергну вора мучениям, говорит Миели. *Кровь и вода. Что он хотел этим сказать?*

На Земле, отвечает «Перхонен», *существовал класс рыб, называемых акулами. Я думаю, выклянчивающие время нищие просматривают доступную экзопамять, например, площадей. Здесь не принято Уединение, и они увидят, что ты поделилась Временем с…*

Внезапно на площади слышится топот босых ног, и Миели оказывается лицом к лицу с целой армией нищих.

Я бегу за мальчишкой через толпу на площади. Он неизменно остается впереди, отлично ориентируясь в чаще ног, его босые пятки мелькают со скоростью иглы фабрикатора. Я расталкиваю прохожих локтями, выкрикиваю извинения и оставляю за собой хвост сердитых серых вспышек гевулотов.

Я почти поймал его у остановки паукебов, где от площади отходит сотня разных улиц, ведущих в Лабиринт. Он останавливается перед длинноногими машинами — разноцветными безлошадными повозками, свернувшими свои бронзовые опоры в ожидании пассажиров, — и смотрит на них с нескрываемым восхищением.

Я медленно приближаюсь к нему, скрываясь в толпе. Его *текстура* другая по сравнению со всем, что меня окружает, она отличается какой-то резкостью. Возможно, это из-за грязи на его лице или его ветхой одежды, или темно-карих глаз, таких редких среди марсиан. Осталось всего несколько метров…

Но он просто дразнит меня. Мой бросок он встречает негромким смехом, а потом проскальзывает под длинноногими экипажами. Я слишком велик, чтобы последовать за ним, и остается только обойти вокруг толпящихся у машин пассажиров.

Этот мальчишка я. Я помню его, помню по моим снам. Воспоминания зажаты, словно мотылек между столетиями, такие же хрупкие, и распадаются, как только я к ним прикасаюсь. В них были пустыня и солдат. И женщина в палатке. Возможно, мальчик существует только в моей голове. Возможно, это какая-то структура, оставленная моим прежним «я». В любом случае, я должен это выяснить. Я выкрикиваю имя, но не Жана ле Фламбера, а то, давнее имя.

Часть моего сознания подсчитывает секунды до того момента, когда Миели сумеет преодолеть незначительное препятствие и пристрелит меня или отправит в какой-то новый ад. У меня всего несколько минут, чтобы выяснить, что он сможет мне сказать без надсмотрщика, заглядывающего через плечо. Мальчишка мелькает в толпе и исчезает в улочке, ведущей в Лабиринт. У меня вырывается проклятье, но погоню не прекращаю.

В Лабиринте сходятся большие платформы и другие компоненты города, оставляя при этом место для небольших непрерывно перемещающихся фрагментов, и при этом образуются неожиданные плоскости и извилистые переходы, которые могут менять направление, пока ты по ним идешь. Но происходит изменение так плавно, что определить его можно только при наблюдении за горизонтом. Никаких карт этого места не существует, есть только гиды-светлячки, за которыми бродят самые отчаянные туристы.

Я бегу вниз по крутому склону, вымощенному булыжником, и постепенно удлиняю шаги. Искусством бега на Марсе я никогда не владел в совершенстве, и как только мостовая подо мной слегка перемещается, я неудачно приземляюсь после особенно длинного прыжка и качусь еще несколько метров.

— Вы в порядке?

С балкона надо мной через перила свешивается женщина, держащая в руке газету.

— Все в порядке, — сквозь стон отвечаю я, в полной уверенности, что изготовленное в Соборности тело, которое выдала мне Миели, не так-то легко сломать. Но имитированная боль от удара копчика — это все равно боль. — Здесь не пробегал мальчик?

— Вы имеете в виду этого мальчика?

Сорванец стоит всего в сотне метров от меня и сгибается от смеха. Я с трудом поднимаюсь и снова бегу.

Мы все глубже и глубже погружаемся в Лабиринт, мальчишка по-прежнему остается впереди, но не слишком далеко, с одинаковой легкостью пробегая по булыжным мостовым,

мрамору, искусственной траве и дереву.

Мы бежим через небольшие китайские кварталы с их высокими буддистскими храмами и красно-золотыми драконами на фасадах, через временные рынки, пропахшие синтетической рыбой, мимо группы Воскресителей в черных одеяниях, сопровождаемых только что рожденными Спокойными.

Мы пробегаем целые улицы — возможно, это район красных фонарей, — затуманенные гевулотом, пустые улицы, где медлительные Спокойные-строители — крупнее, чем слоны, в оранжевых панцирях — красят новые дома в пастельные цвета. Здесь я почти упускаю мальчишку среди громкого шума и странного запаха огромных существ, напоминающего запах морских водорослей, вскоре вижу, как он машет мне со спины одного из строителей, а потом проворно прыгает вниз.

На некоторое время за нами увязалась группа на роллерах, ошибочно приняв наши гонки за новую уличную игру. Группа юношей и девушек, одетых в стиле «под Королевство» — в корсетах и расклешенных юбочках и напудренных париках — предусмотрительно уступает путь мчащимся мальчишкам, а те отталкиваются от стен и совершают головокружительные сальто между крышами, опираясь большими колесами на любую поверхность. Они ободряют меня криками, и на мгновение я задумываюсь, не потратить ли немного Времени, чтобы купить у них пару роликовых коньков, но воображаемая боль в спине почти успокоилась, и я продолжаю путь пешком.

Я каждую секунду жду, что мое тело прекратит подчиняться и Миели подвергнет меня какому-нибудь наказанию. Тем не менее мне хочется увидеть ее лицо.

В старом роботизированном парке я окончательно выбиваюсь из сил. Проклиная тот факт, что не в состоянии соперничать с обычным человеческим телом, я опускаюсь на колени, дыхание со свистом вырывается из груди, глаза жжет стекающий по лицу пот.

— Послушай, — говорю я, — давай вести себя благоразумно. Если ты часть моего разума, я могу рассчитывать на твое благоразумие.

Хотя я не отличался благоразумием в его возрасте. Впрочем, и в любом возрасте тоже.

Парк выглядит странно знакомым. Это участок старого Королевства, прихваченный и поглощенный городом во время странствия по марсианской пустыне и перемещенный сюда загадочным городским метаболизмом. Это открытая площадка среди Лабиринта, охраняемая несколькими синагогами, вымощенная черными и белыми мраморными плитами величиной примерно в пять квадратных метров, образующими поле 10 на 10.

По краям кто-то посадил цветы и деревья: над аккуратными монохромными квадратами нависают зеленые, красные, белые и фиолетовые ветки. Мальчишки нигде не видно.

— У меня мало времени. Леди со шрамом на лице скоро придет за нами обоими, и она будет очень сердита.

На каждом квадрате стоит по огромной машине: средневековые рыцари, самураи и легионеры в затейливо украшенных доспехах, в шлемах с открытыми забралами и с грозным, усеянным шипами оружием. Пластины брони местами заржавели, а пустые шлемы некоторых фигур превратились в цветочные горшки, из которых свисают гроздья бегоний и бледных марсианских роз. Фигуры стоят в боевой позиции, мало того, затаив дыхание, я замечаю, что некоторые из них медленно двигаются. Что-то мне подсказывает, что, если долго стоять и смотреть, они разыграют партию, начатую давно умершими игроками.

Снова раздается смех. Я оборачиваюсь. Мальчишка свешивается с руки отдельно стоящего красного робота, застывшего с поднятым оружием, напоминающим по форме косу. Я прыгаю вперед, намереваясь схватить сорванца, но его там уже нет. И я падаю во второй раз за время погони, приземляясь прямо на розовую клумбу.

Все еще не дыша, я медленно перекатываюсь в сторону. Шипы рвут одежду и кожу.

— Маленький негодяй, — говорю я. — Ты выиграл.

Яркий луч Фобоса — проходящего по небу за восемь часов — попадает в открытый шлем робота. Внутри что-то блестит, похоже на серебро. Я поднимаюсь на ноги, подхожу ближе и начинаю карабкаться вверх, цепляясь за доспехи. Марсианская гравитация облегчает задачу. Я роюсь в пыли внутри шлема и нащупываю металлический предмет. Это Часы, с массивным серебряным браслетом и бронзовым циферблатом. Стрелка прочно застыла на нуле. Я быстро прячу находку в карман для дальнейшего тщательного исследования.

Внизу раздаются шаги, и их сопровождает резкий запрос гевулота. Я не пытаюсь прятаться.

— Привет, Миели, — говорю я. — Я больше не могу бежать. Не отсылай меня, пожалуйста, в ад, я буду хорошо себя вести.

— Ад? — раздается сердитый голос. — Ад — это другие люди. — Я смотрю вниз. На меня уставился человек в синем костюме, опирающийся на грабли, беззаботно допустивший морщины на лице и седые волосы. — Знаешь, на нем не растут яблоки, — говорит он.

А потом хмурится.

— Будь я проклят. Это ты?
— Э, а мы встречались?
— Разве ты не Поль Сернин?

5. Сыщик и зоку

Исидор успевает почти вовремя. Паукеб мчится по крышам города. Поездка обойдется ему в сотню килосекунд, но это единственный способ добраться до места. Он крепко держится за ремень безопасности. Экипаж — незаконнорожденный потомок паука, военной машины Г. Дж. Уэллса и такси — перепрыгивает через крыши и цепляется за стены, а кабину постоянно швыряет то взад, до вперед.

Он роняет коробку с шоколадом и ругается, увидев, как она мечется по всей кабине.

— Эй, сзади, у вас все в порядке? — спрашивает водитель, молодая женщина в традиционной красной маске с изображением паутины.

В постоянно меняющемся городе, где многие участки постоянно скрыты гевулотом, работа водителя состоит в том, чтобы определить, как доставить пассажира из пункта А в пункт Б. Подобное искусство рождает немалую гордость.

— Не беспокойтесь, я доставлю вас на место.

— Я в порядке, — говорит Исидор. — Быстрее, пожалуйста.

Колония зоку расположена в носовой части города, в Пыльном районе, как раз над тем местом, где Спокойные-атласы подготавливают марсианский песок, чтобы он выдержал тяжесть города. Границу колонии увидеть довольно легко: под красными пылевыми тучами широкие проспекты с фасадами в стиле Бель Эпок и вишневыми деревьями уступают место сказочным алмазным замкам, словно ожившим воплощениям математических законов. Вечерний свет преломляется и отражается на гладких призматических поверхностях, и слепит глаза. Колония зоку существует здесь уже двадцать лет, с тех пор как они попросили убежища во время Протокольной войны, но ходят слухи, что она выросла из наносемени за одну ночь. Осколок империи квантовой технологии, правящей внешними планетами здесь, на Марсе. С тех пор как Исидор стал встречаться с Пиксил, он пытался понять странное отсутствие иерархии у зоку, но все попытки ни к чему не привели.

Еще несколько головокружительных прыжков, и паукеб останавливается. Они оказались перед похожим на собор зданием из стекла и света, с башенками, шпилями и готическими арками, выступающими из стен через равные промежутки.

— Вот мы и прибыли, — говорит водитель. — Друзья в высоких сферах, а? Не позволяйте им квантовать свой мозг.

Исидор расплачивается, горестно наблюдая, как сдвигается

циферблат его Часов. Затем подбирает коробку с конфетами и оценивает повреждения. Она немного помялась, но в остальном выглядит целой. *В любом случае, она не сможет этого оценить*. Он выпрыгивает из такси и сильнее, чем это необходимо, хлопает дверцей. Затем направляется к лестнице, ведущей к массивным двустворчатым дверям. Галстук мешает ему дышать, и он нервно поправляет узел дрожащими пальцами.

— Вход только по приглашениям, — словно из-под земли раздается гулкий голос.

Из-за двери появляется монстр. Материя на его поверхности ведет себя как гладь вертикального пруда, покрывая фигуру существа мелкой рябью. На нем голубая униформа швейцара и фуражка. Привратник почти трех метров ростом, с зеленоватой кожей, похожим на сушеную сливу лицом, парой крошечных глаз и массивными желтыми клыками. В одном из них сверкает маленький бриллиант зоку. Голос чрезвычайно низкий и неестественно гулкий, но человеческий.

Монстр протягивает руку. Вдоль предплечья тянется ряд шипов — черных и острых, поблескивающих какой-то жидкостью. Пахнет от него лакрицей. Исидор невольно сглатывает.

— У меня имеется приглашение, — говорит он и поднимает руку с кольцом сцепления.

Монстр наклоняется и внимательно его изучает.

— Прием уже начался, — заявляет привратник. — Допуск гостей закончен.

— Послушай, — говорит он. — Я немного опоздал, но леди Пиксил ждет меня.

Уверен, что ждет.

Я у входа, посылает он отчаянное кват-сообщение. **Знаю, я опоздал, но я здесь. Впусти меня, пожалуйста.**

Ответа нет.

— Бесполезно, — роняет монстр. Затем откашливается, прочищая горло. — Посвященный сцеплению прием — это часть важной традиции, олицетворяющей единство и сплоченность зоку, возникшей во времена гильдий метавселенной наших предков. В этот торжественный день мы уподобляемся нашим предшественникам. И никто не станет прерывать церемонию из-за опоздавшего гостя.

— Если это так важно, — говорит Исидор, — то почему ты здесь?

Монстр проявляет признаки смущения.

— Оптимизация ресурсов, — бормочет он. — Кто-то должен остаться у дверей.

— Послушай, что такого случится, если ты меня пропустишь?

— Меня могут исключить из зоку, оставить без сцепления. Одного, на чужой планете. Очень плохо.

— А если я… — Исидор колеблется. — Ну, попытаюсь тебя подкупить?

Монстр окидывает его пристальным взглядом.

Проклятье, неужели я его оскорбил?

— Камни? Драгоценности? Золото?

— Нет.

Пиксил, выйди ко мне. Это же абсурд!

— Шоколад?

— А что это такое?

— Бобы какао, прошедшие особую обработку. Очень вкусно. Для… э… базовых существ. Вот это предназначается в подарок самой леди Пиксил. Попробуй одну.

Он пытается открыть коробку, потом теряет терпение и разрывает крышку. Затем бросает монстру изящно оформленный кусочек шоколада. Тот перехватывает его на лету.

— Вкусно, — говорит он. А потом выхватывает из рук Исидора всю коробку. Она исчезает в его глотке, сопровождаемая легким шуршанием. — Очень вкусно. А нельзя ли получить и спайм? В Царстве это понравится.

— Это и был спайм.

— Как?

— У меня ничего не осталось. Это был физический объект.

— Проклятье, — огорчается монстр. — Эх, парень, это чересчур. Мне очень жаль, правда. Я не хотел… Слушай, думаю, я смогу их отрыгнуть, и мы все уложим обратно.

— Ладно, все в порядке.

— Знаешь, это рефлекс. Это тело подвержено всем внешним стереотипам. Я уверен, что мог бы выкрутиться какой-нибудь копией, по крайней мере…

Монстр широко открывает рот и начинает засовывать туда руку, вывернув ее под немыслимым углом.

— Могу я просто войти?

В горле монстра что-то булькает.

— Конечно, конечно. Не стоит об этом и говорить. Я же не какой-нибудь подонок, верно? Развлекайся.

Створки дверей распахиваются. Исидор входит — и мир тотчас резко изменяется. Что ему ненавистно в Пыльном районе, так это постоянные заигрывания с реальностью. Зоку даже не пытаются скрыть свои тайны под покровом повседневности, а набрасывают спаймы и расширения реальности слой за слоем на зрительные рецепторы вашего мозга, так что уже невозможно определить, что за ними скрывается. И неожиданное ощущение

открытости, отсутствие ограничений гевулота вызывает у него нечто вроде головокружения.

Внутри нет ничего, похожего на алмазный храм. Он оказался перед входом в большое открытое помещение с трубами и проводами на стенах и высоким потолком. Воздух горячий, пахнет озоном и застарелым потом. Пол неприятно липкий. Тусклые неоновые лампы освещают древние на вид, громоздкие плоские экраны на низеньких столиках, показывающие аляповатые изображения каких-то символов или абстрактно движущиеся фигуры. Все помещение заполняет громкая музыка, от которой начинает болеть голова.

Участники вечеринки прогуливаются вокруг столов и беседуют друг с другом. Все они выглядят на удивление… по-человечески. На их бледных телах самодельные короткие кольчуги. У некоторых имеются мечи в мягких ножнах. Кое-кто одет в картонные коробки. Но все носят с собой ящички с проводами или схемные платы, подвешенные к поясу.

— Привет. Хочешь поучаствовать в сцеплении?

Девушка похожа на пухлого эльфа с розовыми волосами. На голове у нее прицеплены большие кошачьи уши, на лице слишком много косметики, а на чрезмерно обтягивающей майке непристойная сценка с участием большеглазой женщины и еще *чего-то*. Из рюкзака торчит пара похожих на фаллосы серебристых ракет, и толстый кабель тянется от них к телефону с сенсорным экраном у нее в руках.

— Гм, я бы с радостью… — Он еще ослабляет узел галстука. — Но я ищу Пиксил.

Девушка уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Ого.

— Я понимаю, что опоздал, но…

— Все в порядке, вечеринка еще не началась, люди только начинают сцепляться. Ты ведь Исидор, верно? Вот здорово! — Она размахивает руками и едва не подпрыгивает на месте. — Пиксил все время о тебе говорит! О тебе уже все здесь знают!

— Ты знаешь Пиксил?

— Конечно, знаю, глупыш! Я Синдра. Я ее Легендарный Скакун!

Она сжимает рукой свою левую грудь, едва выступающую под розовой тканью.

— Классная аватара, а? Сью И, из настоящего Ку-клана! Я купила ее… Стоп, я не должна тебе об этом рассказывать, ты же играешь в «детектива», верно? Извини.

Исидор прищуривается, услышав слова «Легендарый Скакун», но в колонии зоку экзопамять Ублиетта недоступна. *Будем*

надеяться, что это всего лишь метафора.

— Ладно, а ты, гм, можешь мне сказать, где Пиксил?

— Нет.

— Почему нет?

— Глупый мальчик, разве ты не понял — это костюмированный вечер! Нам придется ходить и выяснять, во что она одета.

Не успевает он и глазом моргнуть, как потная ладошка Синдры стискивает его руку и тащит в толпу.

— Ты себе не представляешь, как много людей хочет с тобой встретиться. — Она подмигивает. — Знаешь, мы все поражены. Парень из Ублиетта! А что вы творите со своими телами! Плохо, очень плохо.

— Она рассказывала о…

— О, она рассказывает мне абсолютно *все*! Вот *они* точно знают, где она.

Синдра сворачивает к блоку из нескольких старых компьютеров, излучающих гудение и тепло и окруженных бинбэгами. На них скорчились трое, но на взгляд Исидора, ни один из них не может быть Пиксил. Начать с того, что у двоих имеются бороды. Один из мужчин, высокий и худой, одет в шорты, нечто вроде красной туники, желтую кепку и маску домино. Второй, более плотного телосложения, в свободной голубой блузе с оборванным подолом и в маске, украшенной остроконечными ушами.

Третья в этой группе пожилая на вид женщина с редкими светлыми волосами, морщинистым лицом, в очках и явно неудобных кожаных доспехах. Она сидит, держа на коленях меч. Оба мужчины в такт ударным раскачиваются на своих сиденьях взад-вперед.

Синдра хлопает худого мужчину по спине, вызвав при этом оглушительный взрыв на экране.

— Проклятье, — вскрикивает он и срывает очки. — Смотри, что ты наделала!

Мужчина в кепке откидывается назад в своем кресле.

— Тебе предстоит многому научиться, Чудо-мальчик.

У Исидора пересохло во рту. Он привык к приветствиям через гевулот, которые связывают лица с именами и открывают социальный статус. Но эти незнакомцы какие-то *странные*.

— Кто-нибудь видел Пиксил? — спрашивает Синдра.

— Эй, не выходи из образа! — ворчливо прикрикивает остроухий мужчина.

— Тьфу, — восклицает Синдра. — Это важно.

— Она была здесь секунду назад, — говорит худой, не сводя

взгляда с экрана и двигая правой рукой какой-то маленький белый предмет, производящий негромкие щелчки.

— Кем она оделась? Мы пытаемся ее найти.

— Я не знаю.

— Думаю, она изображала Макгонигал[17], — говорит остроухий. — Она компоновала игру в Вервульфа в задней комнате. Но она не слишком изменила свое тело. Неубедительно.

— Ну хорошо, — говорит Синдра Исидору. — Оставайся здесь. Я пойду ее искать. Парни, это Исидор. Он — тра-та-та-та! — Вторая Половинка Пиксил. И он тоже геймер.

— Ого! — восклицает бородатый.

Женщина в коже смотрит на Исидора с явным любопытством.

— Исидор, эти шутники — старейшины зоку. Обычно они более вежливы. Дратдор, Сейджвин и, — Синдра слегка склоняет голову, глядя на женщину, — Старейшая. Они за тобой присмотрят. Я скоро вернусь. Рада, что ты здесь.

— Присаживайся. Выпей пива, — говорит Сейджвин — остроухий.

Исидор опускается на один из мягких мешков на полу, используемых в качестве кресел.

— Спасибо. — Он берет банку с пивом, но сомневается, сумеет ли ее открыть. — Отличная вечеринка.

Дратдор фыркает.

— Это не вечеринка, это старинный ритуал!

— Простите. Пиксил не слишком распространялась на эту тему. Чему же посвящен прием?

— Расскажи ты, — обращается Дратдор к женщине. — У тебя это получается лучше.

— Она была здесь, — добавляет Сейджвин.

— Таким образом мы чествуем наше наследие, — говорит Старейшая. — У нее сильный голос, как у певицы. — Наши зоку очень старые, мы можем проследить свои корни до игровых кланов до-Коллапсовой эпохи. — Она улыбается. — Кое-кто очень хорошо помнит те времена. Как ты понимаешь, тогда еще не было закачки мозгов. Конкуренция была очень жесткой, и каждый использовал любой шанс, чтобы одержать верх над соперничающей гильдией.

— Мы первыми начали эксперименты с квантовыми экономическими механизмами в целях кооперации. Сначала это были всего лишь два сумасшедших отаку[18] из физической лаборатории, которые устанавливали ионные ловушки на сцепленные квантовые биты и внедряли их в свои игровые платформы, координируя атаки гильдии и срывая огромные прибыли в аукционных домах. Выяснилось, что, используя

сцепление, можно делать интересные вещи. Игры становятся непредсказуемыми. Как, например, «Дилемма узника» с телепатией. Превосходная координация. Новое игровое равновесие. Мы обошли всех и загребли кучи золота.

— Мы и сейчас впереди всех, — вставил Дратдор.

— Ш-ш-ш. Но колдовство без сцепления невозможно. Тогда еще не было спутников квантовой связи. Поэтому мы стали устраивать приемы вроде этого. Люди переносят свои кубиты[19] и устанавливают сцепление со всеми остальными. — Старейшая улыбается. — А потом мы поняли, что можно сделать при помощи рационального планирования ресурсов, координации и взаимодействия между мозгом и компьютером.

Она легонько постукивает пальцами по рукояти меча. Отливающий фиолетовым цветом драгоценный камень, прозрачный и многогранный, на фоне ее тусклых доспехов выглядит довольно странно.

— С тех пор произошло много событий. Мы пережили Коллапс. Построили город на Сатурне. Проиграли войну с Соборностью. Но время от времени не мешает вспомнить о том, с чего все началось.

— Пиксил никогда мне об этом не рассказывала, — говорит Исидор.

— Пиксил, — говорит Старейшая, — больше интересуется тем, куда она идет, чем тем, откуда пришла.

— Так, значит, ты геймер? — спрашивает Дратдор. — Пиксил много рассказывала об играх, в которые вы там играете, ну, в Грязном Городе. Она говорит, это вдохновляет ее в работе, и я бы хотел услышать об источнике ресурса.

— Где мы играем?

— А, иногда мы называем это место Грязным Городом, — поясняет Сейджвин. — В шутку.

— Понятно. Мне кажется, вы меня с кем-то путаете, на самом деле я не играю в игры…

Старейшая кладет руку ему на плечо.

— Я думаю, Исидор пытается сказать, что он не считает свое занятие игрой.

Исидор хмурится.

— Послушайте, я не знаю, что именно рассказала вам Пиксил, но я изучаю историю искусства. Еще меня называют сыщиком, но только из-за того, что мне нравится разгадывать тайны.

При этих словах он снова ощутил болезненный укол, вызванный отказом наставника.

Сейджвин озадаченно моргает.

— А как же вы ведете счет? Как переходите с одного уровня на другой?

— В действительности дело совсем не в этом. Просто… я помогаю пострадавшим, помогаю ловить преступника, чтобы предать его правосудию.

Дратдор так энергично фыркает в свое пиво, что часть его выплескивается на костюм.

— Это *отвратительно*. — Он вытирает губы перчаткой. — Абсолютно отвратительно. Ты хочешь сказать, что относишься к числу этих ядовитых мемо-зомби? И Пиксил пригласила тебя сюда? Она *прикасается* к тебе? — Он в смятении смотрит на Старейшую. — Я удивлен, что ты это позволяешь.

— Моя дочь может делать со своей жизнью все, что захочет и с кем захочет. Кроме того, я думаю, ей полезно узнать, что вокруг нас существует человеческое общество и нам приходится жить с людьми. В Царстве легко об этом забыть. — Она улыбается. — Ребенку полезно поиграть в грязи, чтобы укрепить иммунитет.

— Постойте, — восклицает Исидор. — Ваша дочь?

— Как бы то ни было, — вмешивается Дратдор, — мне, пожалуй, лучше уйти, пока меня не «предали правосудию».

После его ухода воцаряется неловкое молчание.

— Знаешь, я так и не понял, как вы ведете счет… — начинает Сейджвин.

Старейшая бросает на него быстрый взгляд.

— Исидор. Я бы хотела с тобой поговорить. — Остроухий зоку поднимается. — Рад был с тобой повидаться, Исидор. — Он подмигивает. — Кулаком о кулак? — Он делает странный жест, похожий на прерванный выпад. — Все в порядке. Не напрягайся.

— Прошу прощения за моих друзей зоку, — говорит Старейшая. — Они почти не поддерживают контактов с внешним миром.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — говорит Исидор. — Она никогда о вас не рассказывала. И о своем отце тоже. Он где-то здесь?

— Возможно, она не хотела тебя смущать. Я предпочитаю употреблять слово «мать», но на самом деле все немного сложнее. Могу лишь сказать, что во время Протокольной войны произошел несчастный случай, затронувший меня и воина-разума Соборности. — Она смотрит на кольцо сцепления на его руке. — Это она дала его тебе?

— Да.

— Интересно.

— Простите?

— Бедняга. Она не должна была тебя приглашать. С тобой

одни неприятности. — Она вздыхает. Но, возможно, именно это ей и нужно, чтобы что-то доказать.

— Я не понимаю.

Он пытается определить выражение лица женщины, но подсказок гевулота здесь нет. И это одна из причин, по которой Пиксил его привлекает. Загадка. Но та же черта у этой женщины пробуждает в нем страх.

— Я только хотела сказать, что тебе не стоит ждать от Пиксил слишком многого. Ты же понимаешь, что она уже связана с чем-то более значительным, чем она сама. И отчасти поэтому я рассказала тебе историю. Она экспериментирует, и это прекрасно, тебе это тоже необходимо. Но сцепления между вами быть не может. Ты никогда не станешь частью всего этого. Ты понимаешь?

Исидор резко втягивает воздух.

— При всем моем уважении, я должен сказать, что отношения между нами — это наше дело. И я уверен, она со мной согласится.

— Ты не понимаешь, — вздыхает Старейшая.

— Если вы даете понять, что я ее недостоин… — Он складывает руки на груди. — Мой отец был Достойным в Королевстве. И я считал, что к зоку можно присоединиться. Кто может утверждать, что я на это не пойду?

— Но ты этого не сделаешь.

— Я не думаю, что вы можете решать за меня.

— Тем не менее могу. Таковы зоку. Мы все единое целое. — В ее глазах что-то вспыхивает. — Не давай себя обманывать этим маскарадом. Мы совсем не такие. Ты и *ее* еще не видел: мы создали ее такой, чтобы она ходила среди вас и узнавала вас. Но внутри…

Лицо Старейшей подергивается рябью, и на мгновение она превращается в статую из миллиардов танцующих светящихся пылинок с прекрасным ликом, парящим внутри, а вокруг сверкают созвездия из драгоценных камней вроде того, что сверкает в рукоятке меча. А потом она снова становится блондинкой среднего возраста.

— Внутри мы другие.

Она похлопывает Исидора по руке.

— Но не расстраивайся. Все пройдет своим чередом. — Она встает. — Я уверена, Синдра скоро вернется. Развлекайся.

Она уходит в толпу, и меч качается у ее бедра, а Исидор остается смотреть на бегущие по монитору изображения.

Спустя некоторое время идея выпить кажется ему более привлекательной, и он пробует пиво. Оно старое и невкусное, и Исидор предпочел бы вино, но все же выпивает две банки, пока

не добивается желаемого эффекта. Трудный день дает о себе знать, и он едва не засыпает перед монитором. Еще двое гостей — молодой человек и девушка, чей макияж придает ей сходство с трупом, — садятся рядом и начинают играть. Через некоторое время парень оборачивается к Исидору и глуповато ухмыляется.

— Привет, — говорит он. — Не хочешь попробовать? Я в этом деле не могу оказать достойное сопротивление мисс Уничтожительнице Миров.

Девушка закатывает глаза.

— Любовник, а не воин.

— Точно. — Парень на вид немного старше Исидора, ему еще нет и двадцати марсианских лет, у него азиатские черты лица, тонкие усики, гладко прилизанные черные волосы и прекрасно сшитый костюм. На плече кожаный рюкзак. — Ну, что скажешь?

— Боюсь, я слишком пьян, — говорит Исидор. — Справляйся сам.

— Да, пьянство — неплохой способ сохранить лицо. Простите, госпожа, вы нас победили.

Девушка вздыхает.

— Ладно. Я иду играть в Вервольфа. Забавные человечки.

Она посылает Исидору воздушный поцелуй.

— Хорошо развлекаешься? — спрашивает парень.

— Не совсем.

— Ну, это никуда не годится. — Он берет со стола банку с пивом и открывает ее. — Как ты уже понял, пиво здесь отвратительное. Видишь ли, оно все аутентичное.

— Сойдет, — говорит Исидор и открывает еще одну банку. — Я Исидор.

— Адриан.

Рукопожатие парня выдает жителя Ублиетте. Но при странном ощущении свободы от гевулота и легком опьянении это кажется несущественным.

— Итак, Исидор, почему ты не танцуешь, не принимаешь участия в сцеплении и не обхаживаешь курочек зоку?

— У меня был странный день, — говорит Исидор. — Меня чуть не убили. Я поймал гогол-пирата. Или двух. С шоколадом. А что касается курочек зоку, у меня уже есть одна. Ее мать — богиня, и она меня ненавидит.

— Ладно, ладно, — говорит Адриан. — Я ожидал чего-то вроде «я видел наставника» или «мне приснился чужой сон».

— Да, наставник там тоже был, — говорит Исидор.

— Ну, это звучит как целая история! Расскажи.

Они продолжают пить, и история шоколатье кажется вполне уместной. Слова вылетают легко. И тогда приходит мысль

о Пиксил: «А как часто мы с ней о чем-то разговаривали?» Его мысли и язык не ограничены гевулотом, и Исидор ощущает себя подпрыгивающим на воде камешком, легким и свободным.

— Кто же ты, Исидор? — спрашивает Адриан, когда рассказ кончается. — И как ты оказался втянутым в это дело?

— Я не мог не помочь. Я всегда думаю о тех вещах, которые не понимаю. А для забавы я часто брожу по Лабиринту и взламываю замки гевулотов.

— Но зачем? Что ты из всего этого получаешь?

Исидор смеется, откинувшись назад.

— Я не понимаю людей. Мне необходимо установить ход вещей. Я не понимаю, почему кто-то говорит или делает то или иное, если я над этим не подумаю.

— Это удивительно, — говорит Адриан, когда Исидор умолкает, чтобы сделать еще глоток пива.

Он рассеянно отмечает, что парень что-то царапает в блокноте — старомодном, сделанном из бумаги. Это может означать только одно, и даже затуманенный мозг Исидора сознает, что он совершил ошибку.

— Ты журналист, — говорит он.

Порыв иссяк, и вода поглощает скачущий по поверхности камень. Голова становится невероятно тяжелой. В мире безупречного уединения все еще существуют аналоговые дыры, и общедоступные газеты в Ублиетте остаются одним из наиболее доходных терпимых преступлений. Они открыли на него охоту после первого же его дела о краже из ателье модной одежды. Но никогда не могли взломать его гевулот. До этого момента.

— Да, журналист. Адриан Ву из «Вестника Ареса».

Он достает из рюкзака старомодную камеру — еще один прием обойти гевулот. Вспышка на мгновение ослепляет Исидора.

Исидор бьет его. Или, вернее, пытается это сделать: он вскакивает на ноги и отчаянно размахивает руками, но не достает до журналиста. Ноги подгибаются. Он хватается за ближайший предмет — компьютерный монитор на столе — и с грохотом падает на пол. Он старается подняться и тянется к камере Адриана.

— Отдай мне это!

— О, я отдам. Тебе и еще пятидесяти тысячам наших читателей завтра утром. Знаешь, мы жаждали получить у тебя интервью с того раза, когда тебя впервые заметили рядом с Джентльменом. А может, ты что-то расскажешь и о ней?

— О ней?

— Ага. — Адриан усмехается. — И ты еще считаешь себя детективом? На улицах говорят, что Джентльмен — женщина. Да,

кстати, а вот и леди, о которой мы говорили.

— Привет, милый, — говорит Пиксил.

Ее вид согревает душу Исидора, несмотря на шок и алкогольный туман. Черная помада делает ее улыбку похожей на запятую. Стройная фигурка затянута в напоминающее тартан платье с кожаными ремешками, из-под которых привлекательно просвечивают смуглые плечи.

— Синдра мне сказала, что ты справился. Я так рада.

Она дарит Исидору пахнущий пуншем поцелуй.

— Привет, — отвечает Исидор. — Я принес тебе шоколад, но его сожрал монстр.

— Вот это да! Я думаю, ты пьян.

— В самую точку, — подтверждает Адриан. — И дает интервью.

Он отвешивает Исидору легкий поклон и исчезает в толпе.

Следующий час проходит, словно в тумане, и он быстро забывает о журналисте. Становится очень жарко, и все, что говорят вокруг, вызывает неудержимый смех. Пиксил ведет его от одной группы зоку к другой. Они беседуют с собравшимися в кружок квантовыми богами и спорят, кто из них оборотень. Бледнокожие супергерои в плохо сидящих латексных костюмах задают ему вопросы о наставниках. И трудно думать о чем-то другом, кроме ее теплой ладошки, лежащей между его лопаток.

— Можно отыскать местечко поспокойнее? — наконец спрашивает он.

— Конечно. Я хочу понаблюдать за сцеплениями.

Они находят свободный диванчик в стороне от основного центра активности и садятся. Сцепления происходят весьма красочно. Люди при помощи оптических волокон и кабелей подсоединяют свои кубит-контейнеры — реактивные ранцы, лучевые пушки и волшебные мечи — к огромным хитроумным устройствам. Оборудование довольно примитивное, и сцепление удается далеко не всегда, но когда что-то получается, из трансформаторов Тесла бьют дуговые разряды, сопровождаемые оглушительным треском и хохотом. Запах озона немного прочищает сознание Исидора.

— Мне кажется, пьяным тебе намного лучше, — говорит Пиксил. — К тебе возвращается твой *взгляд*.

— Какой взгляд?

— Как будто ты что-то расследуешь.

— Ничего подобного.

Он пытается сосредоточиться, но трудно собраться с мыслями. Текучая ярость еще кипит внутри и не собирается успокаиваться.

— Послушай. — Пиксил ерошит пальцами его волосы. — Я попытаюсь отгадать, о чем ты думаешь. Если получится, ты на сегодняшний вечер станешь моим рабом.

Исидор допивает последний глоток из пластикового стаканчика — какой-то очень сладкий пунш с гуараной, которым их угостила недавно встреченная группа девушек-подростков в матросских костюмах. Напиток прогоняет дремоту, но вызывает нервный озноб.

— Ладно, — соглашается он. — Играем.

— Ты думаешь о своем наставнике. Пытаешься заставить меня ревновать?

— Нет. Не угадала. Я не смогу стать наставником, но это не то, о чем я сейчас думаю.

— Ой. — На ее лице выражение искреннего сожаления. — Что же этому подлецу надо? Ты гений. Ты разгадал… неважно что, но ведь разгадал, верно?

— Да. Но этого мало. Не переживай. Я не хочу об этом говорить. Продолжай угадывать.

Несмотря на его отрицания, он сильно переживает свою неудачу.

— Хорошо. — Она гладит его по руке и указательным пальцем щекочет ладонь. — Ты стараешься придумать, как бы поскорее затащить меня в постель?

— Нет.

— Нет? — Она притворно негодует. — В таком случае, мистер Сыщик, вам лучше вызвать кэб. Почему ты об этом не думаешь? А я думаю.

— У тебя есть еще одна попытка, — говорит Исидор.

— Ладно. — Пиксил становится серьезной. Она прижимает пальцы к вискам и закрывает глаза. — Ты думаешь…

— Только никаких фокусов с гевулотом и кватами, — предупреждает ее Исидор.

— Ты шутишь? Я никогда не жульничаю. — Она поджимает губы. — Я бы сказала, что ты думаешь об Адриане и о том, зачем я его сюда пригласила, зачем попросила Синдру представить тебя старейшинам и еще о том, почему моя бедная старая матушка тебя ненавидит. — Она ласково улыбается. — Это похоже на правду? Или ты считаешь меня совсем глупой?

— Да, — говорит Исидор. — То есть нет. Ты угадала. Так зачем все это?

Гнев концентрируется в его груди в потный комок. В висках пульсирует кровь.

— Ты очень мил, когда смущаешься.

— Ответь мне.

— Рабы не выдвигают требований. Я выиграла, — говорит Пиксил.

— Я сейчас не играю. Зачем?

— Ну, есть одна причина. Я хотела тобой похвалиться.

Она берет его за руку.

— Похвалиться? Да я умудрился *оскорбить* их в первые же пять минут. А твоя мать действительно меня возненавидела.

— Мать по сцеплению. На самом деле ничего подобного. Просто она слишком пытается меня защитить. Первый ребенок, созданный на Марсе, совместимость гевулотов, мостик между двумя мирами и все такое прочее. И все они до сих пор в шоке, что я встречаюсь с одним из вас. Они *заслуживают* легкого оскорбления. Они до сих пор думают, что мы когда-нибудь вернемся на Юпитер, хотя там ничего не осталось, кроме пыли и дронов Соборности, которые ее поглощают. Теперь мы живем здесь, но никто из них не желает этого признавать.

— Значит, — говорит Исидор, — ты меня использовала.

— Конечно. Это игра. Оптимальное использование ресурсов — это не шутка. Каждый поступает так, как лучше для него, и потому что-то получается. Мы не в силах этого изменить. В данном случае небольшой мятеж — это оптимальный вариант.

— Значит, это не настоящий мятеж?

— Ой, да ладно, — восклицает она. — Ты *все время* проделываешь то же самое с людьми. Ты в этом преуспел. Как ты думаешь, почему ты встречаешься со мной? Потому что я — загадка. Потому что ты никак не можешь меня вычислить, как вычисляешь остальных. Я видела, как ты разговариваешь с людьми, и ты говоришь им что-то, но это не ты, а твои умозаключения. И не пытайся мне доказать, что для тебя это не игра.

— Это совсем не игра, — говорит Исидор. — Сегодня я чуть не погиб. Девушка убила своего отца самым ужасным способом. Такие вещи случаются, и кто-то должен *решать* эти загадки.

— А от этого кому-то лучше?

— Мне лучше, — негромко говорит Исидор. — И ты это знаешь.

— Да, я знаю. И я думаю, остальные тоже должны это узнать. У тебя это хорошо получается, и кто-то должен вести счет. Поэтому я и пригласила Адриана, чтобы вы могли поговорить без этой чепухи с гевулотами. Он сделает тебя известным.

— Пиксил, это была не лучшая идея. У меня из-за этого будет куча неприятностей. Неужели ты считаешь, что можешь решать, что для меня лучше? Я не принадлежу к обществу твоих зоку. Со мной так не получится.

— Не получится, — соглашается Пиксил. — С зоку у меня просто нет выбора. — Она дотрагивается до камня зоку, вставленного у основания шеи, над самыми ключицами. — С тобой я остаюсь только потому, что этого хочу.

Где-то в глубине души он понимает, что это ложь, но почему-то не придает этому значения и целует ее.

— Не забывай, — говорит она, — ты проиграл. Идем со мной, я хочу тебе кое-что показать.

Пиксил берет его за руку и ведет к невзрачной двери, которой мгновение назад здесь еще не было. Позади снова сверкают вспышки дуговых разрядов сцепления, а они вместе уходят через дверь.

Реальность на мгновение прерывается.

Они оказываются в огромном помещении, заполненном стоящими друг на друге черными кубами различной величины — от одного метра до размера целого дома. Стены, пол и потолок — где-то высоко-высоко — все белое и слегка светится. При таком освещении даже Пиксил кажется бледной.

— Где мы? — спрашивает Исидор.

Его голос будит странное эхо.

— Тебе ведь известно, что мы разбойники, верно? Мы занимаемся грабежом. Так вот, здесь мы храним свои сокровища.

Пиксил отпускает его руку, бежит вперед и дотрагивается до одного из кубов. Он мгновенно становится прозрачным. Внутри мерцает странное существо, похожее на покрытую перьями змею. Оно кружится в воздухе, не в силах вырваться из световой клетки. Парящая спайм-сфера сообщает Исидору, что это червь Лэнгтона, пойманный на неосвоенных виртуальных окраинах Царства и облеченный в физическую форму.

Пиксил смеется.

— Здесь можно найти все что угодно. — Она бежит дальше и прикасается к следующим контейнерам. — Идем, давай посмотрим.

Здесь стеклянные яйца, древние часы и конфеты со старой Земли. В одном из больших кубов Исидор обнаруживает старинный звездолет. Он похож на гигантский коренной зуб, керамическая поверхность испещрена коричневатыми пятнами. Пиксил открывает куб, набитый театральными костюмами, и со смехом напяливает на голову Исидора котелок.

— Если нас здесь застанут, кому-то, наверно, попадет, — говорит Исидор.

— Не беспокойся, раб, — озорно усмехаясь, отвечает Пиксил. Напевая себе под нос, она выкидывает из куба костюмы, устраивая на полу огромную груду. — Я же тебе говорила.

Оптимизация ресурсов.

Она обнимает его за шею обеими руками и крепко целует. От ее прикосновений платье испаряется. Пиксил увлекает его на груду плащей и пышных юбок. Его гнев улетучивается, и вокруг не остается ничего, кроме нее.

Интерлюдия. Великодушие

Как и каждый марсианский Сол Солис[20], Сюэсюэ приходит в парк, чтобы улыбнуться красному роботу.

Он стоит одиноко, в стороне от боевых машин, сражающихся на черно-белых мраморных клетках. И еще он немного отличается от них своим видом: под слоем ржавчины угадываются стройные очертания красного спортивного автомобиля, а шлем венчает маленькая блестящая конская фигурка.

Сюэсюэ садится перед ним на складной стульчик, смотрит в темную прорезь шлема и улыбается, сохраняя полную неподвижность, пока хватает сил. Ее рекорд составляет два часа. Труднее всего удержать *ощущение* улыбки. Сегодня это легко: в детском саду выдался хороший день. Маленькие императоры и императрицы Ублиетта — купленные родителями за немалое количество Времени, и, соответственно, сильно избалованные — доставляют немало хлопот, но и у них бывают светлые моменты. Возможно, сегодня она побьет собственный рекорд.

— Извините? — слышится чей-то голос.

Сюэсюэ с некоторым усилием сдерживает свое недовольство и продолжает улыбаться, не оборачиваясь назад.

К ее плечу прикасается рука, и она вздрагивает. *Проклятье*. Надо было закрыть гевулот, но это испортило бы улыбку.

— Я стараюсь сосредоточиться, — с упреком произносит Сюэсюэ.

На нее с изумлением смотрит молодой человек. У него угольно-черные волосы, легкий загар, темные брови, нависшие над тяжелыми веками. Одет так, словно собрался на вечеринку — пиджак и брюки из гладкой ткани и вдобавок к ним очки с синими стеклами, защищающие от яркого света Фобоса.

— Приношу свои извинения, — довольно легкомысленно говорит он. — Какой процесс я прервал?

Сюэсюэ вздыхает.

— Вы не поймете.

— Попробуйте объяснить.

Он снимает очки и с любопытством смотрит на Сюэсюэ. Его фигура поражает своей безупречностью, не свойственной для жителей Ублиетта. Он улыбается, но довольно рассеянно, словно прислушивается к чему-то еще.

— Я улыбалась красному гладиатору, — говорит она. — И делаю это уже около года. По крайней мере, один час в неделю.

— Почему?

— Ну, существует мнение, что внутри них заключены

медленные гоголы, — говорит она. — Это старая игра Королевства. И для гоголов это яростная битва. Они сражаются за свою свободу. Знаете, если долго на них смотреть, можно заметить, что они двигаются. Поэтому я предположила, что они тоже нас видят. Если только мы достаточно долго остаемся в неподвижности. Как след изображения.

— Понятно. — Он искоса смотрит на робота. — У меня, наверно, не хватило бы на это терпения. А почему вы выбрали именно этого?

— Не знаю, — признается она. — Возможно, он показался мне очень одиноким.

Молодой человек трогает нагрудник робота.

— А вы не задумывались о том, что можете отвлечь его? И он проиграет бой? И никогда не обретет свободу?

— Королевства давно нет. Они свободны уже около ста лет, — отвечает она. — Мне кажется, кто-то должен сказать им об этом.

— Отличная мысль. — Он протягивает ей руку. — Меня зовут Поль. Я немного заблудился в этих перемещающихся улицах. И надеялся, что вы могли бы подсказать мне выход.

Его примитивный гостевой гевулот пропускает отголоски эмоций: смущение, тяжесть вины. Сюэсюэ представляется, что на его спине огромный прилипала. Ощущение ей знакомо. И внезапно разговор с незнакомцем обретает большее значение, чем улыбка для робота.

— Конечно, я могу это сделать, — говорит она. — Но почему бы вам немного не задержаться? Что привело вас в Ублиетт?

Она составляет мысленный контракт гевулотов и предлагает его Полю. Он недоуменно моргает.

— Что это?

— Наш последующий разговор никто не услышит и не запомнит, — поясняет она. — Даже я его забуду, если вы не позволите сохранить его в памяти. — Она улыбается. — Так у нас принято. Никто не должен оставаться посторонним.

— Это все равно что иметь при себе переносную исповедальню.

— Что-то вроде этого.

Поль садится на землю рядом с Сюэсюэ и смотрит на робота.

— Знаете, — говорит он, — трудно встретить истинного альтруиста. Это великолепно.

Сюэсюэ улыбается.

— Себя вы к их числу не относите?

— Я свернул с этой дороги эволюции очень и очень давно. Где-то на полпути между динозаврами и птицами.

— Никогда не поздно измениться, — говорит она. — Особенно здесь.

— Что вы имеете в виду?

— Это же Ублиетт. Место забвения. Здесь вы можете встретить тиранов Королевства или лидеров Революции и даже не узнаете их. Или сидеть рядом с еще худшей личностью вроде меня.

Она вздыхает.

Он смотрит на нее широко раскрытыми глазами. Она открывает свой гевулот слой за слоем, словно чистит луковицу, и предлагает ему свои воспоминания.

Сюэсюэ продавала бессмертие. Она странствовала по городам и селениям, пострадавшим от землетрясений или оползней, или по рыбацким деревням, оказавшимся на берегах пересохших озер. Она заглядывала в сознание детей при помощи магниторезонансного сканера, вмонтированного в телефон, и рассказывала их отчаявшимся родителям о жизни вне плоти. Она показывала детям видео с Небес, в которых боги и богини говорили о вечной жизни, как создатели о новой программе. Дети смеялись и показывали на нее пальцами. Но в каждой деревушке находилось несколько ребятишек, желающих уйти с ней. С помощью помощников-дронов она собирала их в автоматизированные грузовики и везла к Сверкающим Вратам Небес.

Врата представляли собой наскоро возведенные бараки в пустыне Ордос[21], накрытые маскировочными тентами. В уборных стояла страшная вонь. Походные койки застелены грязным бельем.

Первые две недели у них даже не было душа, но Сюэсюэ и остальные инструкторы — по большей части просто лица на мониторах дронов с дистанционным управлением — говорили, что все это неважно и скоро их освободят от потребностей плоти.

Первая стадия трансформации происходила в классной комнате. Детям надевали на головы колючие шапочки, благодаря которым машины компании могли узнать, о чем они думают. Сюэсюэ наблюдала за ними все время, пока шли занятия: долгие часы программирования, формирования блокирующих кодов и последовательностей символов. В случае достигнутого успеха вмонтированный в шапочку транскраниальный магнитный стимулятор вызывал у ученика приступ оргазмического наслаждения, а в случае медлительности или ошибки заставлял пережить адские муки. В классе не было никаких разговоров, только повторяющиеся крики боли и наслаждения.

Как правило, они были готовы через шесть недель: на бритых

головах оставались незаживающие ожоги, глаза постоянно были полузакрыты, а конечности подергивались, словно в быстром сне. После этого она одного за другим приводила к Божественному Доктору, обещая, что теперь они получат прививку бессмертия. Из палатки Доктора не возвращался никто. Вечером Сюэсюэ устанавливала сверхплотный канал связи со спутником компании и отправляла терабайты, собранные с молодых мозгов, новых гоголов, предназначенных для небесных ферм программного обеспечения.

После этого она позволяла себе ненадолго забыться с помощью дешевого рисового вина и наркотиков, а потом снова отправлялась в мир.

Десять лет работы на компанию, и она получит настоящее бессмертие для себя лично. Высококачественная закачка Моравеца, никаких разрывов в сознании, медленная хирургия по последовательной замене каждого нейрона искусственным имитатором: истинное перевоплощение в цифровое существо. Царство по ее собственному замыслу, на небесах.

Она говорила себе, что дело того стоит.

С новой группой рекрутов она прибыла на место в тот самый момент, когда с неба злобно жужжащим облаком налетели микробеспилотники Западного округа, сжигающие все вокруг. На мгновение ей показалось, что это правильно, и она стояла и смотрела, как умирают Врата. Затем ее охватил черный смертельный ужас, и она сделала то, что только и смогла: побежала в шатер Доктора.

Второе рождение в этой палатке до сих пор остается для нее тайной, она запомнила только океан ярко-красных уколов, зажимы на черепе и скрежет в ушах.

Сюэсюэ открывает глаза. Воспоминания стекают с нее потоком ледяной воды. Поль смотрит, не отводя широко раскрытых глаз.

— А что было потом? — шепотом спрашивает он.

— Долгое время ничего не было, — говорит она. — Вместе с миллиардами королевских гоголов меня привезли сюда. Я очнулась в состоянии Спокойной. Революция оказалась для меня благом. Мы действительно создавали нечто новое. Мы построили город без маленьких бессмертных. — Она переводит взгляд на робота. — Наверно, я до сих пор пытаюсь примириться с ними. Вряд ли это когда-нибудь удастся, но попытаться стоит. Понемногу.

— Возможно, — говорит Поль. Он улыбается ей, и на этот раз в его взгляде сквозит искренняя теплота. — Благодарю вас.

— Не стоит, — отвечает Сюэсюэ. — Я прихожу сюда каждую

неделю. Если решите остаться, приходите и вы.

— Спасибо, — говорит Поль. — Возможно, я так и сделаю.

Они сидят вдвоем и смотрят на робота. Ее улыбка понемногу возвращается. Она слышит дыхание молодого человека. Может быть, сегодня ей удастся побить свой рекорд.

6. Вор и Поль Сернин

— Время, немного времени, мисс, прошу вас…

— Я в третий раз должен стать Спокойным, я заплатил свои долги, помогите, пожалуйста…

— Я ремесленник, портной, вы можете дешево получить мой разум, он окупит затраты…

Миели отбивается от толпы выклянчивающих Время нищих. Кто-то из них совершенно наг, как и первый бродяга, другие ничем не отличаются от прохожих, но всех их отличает голодный, страждущий взгляд. Многие закрывают лица масками или капюшонами. Они толкают друг друга, чтобы приблизиться к ней, кольцо напирающих тел сжимается, и некоторые из ее наиболее автономных гоголов защиты уже начинают пробуждаться.

Я должна выбраться отсюда, пока не разрушила прикрытие.

Она отпихивает одного нищего, другого толкает плечом, и они валятся на землю, отчаянно барахтаясь. Она протискивается мимо. Кто-то из упавших хватает ее за ногу. Она падает. Локоть больно ударяется о мостовую. Горло сжимает чья-то рука. В ухо шипит хриплый голос.

— Отдай нам Время, или Воскресителям придется тебя восстанавливать, чужеземная сука.

— Помогите! — кричит Миели.

У нее темнеет в глазах, в висках стучит. Метамозг пробуждается, приглушает боль, замедляет время и начинает подключение остальных систем. Сейчас она легко сможет разбросать эту рвань, словно тряпичных кукол…

Поднимается ветер. Хватка на горле слабеет. Кто-то кричит, потом раздается удаляющийся топот ног. Она открывает глаза.

В воздухе над ней парит человек в черной одежде с серебряной отделкой и с тростью, безупречно отполированные подошвы зависли в двух метрах над землей. От него веет освежающим ветром, вокруг дрожит раскаленный воздух, чувствуется запах озона, сопутствующий боевому выбросу утилитарной пыли. *Этого здесь быть не должно*, мелькает в ее голове.

Руки, состоящие из жаркой мглы, прижимают к земле нищих в масках — это невидимые структуры из бесчисленного множества микросуществ, являющиеся продолжением конечностей одетого в черное человека. Остальные попрошайки стремительно убегают к границам агоры, где скрываются под пеленой гевулотов и мгновенно исчезают в толпе.

— Вы не пострадали? — спрашивает ее человек странным

скрипучим голосом.

Он опускается на землю рядом с Миели, и подошвы звонко цокают о мраморные плиты. Маска из полированного металла закрывает всю голову: Миели уверена, что это сфера из квантовых точек. Мужчина протягивает ей руку в белой перчатке. Миели принимает помощь и поднимается на ноги.

Наставник. Отлично.

База данных Соборности, которую она изучала во время поездки, содержала не слишком много информации о блюстителях порядка в Ублиетте. Их деятельность началась около двух десятков лет назад, и эти люди явно имеют доступ к технологиям за пределами Марса. Василевы — внедренные агенты Соборности, — сотрудничающие с гогол-пиратами, утверждают, что они имеют какое-то отношение к колонии зоку, появившейся на планете после Протокольной войны.

— Я в порядке, — говорит Миели. — Только немного испугана.

— *Вот это да,* — говорит «Перхонен». — *Кто это? Прекрасный принц на белом коне?*

— *Помолчи и выясни, как я сумела не нарушить маскировку*.

— Давайте уйдем с агоры, пока не появились журналисты, — предлагает наставник, предлагая Миели руку.

К ее удивлению, у нее немного дрожат ноги, поэтому она принимает помощь и позволяет увести себя в тень вишневых деревьев на шумном Устойчивом проспекте. Там очень людно — в основном туристы, наблюдавшие за происшествием, — но наставник делает жест рукой, и Миели понимает, что они оба скрываются под покровом уединения.

— Благодарю вас, — говорит она. — Журналисты?

— Да, они очень внимательно следят за агорами. И мы тоже. И нищие в поисках легкой добычи, как вы могли убедиться.

Движением трости он показывает на ее обидчиков, все еще лежащих на мостовой.

— И что с ними будет?

Наставник пожимает плечами.

— Это зависит от решения Голоса. Возможно, их ждет преждевременное или сверхсрочное состояние Спокойствия, но это грозит им в любом случае. — В его необычном голосе слышатся сердитые нотки. — Такова цена, которую мы платим за другие преимущества. — Затем он снимает шляпу и кланяется. — Прошу меня извинить. Джентльмен — таков мой псевдоним — к вашим услугам. Надеюсь, этот случай не слишком расстроил ваши планы на сегодняшний день.

— *Он флиртует с тобой,* — снова вмешивается

«Перхонен». — *Точно, флиртует.*

— *Ничего подобного. У него даже нет лица.*

Легкое покалывание подсказывает Миели, что наставник сканирует ее. Ничего такого, что могло бы проникнуть в ее камуфляж, но это очередное напоминание о том, что местные обитатели имеют в своем арсенале не только луки и стрелы.

— *У меня тоже нет лица, но это меня никогда не останавливало.*

— *Это неважно. Что мне теперь делать? Не могу же я прибегнуть к биотической связи с вором, когда он меня сканирует.*

— *Это же филантроп. Попроси его о помощи. Придерживайся своего прикрытия, глупышка. Постарайся быть любезной, хотя бы для разнообразия.*

Миели пытается улыбнуться и сообразить, что бы сказала личность, под обликом которой она скрывается — туристка из городка в астероидном поясе.

— Вы ведь полисмен, верно? Администратор?

— Что-то вроде того.

— Я потеряла своего приятеля, когда… они набросились. И теперь не знаю, где его искать.

Возможно, «Перхонен» права: не только вор способен прибегнуть к помощи прикладной социологии.

— А, понимаю. И вы не знаете, как послать ему сообщение через разделенную память? И вы не объединили гевулоты, чтобы дать знать, где вы находитесь? Конечно, нет. Это ужасно. Спокойные-таможенники строго следят, чтобы приезжие оставляли все продукты своих технологий, но не объясняют, как пользоваться нашими устройствами.

— Мы просто хотели осмотреть город, — говорит Миели. — Посетить Олимпийский Дворец, может, поохотиться на фобоев.

— Вот что мы можем сделать, — говорит Джентльмен. — Давайте просмотрим память агоры — вот так.

Ощущение необычное — словно отыскал слово, которое долго вертелось на языке. Миели вспоминает вид агоры с высоты, но необычайно подробно, вплоть до каждого лица в толпе. И отчетливо вспоминает убегающего с агоры вора.

— О! — восклицает Джентльмен, и тотчас поступает требование его гевулота забыть об этой реакции.

Она принимает его: метамозг все равно все сохранит. Миели отмечает факт для дальнейшего рассмотрения. *Любопытно.*

— Я могу немного нарушить правила, чтобы вам помочь. Мы, наставники, пользуемся некоторыми… особыми ресурсами. — Наставник отвинчивает набалдашник трости. Из отверстия, словно мыльный пузырь, выскакивает сгусток утилитарной пыли.

Он зависает в воздухе рядом с Миели и начинает светиться. — Этого будет достаточно. Просто следуйте за светлячком, и он приведет к вашему приятелю.

— Спасибо.

— Рад помочь. Постарайтесь избегать неприятностей.

Наставник притрагивается к полям шляпы, затем его окутывает дрожащий воздух, и Джентльмен поднимается в воздух.

— *Видишь? Это было не так уж и трудно,* — говорит «Перхонен».

— Простите, — говорю я. — Я не понимаю, о ком вы говорите.

Я блокирую запрос гевулота садовника. По крайней мере, я *думаю*, что блокирую. Интерфейс гевулота, предлагаемого гостям, не подразумевает всех тонкостей повседневного взаимодействия жителей Ублиетта, он рассчитан на простейшие действия: от полного разделения памяти до безупречного уединения. Я смутно помню ощущение настоящего уединения — то, что испытываю сейчас, можно сравнить лишь с монохромным зрением.

— Создатели твоего тела, вероятно, без ума от какого-то киногероя, — говорит садовник. — Ты похож на того парня, что приходит сюда со своей подружкой. Она тоже хорошенькая.

Я медленно спускаюсь с робота.

— Ладно, а что ты делал там, наверху? — озадаченно спрашивает он.

— Я только хотел получить более полное представление об игровой площадке, — отвечаю я. — Знаете, меня можно назвать настоящим любителем игр. — Я отряхиваю пыль с костюма. — Это вы ухаживаете за здешними цветами? Очень красиво.

— Да, я. — Он усмехается и засовывает большие пальцы рук под лямки комбинезона. — Годы работы. Это место всегда было популярным среди влюбленных. Я для этого слишком стар — несколько периодов Спокойствия напрочь выбивают подобные мысли, — но мне нравится заботиться об этом парке. Вы приезжий?

— Верно.

— Вам повезло; большинство туристов сюда просто не доходят. Вашей подружке здесь, похоже, тоже понравилось.

— О какой подружке… Ох.

В тени одного из больших роботов стоит Миели, над ее головой порхает светлячок.

— Привет, дорогой, — говорит она.

Я напрягаюсь, ожидая погружения в какой-нибудь ад. Но она только улыбается, хотя и очень холодно.

— Ты заблудилась? — спрашиваю я. — Я скучал.

Я подмигиваю садовнику.

— Я не прочь предоставить молодежи возможность уединиться. Удачного свидания, — говорит садовник и исчезает среди статуй, закрывшись гевулотом.

— Хочу напомнить, — говорит Миели, — что немного раньше ты предложил оставаться профессионалами.

— Я могу объяснить…

Я даже не замечаю летящей руки, только чувствую неожиданный удар в нос, точно рассчитанный на максимальную боль без перелома костей, и отскакиваю назад, к статуе. Затем следуют несколько пинков, которые заставляют меня стукаться о металл и опустошают легкие, а в солнечном сплетении зажигают настоящий пожар. И наконец, несильные толчки костяшек по скулам, завершающиеся хрустом в челюсти. Мое тело, выдерживая жестокие испытания, оставляет меня почти бездыханным и в состоянии некоторой отстраненности, как будто я наблюдаю за невероятно быстрыми движениями Миели со стороны.

— Вот что для меня значит быть профессионалом, — шипит она. — В моем оортианском кото[22] мы никогда не обращаем внимания на объяснения.

— Спасибо, — хриплю я, — что не нажала адову кнопку.

— Только потому, что ты что-то нашел. — Ее отстраненный взгляд говорит о том, что Миели просматривает недавние воспоминания, сохраненные в теле. — Давай-ка посмотрим.

Она протягивает руку. Я отдаю ей Часы, и Миели задумчиво подбрасывает их на руке.

— Хорошо. Вставай. Мы поговорим об этом позже. Осмотр достопримечательностей закончен.

— Я знаю, что ты намерен их украсть, — говорит она, как только мы садимся в паукэб, чтобы добраться до отеля.

Как только суставчатые ноги похожего на коляску экипажа распрямляются и несут нас по крышам Лабиринта, становится ясно, что поездка ей нравится.

— Вот как?

— Да. Теперь я умею распознавать эти сигналы. Ты дважды ловил меня своими приемами карманника, но больше не выйдет.

— Извини, это рефлекс. Что-то вроде проверки сил, — говорю я, потирая разбитое лицо. — Сколько времени необходимо этому телу, чтобы исцелиться?

— Столько, сколько захочу я. — Она откидывается назад. — Так что же это такое? Что такое воровство?

Это… *это инстинкт*, хочется мне сказать. *Это сродни*

любовной игре. Это больше, чем я. Это искусство. Но она все равно не поймет, и я повторяю старую шутку.

— Это вроде заботы о чужой собственности. Я превращаю эту собственность в свою, чтобы о ней позаботиться.

После этого она умолкает и смотрит на проносящиеся мимо пейзажи.

Наш отель занимает массивное здание поблизости от причала планеров, где мы вышли из станции Бинстока. Мы занимаем несколько больших, времязатратных комнат почти на самом верху здания, обставленных не слишком пышно, на мой вкус — строгие линии и стеклянные поверхности, — но здесь, по крайней мере, имеется фабрикатор, и я могу переменить одежду.

Хотя такой возможности мне не предоставляется. Она указывает мне на небольшой столик и кресло перед балконом.

— Садись. — Миели кладет передо мной Часы. — Рассказывай. Что, черт побери, произошло на агоре?

Она сжимает и разжимает пальцы. Я сглатываю.

— Ладно. Я видел себя.

Она приподнимает брови.

— Это не было еще одним воспоминанием, не так, как на корабле. Возможно, это было сконструировано при помощи гевулота, и кто-то тоже мог все наблюдать. Он привел меня в парк. Отсюда следует, что мы чего-то достигли.

— Может быть. А тебе не приходило в голову и меня в это посвятить? Имеется какая-то причина, по которой я могла бы выпустить тебя из виду? Или мне пора рекомендовать своему нанимателю сбросить шелковые перчатки и перейти к более… настойчивому воздействию на твой мозг?

— Это случилось… неожиданно. — Я перевожу взгляд на Часы. Свет играет на их поверхности, и я снова замечаю какую-то гравировку. — Мне казалось, что это слишком… личное дело.

Она обхватывает мое лицо невероятно сильными пальцами и поворачивает его вверх. Сердитые зеленые глаза смотрят на меня не мигая.

— Пока мы вместе над этим работаем, никаких личных дел быть не может. Понятно? Если мне потребуется, ты расскажешь мне обо всех своих детских воспоминаниях, обо всех сексуальных фантазиях, обо всех подростковых разочарованиях. Тебе все ясно?

— Хотелось бы мне знать, — медленно и осторожно начинаю я, — может ли что-то повлиять на твой профессионализм? И я бы хотел отметить, что это не я напортачил при выходе из Тюрьмы. Я как раз тот, кто вытащил нас из той ситуации.

Она отпускает мою голову и некоторое время просто смотрит в окно. Я встаю и получаю из фабрикатора порцию коньяка

времен Королевства, но ей не предлагаю. Затем снова исследую Часы. В сетке семь на семь клеток расположены знаки Зодиака — Марс, Венера и другие символы, которые мне неизвестны. А снизу рукописная надпись: *С любовью, Полю от Раймонды*. И опять это слово, — «Тимберниль», выписанное каллиграфическим почерком.

Я обращаюсь к «Перхонен»:

— *Ты не могла бы на это взглянуть? Поговори со мной, не надо драться*.

— *Нет необходимости тебя бить*, — отвечает корабль. — *У меня есть лазеры. Посмотрим, что я смогу выяснить*.

В голосе слышится непривычная напряженность, но это меня не удивляет. Я пытаюсь убедить самого себя, что мое лицо вспыхнуло исключительно из-за коньяка.

— Хорошо, — говорит Миели. — Давай поговорим об этой вещице, которую ты украл.

— Нашел.

— Как тебе угодно. — Она берет Часы. — Расскажи мне о них. Имеющиеся у меня данные об Ублиетте безнадежно устарели.

У нее абсолютно бесцветный голос. Какая-то часть меня хотела бы взломать этот ледяной слой, несмотря на очевидную опасность, и посмотреть, насколько он глубок.

— Это Часы. Прибор, который хранит Время в виде квантового счета — исключающий возможность подделок и копирования квантовый счет оставшейся жизни граждан Ублиетта в нормальном человеческом теле. И еще обеспечивает личный канал связи с экзопамятью. Прибор сугубо индивидуальный.

— И ты считаешь, что Часы принадлежали тебе? В них может быть то, что мы ищем?

— Возможно. Но мы кое-что упустили. Сами по себе Часы не представляют никакой ценности, если в голове нет открытого ключа — гевулота.

Она постукивает по Часам кончиком пальца.

— Понятно.

— Вот как это работает. В экзопамяти хранится информация — вся информация, — имеющаяся в Ублиетте: условия, чувства, мысли, абсолютно все. Гевулот в реальном времени обеспечивает доступ определенной личности к определенным разделам. Это не просто пара персонального и общедоступного ключей, это безумная гнездовая шкала, древовидный дешифратор, где каждая ветвь может быть открыта только при наличии корневого узла. При встрече с кем-либо ты заключаешь соглашение о том, какими данными обмениваться, что рассказать о себе и что оставить в памяти.

— Звучит довольно запутанно.

— Так и есть на самом деле. У марсиан для этого существует специальный орган. — Я стучу себя по голове. — Чувство конфиденциальности. Они безошибочно ощущают, чем делятся с другими, что относится к личной сфере, а что нет. Еще они осуществляют так называемое разделение памяти — делятся воспоминаниями с другими путем передачи соответствующего ключа. Мы получили детскую версию. Гостям предоставляют частицу экзопамяти и вполне определенный интерфейс к ней. Но всех тонкостей оценить нам не дано.

— А *почему* они так поступают?

Я пожимаю плечами.

— В основном это обусловлено историческими причинами, хотя о том, что произошло здесь после Коллапса, известно не слишком много. Самая распространенная версия гласит, что *некто* в ходе реализации частного проекта по терраформированию привез сюда миллиард гоголов и провозгласил себя Королем. Пока гоголы не взбунтовались. Так или иначе, действующая система гевулотов является одной из причин, по которой Соборность до сих пор не сумела поглотить и это место тоже. Расшифровывать все коды — слишком хлопотное занятие.

— *Эй, вы, двое,* — вмешивается «Перхонен». — *Извините, что задержалась, но я не хотела вас прерывать. Символы относятся к области астрологии. Точно такая же последовательность существует только в одном источнике — В «Театре Памяти» Джулио Камилло. Это оккультная система эпохи Возрождения. Тимбернильо — это замок во Франции. Вот детали.*

«Перхонен» пересылает по нашему нейтринному каналу спайм. Миели просматривает его и оставляет висеть в воздухе между нами.

— Прекрасно, — говорит она. — И что же все это означает?

— Представления не имею, — хмуро отвечаю я. — Я думаю, все, что нам необходимо, заключено в моей старой экзопамяти. Осталось только придумать, как до нее добраться. Кажется, мне снова надо стать Полем Сернином, кем бы он ни был.

Я наливаю себе еще порцию коньяка.

— И где же, по-твоему, осталось твое бывшее тело? Или он — ты, — уезжая, взял его с собой? И какой смысл в этих значках?

— Все может быть. Что касается символов, я не могу сказать, но у меня всегда имелась склонность к театральности. Сейчас, глядя на них, мне ничего не приходит в голову.

Мое прежнее «я» действует мне на нервы. *Зачем, черт побери, все так усложнять?* Но ответ очевиден: чтобы тайна осталась

тайной. А хранить секреты среди секретов — это наилучший метод.

— А нельзя ли попытаться через Часы получить доступ к твоей памяти при помощи грубой силы? Мы могли использовать «Перхонен»…

— Нет. Здешние обитатели достигли совершенства в трех областях: в изготовлении шоколада, виноделии и криптографии. Но, — я поднимаю указательный палец, — гевулот можно *украсть*. Система слишком сложна, чтобы быть безупречной, и иногда можно получить целый каскад ключей, если кто-то поделится с тобой нужными сведениями в нужный момент времени. Прикладная социология, если можно так выразиться.

— У тебя все и всегда сводится к краже?

— Что я могу сказать? Это одержимость. — Я морщу лоб. — Я даже знаю, с чего начать: у меня здесь был близкий человек. Но сначала необходимо получить некоторые инструменты для взлома гевулотов. А пытаться воспользоваться тем примитивным гевулотом, что нам выдали, все равно что в темноте взламывать замок при помощи кирпича. Я думаю, тебе пора связаться со своим нанимателем, чтобы он свел нас с какими-нибудь гоголь-пиратами.

— Что дало тебе повод считать, будто…

— Ой, брось. Твой наниматель из Соборности, это ясно как день. Возможно, какой-нибудь могущественный копи-клан, решивший свести счеты с Основателями. Он-оно-они — не знаю, какое местоимение употребляется в эти дни, — обязательно имеет контакт со здешними пиратами. Соборность — их основной покупатель. — Я вздыхаю. — Никогда не обращал на них особого внимания. Но, если хочешь выкопать клад, нельзя не испачкать руки.

Она складывает руки на груди.

— Ладно, — говорит она. — Хочу заметить — хотя и совершенно напрасно, как мне кажется, — что с твоей стороны не слишком мудро и безопасно задавать вопросы и строить предположения о нашем общем… благодетеле. — Последнее слово прозвучало с едва заметным оттенком иронии. — В любом случае, нам предстоит сделать три вещи. Первое: выяснить, почему ты оставил Часы для самого себя. Второе: попытаться отыскать твой старый труп. Третье: попытаться наладить контакт с теми немногими людьми на этой планете, у которых совести еще меньше, чем у тебя.

Она поднимается.

— Я посмотрю, что можно предпринять по третьему пункту. Тем временем ты и «Перхонен» будете работать над первым

вопросом, а второй пункт оставим до тех пор, пока не получим дополнительную информацию. И не забудь помыться.

Она поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди. Послушай, я прошу прощения за то, что сбежал. Просто сработал рефлекс. Я не забыл о своем долге. Ты должна понять, что все это немного странно.

Миели оборачивается, смотрит на меня с циничной усмешкой, но ничего не говорит.

— В моей профессии очень важно не оглядываться в прошлое. Если мы продолжаем работать вместе, я надеюсь, что и ты тоже не будешь этого делать. — Я улыбаюсь. — Я прошу прощения далеко не у каждого. И не каждому даю себя поймать. Так что считай, что тебе повезло.

— А тебе известно, — говорит Миели, — как поступают с ворами там, откуда я пришла? — Она улыбается. — Мы наполняем их легкие синтбиосмесью, поддерживающей жизнь. А потом выбрасываем наружу. У них лопаются глаза и вскипает кровь. Но они живут еще несколько часов. — Она берет со стола мой бокал и направляется к двери. — Так что считай, что тебе повезло.

Гнев придает Миели странную бодрость. Гнев по отношению к вору рождает чистое искреннее чувство. Долгое время ей приходилось сдерживать и скрывать свою ярость, но теперь она уместна и эффективна. Она глубоко дышит и шагает по своей комнате, почти наслаждаясь борьбой против силы притяжения. Затем допивает остатки коньяка из бокала вора. Прекрасный контраст ее чувствам — резкость, превращающаяся в теплоту. Ощущение вины появляется незамедлительно. *Я опять разрешаю ему подобраться к себе. Мерзавец.*

Она оставляет бокал в воздухе и не может сдержать проклятье, когда тот падает на пол. Комната ее раздражает: слишком невыразительная, а тяжесть напоминает о Тюрьме. Хорошо хоть имеется слабый аромат роз.

— Он теперь долго будет думать о вакуумной казни, — говорит «Перхонен». *— Отличный ход.*

Я не хотела давать ему повод считать меня какой-то жестокой дикаркой. А он обязательно так подумает. — Миели отставляет бокал. *— А теперь прошу немного тишины. Я должна поговорить с Пеллегрини.*

Ты уверена, что все будет в порядке?

Я ведь уже делала это раньше, неужели не помнишь? Ради встречи с этой сукой мы пришли к Венере с другого края Системы. Думаю, я смогу мысленно совершить это небольшое путешествие.

— Давай, девочка. После этого «Перхонен» умолкает.

Миели ложится на кровать, закрывает глаза и представляет храм. Он стоит в тени гор Кунапипи[23] — щитовидного вулкана, поднимающегося из базальтового плато. Поверхность скалы покрыта тонким слоем свинца и теллура, осевшего из металлических испарений, что поднимаются из каньонов и трещин, где температура доходит до семисот градусов по шкале Кельвина.

Храм представляет собой каменную тень, проекцию многомерного объекта со странной геометрией: черные коридоры, по которым она идет, неожиданно выходят в обширные пустоты, под самыми невероятными углами пересекаемые каменными мостиками. Но она и раньше бывала в этом лабиринте и безошибочно следует по указателям в виде металлических цветков.

В центре имеется ось, маленькая пойманная в ловушку сингулярность, парящая в цилиндрическом углублении, словно подвешенная падающая звезда. Здесь и живет богиня. Даже сейчас Миели помнит, как чувствовала себя в конце путешествия в физическом мире — в тяжелом ку-скафандре, придавленная непомерной тяжестью гравитации, с горящими от усталости руками и ногами.

— Миели, — говорит богиня. — Рада видеть тебя здесь. — Странно, но здесь она выглядит более человечной, чем в тех случаях, когда является по собственной воле. Видны очертания ее лица и шеи и уголки глаз. — Дай-ка посмотреть, где ты находишься. А, Марс. Ну конечно. Марс мне всегда нравился. Я думаю, мы где-нибудь сохраним это местечко, когда Великая Всеобщая Цель будет достигнута.

Она отводит прядь волос со лба Миели.

— Знаешь, мне нравится, когда вы приходите сюда не только для того, чтобы о чем-то попросить. Я нахожу время для каждого, кто мне служит. А почему бы и нет? Ведь я множество.

— Я допустила ошибку, — говорит Миели. — Я позволила вору ускользнуть от меня. Я была невнимательна. Это больше не повторится.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Давай посмотрим твою память. Ага. Но ведь ты снова его отыскала? И добилась успеха? Дитя мое, тебе необязательно приходить ко мне, чтобы облегчить душу после каждой мелкой неудачи или задержки на пути. Я тебе доверяю. Ты всегда хорошо мне служила. А теперь скажи, что тебе нужно?

— Вор хочет получить средства для кражи того, что они там называют гевулотом. Он считает, что на Марсе есть агенты Соборности, и хочет установить с ними контакты.

Пеллегрини на мгновение останавливает взгляд на яркой точке оси.

— Довольно несложный запрос при нормальных обстоятельствах. Они бы беспрекословно подчинились при виде моей печати. Но я не могу иметь отношение к вашей миссии. По крайней мере, напрямую. Я могу снабдить вас информацией и координатами, но все переговоры тебе придется вести самой. Это василевы, они способны доставить немало хлопот. Такие хорошенькие мальчики, и они это знают.

— Я понимаю.

— Это несущественно. Я перешлю все, что тебе требуется, на этот твой маленький симпатичный корабль. Твои успехи меня радуют, не беспокойся о мелких неудачах.

Миели непроизвольно сглатывает, и у нее вырывается вопрос.

— Меня накажут?

— О чем ты? Нет, конечно.

— Но почему мне приходится применять к вору такие деликатные методы? На войне воины-разумы взяли бы пленных и раскопали бы в их мозгах все мельчайшие подробности. Разве вор какой-то особенный?

— Нет, — говорит Пеллегрини. — Но будет особенным.

— Я не понимаю.

— Ты и не должна понимать. Поверь, тебе поручили эту миссию после тщательного отбора. Продолжай работать, и скоро я и твоя подруга увидим тебя здесь во плоти.

После этого Миели вновь оказывается в своей пахнущей розами комнате. Она медленно поднимается и фабрикует себе еще порцию коньяка.

В отсутствие Миели «Перхонен» и я исследуем Часы. Вернее, это делает она, я только исполняю роль ее рук. Похоже, что Миели предоставила кораблю определенную степень доступа к этой функции тела. Странное возникает ощущение, когда я держу Часы в руках, а из моих пальцев в механизм тянутся тончайшие щупальца из ку-точек.

— Эти мне всегда нравились, — говорю я вслух. — Часы. Такое сложное сочетание излучателей и механики. Большие и маленькие. Красивые.

— *Гм. Поднеси их ближе к своему глазу*.

Пока «Перхонен» занимается анализом, я бегло просматриваю в экзопамяти сведения о дворцах памяти[24] и возникающую при этом головную боль глушу выпивкой.

— Знаешь, я наверно, из ума выжил. Дворцы памяти?

— *Тщательно разработанная система хранения информации, основанная на воздействии на мозг впечатляющих мест и образов.*

Вымышленные координаты мест, где могут храниться символы, отображающие воспоминания. Использовались греческими ораторами, средневековыми учеными и оккультистами эпохи Возрождения.

В раздражении я дергаю Часы.

— Знаешь, я был склонен думать, что смысл что-то здесь прятать заключался в том, чтобы *я* впоследствии это нашел. Получается, что я как будто сам не желаю ничего отыскивать.

— *Не дергайся.*

— Я ничего не могу найти по Полю Сернину. Никаких сведений в экзопамяти. И не могу сказать, чтобы меня это удивляло. Остается только гадать, чем я занимался на Марсе, кроме свиданий с этой Раймондой.

— *Наверно, что-то крал.*

— Мне нравится это местечко, но в свете моей прошлой карьеры оно не представляет особого интереса. Здесь нечего красть. А гогол-пиратством я бы заниматься не стал.

— *Ты уверен? Теперь положи Часы на стол.*

— Конечно, уверен. А тебя-то что беспокоит?

Корабль вздыхает, издавая странный нереальный звук.

— *Ты. Ты, может, и считаешь себя неотразимым, но мою подругу ты сильно огорчаешь. Секреты и взломы тюремных замков не по ее части. Ее даже нельзя считать воином. По крайней мере, настоящим воином.*

— Так почему она этим занимается? Служит Соборности?

— *А почему кто-то готов на все? Ради кого-то. Не задавай так много вопросов, я пытаюсь сосредоточиться. Ионные ловушки в этих устройствах — весьма деликатные штучки.*

— Ладно. Чем быстрее мы с этим разделаемся, тем быстрее сможем заняться более крупными и приятными вещами.

Я ощупываю предмет руками. Буквы в слове «Тимберниль» слегка выступают. Ага. И внезапно появляется ассоциация. Когда я приходил в себя, видел во сне книгу о воре-цветке. И заголовок. «Шерлок Холмс приходит слишком поздно». Потайной ход, открываемый…

Я кончиком пальца трогаю букву H. После легкого нажатия она поворачивается. То же самое происходит с буквами R и L. Крышка Часов поднимается. Внутри снимок мужчины и женщины. Мужчина — это я, только молодой, черноволосый, улыбающийся. У женщины рыжевато-каштановые волосы и россыпь веснушек на носу.

— Ну привет, Раймонда, — говорю я.

7. Сыщик и его отец

Утром Исидор щурится на яркий свет Фобоса. Во рту скверный привкус, голова трещит. На мгновение он прячет лицо в волосах Пиксил, наслаждаясь ее теплом. Затем заставляет себя снова открыть глаза и осторожно высвобождает руку из-под ее плеча.

Утром зал выглядит совершенно иначе. Стены и другие поверхности пропускают внутрь рассеянный свет, и вдали ему удается разглядеть красноватую линию края кратера Эллады. Ему кажется, что он проснулся вне помещения, в каком-то странном геометрическом лесу.

Предыдущая ночь представляется беспорядочной чередой отрывочных картин, и он инстинктивно обращается к экзопамяти, чтобы все вспомнить, но здесь, конечно же, натыкается на белую стену.

Он смотрит на лицо спящей Пиксил. Губы изогнуты в полуулыбке, веки подрагивают. Камень зоку мерцает в утреннем свете на ее оливковой коже у основания шеи.

— Что же, черт побери, я делаю? Она права, это просто игра.

Поиски одежды в груде тряпья занимают некоторое время, и он едва не надевает панталоны вместо своих брюк. Пиксил все это время дышит ровно и не просыпается, даже когда он осторожно отходит.

При дневном освещении нагромождение кубов образует сложный комплекс, и трудно сказать, где расположен выход, несмотря на обостренное чувство направления, отточенное жизнью в Лабиринте. Бездействие гевулота сбивает Исидора с толку, и на обнаруженный выход он смотрит с нескрываемым облегчением. *Должно быть, здесь*. Серебристая арка, безупречный полукруг с филигранной чеканкой по краю. Он набирает в грудь побольше воздуха и шагает вперед. Ощущение разрыва реальности сегодня еще сильнее…

— Еще вина, мой господин?

…и он оказывается в огромном бальном зале, который не может быть не чем иным, как Королевским залом в Олимпийском Дворце. Рабыни-гоголы, мерцающие драгоценностями, немыслимым образом изгибаются на высоких шестах, демонстрируя медленный танец механической акробатики. Автоматический слуга в красной ливрее протягивает похожей на клешню рукой бокал вина. Исидор с облегчением отмечает, что на нем наряд марсианской знати — легкая накидка поверх темного камзола из ку-ткани и меч. Вокруг него повсюду люди в

еще более вычурных нарядах, все залито светом Фобоса, падающего из огромного окна с видом на склоны Олимпа. Высоко над головами купол потолка напоминает золотистое небо.

Все выглядит вполне реально, и ошеломленный Исидор молча принимает предложенный бокал.

— Не желаете потанцевать?

Высокая женщина в венецианской маске, чьи пышные формы с трудом сдерживают усыпанные драгоценными камнями полоски ткани, а кожа отливает красноватым золотом, протягивает ему руку. Все еще страдающий от головокружения, Исидор позволяет увести себя на свободное пространство в центре зала, где многорукий гогол играет невероятно красивые мелодии на медных флейтах. Она легко движется, приподнявшись на цыпочки, и повинуется его руке, словно перо на бумаге, его рука уютно устроилась на плавном изгибе ее бедра.

— Я хочу заставить своего мужа ревновать, — шепчет она, обдавая его ароматом экзотического вина.

— А кто ваш муж?

— Вон он, на помосте.

При очередном развороте Исидор поднимает голову. А там, конечно же, стоит марсианский Король — смеющийся, в белом с золотом костюме, окруженный толпой почитателей и придворных. Он поворачивается к краснокожей женщине, чтобы сказать, что ему уже надо уходить, как вдруг все замирает.

— Что ты делаешь? — спрашивает Пиксил.

Она смотрит на него, сложив руки на груди, выглядит вполне проснувшейся и уже одета в повседневный простой наряд зоку.

— Танцую, — говорит он и отодвигается от краснокожей женщины, превратившейся в статую.

— Глупый мальчишка.

— Что это за место?

— Фрагмент старого Королевства. Я думаю, это Дратдор собрал те экспонаты. Он у нас романтик. — Пиксил пожимает плечами. — Не в моем вкусе. — Она взмахивает рукой, и серебряная арка возникает за ее спиной. — Я шла приготовить тебе завтрак. Все зоку еще спят.

— Я не хотел тебя будить.

Разрыв реальности на этот раз приносит ему облегчение, возвращая Исидора в окружающий мир, к некоторому подобию нормальности.

— Ладно. Так в чем дело? Хотел ускользнуть тайком после такой ночи?

Он ничего не отвечает, но стыд скользит по спине, оставляя холодные следы, а он даже не до конца понимает его причину.

— Это все наставник, — наконец говорит он. — Я должен все обдумать. Я пошлю тебе кват-сообщение. — Он оглядывается вокруг. — Как мне отсюда выбраться?

— Ты и сам это знаешь, — говорит Пиксил. — Тебе надо только *захотеть*. Обязательно свяжись со мной.

Она посылает ему воздушный поцелуй, но в глазах блестит разочарование.

Еще один разрыв реальности, и он стоит за пределами колонии и моргает от яркого дневного света.

Исидор снова берет паукэб до окраины Лабиринта, но на этот раз просит водителя не торопиться. В животе что-то бурлит; какие бы древние химические вещества ни входили в состав напитков Старейшин, марсианские тела явно не предназначены для их усваивания.

Кэб сворачивает с Пыльного проспекта, и Исидор испытывает грандиозное облегчение. В мозгу возникает легкое жужжание гевулота, окружающие предметы вновь обретают привычную структуру. Это не просто неземная геометрия, а камень, дерево и металл.

Он завтракает в маленьком угловом кафе, украшенном изображениями драконов, и прогоняет слабость чашкой кофе и небольшой порцией китайского риса. Но чувство вины не исчезает.

А затем он замечает газету. Пожилой джентльмен в жилете и с Часами на бронзовой цепочке за соседним столиком читает «Вестник Ареса».

Заголовок на странице кричит: «Помощник наставника веселится». Дрожащим голосом он заказывает у своего столика копию, и ее тотчас приносит официант. Это действительно он на движущейся по бумаге картинке, и он рассказывает обо всем: о шоколадном деле и о Пиксил.

«Мы уже долгое время пользуемся защитой одетых в маски энергичных мужчин и женщин, наставников, и те, кто следит за нашими публикациями, знают, что в особо трудных случаях им тоже требуется помощь. Мы надеемся, что нет необходимости напоминать читателям о пропаже города Скиапарелли или об исчезновении возлюбленного мадемуазель Линдгрен, в расследовании которых ключевую роль сыграла персона, до сих пор никому неизвестная. Этот человек, описываемый как «приятный юноша», в нескольких случаях работал с Джентльменом и разгадывал загадки, которые ставили в тупик наставника.

Теперь «Вестник» может открыть, что этот таинственный герой не кто иной, как Исидор Ботреле, студент-архитектор

десяти лет. Мистер Ботреле дал вашему покорному слуге невероятно исчерпывающее интервью вчера вечером на утонченном праздновании в Пыльном районе. Юный детектив был приглашен туда молодой леди, с которой его уже некоторое время связывают романтические узы…».

А вот и снимки: его черно-белый портрет с открытым ртом на вечеринке зоку. Он выглядит бледным, с безумным взглядом и растрепанными волосами. Сознание того, что посторонние люди, для которых он не открывал гевулота, теперь знают, кто он и чем занимается, вызывает раздражение на коже, словно грязь. Джентльмен за соседним столиком теперь пристально присматривается к нему. Исидор поспешно расплачивается, закрывается пеленой уединения и отправляется домой.

Вместе с еще одной студенткой по имени Лин он снимает квартиру в старой башне на краю Лабиринта. У них пять комнат на двух уровнях, обставленных, по большей части, случайной недолговечной мебелью, с отслаивающимися обоями, меняющими рисунок в зависимости от настроения жильцов. Как только он входит, по стенам пробегает рябь, и на обоях возникает эшеровский[25] узор из переплетающихся черно-белых птиц.

Исидор принимает душ и варит себе еще порцию кофе. На кухне — с высоким потолком, фабрикатором и шатким столом — имеется большое окно с видом на крыши Лабиринта и закатные лучи, пробивающиеся между зданиями. Некоторое время он сидит у окна и пытается собраться с мыслями. Лин тоже работает — ее аниматронные фигурки опять разбросаны на кухонном столе. Но сама она, по крайней мере достаточно вежлива, чтобы скрываться под покровом гевулота.

У него достаточно воспоминаний, привязывающих его подсознание к статье в «Вестнике», словно головная боль. Он хотел бы забыть об этом раз и навсегда. Хорошо хоть разговор с репортером не сохранился в экзопамяти, и нельзя бесконечно возвращаться к нему, словно язык к больному зубу. Спасибо и на этом. И еще наставник. Не думать о нем еще труднее.

От Лин поступает гевулот-запрос. Исидор нехотя принимает его и позволяет своей соседке по квартире себя увидеть.

— Ис? — спрашивает она.

Она изучает традиционную анимацию и приехала из провинциального городка в долине Нанеди. На ее круглом лице выражение сочувствия, а на волосах — пятна краски.

— Да?

— Я видела газету. Я не имела представления, что ты принимал участие во всех этих делах. В Скиапарелли у меня жил кузен.

Исидор не отвечает. Он смотрит на ее озабоченное лицо и размышляет, сможет ли он разгадать, что оно означает, но затем решает, что это бессмысленно.

— Нет, правда, я даже не догадывалась. Но мне все равно жаль, что так получилось с газетой. — Она садится за стол напротив него и наклоняется вперед. — Ты в порядке?

— Все отлично, — говорит он. — Мне надо заниматься.

— Хорошо. Дай мне знать, если захочешь вечером пойти куда-нибудь выпить.

— Вряд ли.

— Ладно. — Она берет со стола какую-то вещь, завернутую в ткань. — Знаешь, вчера я думала о тебе и сделала вот это. — Она протягивает ему сверток. — Ты так много времени бываешь один. Думаю, компания тебе не помешает.

Он медленно разворачивает ткань. Внутри оказывается странное карикатурное существо зеленого цвета, состоящее из головы, больших глаз и щупалец величиной с его кулак. При малейшем надавливании оно начинает двигаться. От него слабо пахнет воском. В больших белых глазах черные точки-зрачки.

— Я нашла эту старую модель робота и поместила в нее синтбио-мозг. Можешь сам дать ему имя. И дай мне знать, если захочешь выпить.

— Спасибо, — говорит он. — Мне нравится. Правда.

Неужели мне не остается ничего другого, кроме жалости и бессмысленной благодарности?

— Не слишком усердствуй в занятиях.

После этого она снова скрывается за стеной своего гевулота.

В своей комнате Исидор сажает куклу на пол и начинает размышлять о влиянии стиля Хэйан Кё[26] на архитектуру Королевства. Ему легче сосредоточиться в окружении собственных вещей — пары старых статуэток отца, книг и громоздкого недолговечного принтера. На полу и на столе стоят трехмерные наброски зданий, как воображаемые, так и реальные, и самой значительной является модель Храма Ареса. Зеленое существо прячется за ним.

Умный ход, дружок. Вокруг нас большой и скверный мир.

Многих его друзей-студентов раздражает необходимость учиться. Но экзопамять, какой бы ни была совершенной, дает только поверхностные представления по теме. Глубокие знания до сих пор требуют не менее десяти тысяч часов работы по каждому отдельному предмету. Исидор не возражает: в спокойный день он способен на долгие часы погружаться в царство безупречных форм и ощупывать пальцами каждую деталь моделей, изготовленных из недолговечной материи.

Он выбирает текст о секте тэндаи[27] и дворце Дайдайри[28] и начинает читать, ожидая, когда исчезнет окружающий его современный мир.

Милый, как ты? Кват-послание Пиксил заставляет его вздрогнуть. Сообщение приходит вместе с разрядом эйфорической радости. **Отличные новости. Все считают тебя чудесным. И хотят видеть снова. Я говорила с матерью, и мне кажется, ты просто параноик…**

Он сдергивает с пальца кольцо сцепления и швыряет его на пол. Кольцо рикошетом попадает в модель марсианского здания. Зеленое чудовище отскакивает и прячется под кроватью. При этом оно задевает модель храма. Часть здания рассыпается в инертный порошок, и в воздух поднимается белая пыль. Исидор продолжает громить модели, пока весь пол не покрывается слоем пыли и обломков.

Некоторое время он сидит над руинами и пытается сообразить, как мысленно восстановить здания, но не может сосредоточиться, и ему кажется, что ни один обломок не подходит к другому.

На следующий день наступает Сол Мартиус, и Исидор, как всегда, отправляется проведать отца в земле мертвых.

Вместе с другими скорбящими он в молчании, потирая воспаленные от бессонной ночи глаза, спускается по длинной извилистой лестнице Опрокинутой Башни. Башня свисает из чрева города наподобие хрустального соска. На всем пути они видят тень города и медленные ритмичные движения его ног. Над ними в процессе оптимизации и перераспределения тяжести на каждом шагу перемещаются и стыкуются городские платформы. Повсюду заметен налет оранжевой пыли. Свет Фобоса — бывшей луны, превращенной в звезду путем помещения внутрь квантовой черной дыры — придает миру таинственный сумеречный вид.

Скорбящих в это утро немного. Исидор идет вслед за чернокожим мужчиной, сгибающимся под тяжестью мягкого скафандра.

Время от времени они проходят мимо платформ, заполненных молчаливыми Воскресителями, чьи лица закрыты масками. Движения Спокойных внизу скрыты облаками пыли, но противофобойные стены уже видны. Защитные барьеры простираются до самого горизонта, указывая запланированный маршрут города. Позади остаются следы новой жизни — цветные мазки синтбиополей и техника терраформирования. Подобно своим братьям и сестрам, город старается снова окрасить Марс в зеленый цвет. Но потом всегда приходят фобои.

У основания башни их ждут подъемники. Воскресители

снабжают каждого путевым светлячком и строгим наказом вернуть его к полудню. Один из них помогает Исидору облачиться в скафандр, изготовленный в Ублиетте из современного программируемого материала, но с множеством дизайнерских деталей из бронзы и кожи, что придает ему сходство с древним водолазным костюмом. Перчатки настолько неуклюжие, что ему с трудом удается держать принесенный с собой букет цветов. Через воздушный шлюз они грузятся в подъемник — обычная платформа, подвешенная на нановолокнистых нитях, — и спускаются сквозь пелену оранжевого тумана, раскачиваясь из стороны в сторону в такт движениям города. Наконец они оказываются на поверхности — медленно движущиеся фигуры в похожих на колокола шлемах, следующие каждый за своим светлячком.

Невероятная громада города маячит наверху подобно второму, более тяжелому небу, пересекаемому трещинами и прорехами в местах соединения платформ. Отдельные части медленно двигаются и поворачиваются, словно гигантский часовой механизм. Городские ноги — целый лес многосуставчатых опор — кажутся отсюда слишком хрупкими для такой тяжести. Мысль о падающем городе заставляет Исидора невольно поежиться, и он решает полностью сосредоточить внимание на светлячке.

Песок под ногами уплотнился под опорами и гусеницами Спокойных. Здесь они видны повсюду — совсем крошечные, разбегающиеся из-под его ног, как будто он сам — это гигантский город, пересекающий их путь. Есть терраформирующие Спокойные: они выше нормального человека, перемещаются группами и работают с окаменевшими водорослями и реголитом. Атлас-Спокойный проходит мимо, заставляя почву вздрагивать под ногами. Это гусеничная машина с шестью манипуляторами, огромная, как небоскреб, следит за балансом городских ног и безопасностью площадки при следующем шаге. Вдали можно разглядеть фабрику воздуха, которая и сама словно небольшой город, установленный на гусеницы, и вокруг рой летающих Спокойных. Но светлячок не позволяет ему задерживаться. Он заставляет Исидора быстрым шагом пересекать тень города и направляет прямо к отцу, помогающему строить укрепления для защиты от фобоев.

Рост отца теперь около десяти метров, и у него длинное, как у насекомого, туловище. Он со скрежетом вгрызается в марсианский реголит, пропускает раздробленный камень через химический процессор, где порода смешивается с синтбиобактериями, и получает строительный материал для

стены. Дюжина конечностей — тонких и проворных — направляет поток материала из похожего на клюв рта и слой за слоем выкладывают стену. Его панцирь поблескивает металлом, но в оранжевом свете кажется покрытым ржавчиной. На боку видны прореха и торчащий из нее зачаток конечности — память о недавней стычке с фобоями.

Он работает бок о бок с сотней других Спокойных; время от времени они карабкаются друг на друга, чтобы увеличить высоту стены. Но участок стены его отца отличается от других. Он покрыт рисунками и барельефами. Бóльшую часть сразу же уничтожают Спокойные-механики, устанавливающие на стене оружие. Но отцу Исидора, похоже, все равно.

— Отец, — окликает его Исидор.

Спокойный прерывает свою работу и медленно поворачивается к Исидору.

Металлический панцирь, остывая, издает звонкие щелчки и стоны. Исидора охватывает привычный страх, сознание того, что в один из дней ему самому предстоит оказаться внутри такого же тела. Отец нависает над ним в оранжевой пыли, словно подрубленное дерево, механизмы его рук постепенно затихают.

— Я принес тебе цветы, — говорит Исидор.

Букет состоит из любимых отцом высоких аргирских лилий. Исидор бережно кладет его на землю. Отец с огромной осторожностью поднимает букет. Его челюсти на мгновение снова приходят в движение, тонкие конечности исполняют стремительный танец, и Спокойный ставит перед Исидором крошечную статуэтку из темного строительного материала: улыбающийся человек отвешивает поклон.

— Пожалуйста, — отвечает Исидор.

Некоторое время они стоят молча. Исидор переводит взгляд на осыпающийся рельеф стены, разглядывает лица и фигуры, созданные его отцом. Среди них с любовью выращенное из камня дерево, на ветвях которого множество большеглазых сов.

Возможно, Элоди права, думает он. *Это несправедливо*.

— Я должен тебе что-то сказать, — говорит он.

Чувство вины, мокрое и холодное, расползлось по его спине, плечам и животу скользким прилипалой. В его объятиях даже трудно разговаривать.

— Я совершил глупость, — признается он. — Я разговаривал с журналистом. Я был пьян.

Он чувствует слабость и садится на песок, не выпуская из рук статуэтку отца.

— Это непростительно. Мне очень жаль. У меня уже возникли трудности, возможно, у тебя они тоже возникнут.

На этот раз появляются сразу две фигурки: рука более высокого человека лежит на спине второго.

— Я знаю, что ты мне доверяешь, — говорит Исидор. — Я только хотел тебе все рассказать.

Он поднимается и разглядывает рельеф стены: бегущие кони, абстрактные фигуры, лица, Спокойные, Достойные. Скафандр пропускает внутрь дымный запах только что обработанного камня.

— Репортер спрашивал, зачем я пытаюсь разгадывать загадки. Я сказал ему какую-то глупость.

Затем он надолго умолкает.

— Ты помнишь, как она выглядела? Она оставила тебе это?

Спокойный, весь угловатый и поблескивающий металлом, выпрямляется. Его формирующие конечности проходят вдоль ряда незавершенных женских лиц. Каждое лицо немного отличается от остальных, свидетельствуя о попытках вернуть утраченное.

Исидор помнит тот день, когда он не смог вспомнить лицо матери, когда закрылся ее гевулот. У него возникло странное ощущение пустоты. Прежде он все время чувствовал некоторую защищенность, был кто-то, кто знал, где он находится и о чем думает.

Спокойный создает еще одну композицию из песка — женщина без лица держит зонтик над двумя другими людьми.

— Я понимаю, ты думаешь, что она старалась нас защитить. Я не верю в это.

Он ударяет ногой по скульптуре. Фигурки рассыпаются. И мгновенно возникает сожаление.

— Я не хотел этого делать. Прости.

Он снова смотрит на стену, на бесконечную работу отца.

Они все ломают, а он снова строит. Его работу видят только фобои.

Он неожиданно чувствует себя глупцом.

— Давай больше не будем о ней разговаривать.

Спокойный качается, словно дерево на ветру. Затем создает две фигурки с узнаваемыми лицами, держащиеся за руки.

— Пиксил в порядке, — говорит Исидор. — Я… Я не знаю, чем все это кончится, но когда мы это поймем, я снова приведу ее повидаться с тобой.

Он снова садится и прислоняется спиной к стене.

— Почему ты мне не говорил, что задумал?

По возвращении в город, при ярком дневном свете Исидору снова становится легче, и дело не только в том, что он освободился от скафандра. Он несет в кармане первую из

статуэток, и ее тяжесть действует на него успокаивающе.

Он позволяет себе пообедать в роскошном итало-китайском ресторане на Устойчивом проспекте. «Вестник Ареса» все еще транслирует его интервью, но на этот раз Исидор заставляет себя сосредоточиться на еде.

— Не расстраивайтесь, мистер Ботреле, — слышится чей-то голос. — Любая популярность полезна.

Исидор изумленно поднимает глаза. У противоположного края стола сидит женщина. Его гевулот даже не дрогнул. У нее высокое, молодое изготовленное на заказ тело, а лицо отличается необычной красотой: коротко стриженные волосы, крупный нос, полные губы и изогнутые брови. Белая одежда состоит из ксантийского жакета поверх дорогой имитации революционной формы. С мочек ушей ему подмигивают два крохотных бриллианта.

Она складывает тонкие руки поверх газеты, и длинные пальцы сгибаются, словно кошачья спина.

— Как вам нравится слава, мистер Ботреле?

— Простите, я не имел удовольствия…

Он снова посылает гевулот-запрос, чтобы узнать хотя бы ее имя, он даже не уверен, что ей известно, как его зовут и что она видит его лицо. Но вокруг женщины словно воздвигнута стена уединения, как одностороннее зеркало.

Она небрежно взмахивает рукой.

— Это не дружеская встреча, мистер Ботреле. Просто ответьте на мой вопрос.

Исидор смотрит на ее руки, сложенные поверх черно-белого снимка. Между ее пальцами он видит свои собственные сонные глаза.

— Почему это вас интересует?

— Не хотели бы вы расследовать дело, которое принесет вам *настоящую* славу? — В ее улыбке проскальзывает что-то ребяческое. — Мой наниматель уже некоторое время наблюдает за вами. Он никогда не пропустит талант.

Исидор уже достаточно владеет собой, чтобы размышлять и обращаться к экзопамяти. Женщина отлично чувствует себя в своем теле, а это означает, что она довольно давно стала Достойной, возможно, слишком давно, чтобы выглядеть так молодо. В ее речи слышится акцент уроженца медленногорода, впрочем, тщательно скрываемый. Или, возможно, скрываемый ровно настолько, чтобы он его заметил.

— Кто вы?

Она складывает газету вдвое.

— Вы узнаете это, если примете наше предложение. — Она

отдает ему газету, а вместе с ней короткое разделенное воспоминание. — Хорошего дня, мистер Ботреле.

Затем она встает, сверкает своей улыбкой и уходит, превратившись в серое пятно гевулота в толпе прохожих.

Исидор открывает послание, и в его сознании мелькает смутная ассоциация. Указано место, время. И имя. *Жан ле Фламбер*.

Интерлюдия. Одержимость

Идея вломиться в синагогу принадлежит Исааку. Но возможность проникнуть внутрь обеспечивает, конечно, Поль. Это он нашептывает что-то в оформленный в виде раковины белый гевулот здания, пока тот не показывает ему одну из дверей под высокой аркой с затейливо разрисованной штукатуркой.

— После вас, рабби, — говорит Поль, едва не споткнувшись в процессе насмешливого поклона.

— Нет, после вас, — настаивает Исаак. — Или какая разница, войдем вместе.

Он забрасывает руку на плечи молодого человека, и они бок о бок шагают в святилище.

Они пили в течение четырнадцати часов. Исааку нравится грубое ощущение алкоголя, шумящего в мозгу: намного лучше, чем изощренные наркотики. Быстро уменьшающаяся здравая часть его разума воспринимает это скорее как вирус разума, чем физическое воздействие, тысячелетняя культура отравления алкоголем, почитание Бахуса, заложенное в его изготовленном в Ублиетте теле.

В любом случае, важно то, что мир вокруг них обрел странную, искаженную логику и сердце в груди так бьется, что он готов встать на одну из защитных стен и прокричать вызов мрачным порождениям марсианской пустыни. Или сразиться с самим Богом, в чем и состояло его первоначальное намерение.

Но тихое святилище синагоги, как и всегда, заставляет его почувствовать себя ничтожеством. Негасимый свет — яркая кусфера — горит над дверцами ковчега, и его сияние смешивается с первыми лучами рассвета, проникающими через золотисто-голубые узоры витражных окон.

Исаак садится на стул лицом к кафедре чтеца, вынимает из кармана куртки походную металлическую фляжку и встряхивает ее. Судя по звуку, сосуд полупустой.

— Ну, вот мы и на месте, — говорит он Полю. — Что ты задумал? Рассказывай. В противном случае мы потратили прорву выпивки впустую.

— Хорошо. Но сначала скажи мне: зачем нужна религия? — спрашивает Поль.

Исаак смеется.

— А зачем алкоголь? Раз попробуешь, а потом очень трудно отказаться. — Он открывает фляжку и делает глоток. Водка обжигает язык. — Кроме того, это вера избранных, друг мой: тысяча всевозможных правил, которые ты должен просто принять,

ибо все они иррациональны. И никакого детского лепета о том, что будешь спасен, если просто веришь. Ты должен когда-нибудь попытаться.

— Спасибо, но я отказываюсь. — Поль направляется к дверям Ковчега, и на его лице появляется странное выражение. — Мелодичный звук нарушения закона, — бормочет он. Затем оборачивается. — Исаак, ты знаешь, почему мы с тобой друзья?

— Потому что я ненавижу тебя не так сильно, как остальных идиотов, которых этот гнусный марсианский город тащит на своей спине, — говорит Исаак.

— Потому что у тебя нет ничего, что я мог бы захотеть.

Исаак смотрит на Поля. В свете витражей и через туман водочного опьянения он кажется очень юным. Он вспоминает их первую встречу: спор в баре для приезжих из других миров, который вышел из-под контроля. Когда застарелая ярость Исаака стала вырываться из него приступами кашля, когда началась драка, во время которой он с радостью заметил, что молодой парень рядом с ним не прячется под гевулотом.

Некоторое время Исаак молчит.

— Позволю себе не согласиться, — наконец говорит он, поднимая флягу. — Иди и возьми ее. — Он долго и громко смеется. — Серьезно, что тебя гложет? Я знаю, к чему приводят эти запойные марафоны. Только не говори, что это опять из-за девчонки.

— Может быть, — отвечает Поль. — Я сделал глупость.

— Ничего другого я и не ожидал, — говорит Исаак. — Хочешь получить от меня взыскание? Или хочешь, чтобы Бог тебя наказал? Я с радостью выполню твое желание. Подойди поближе, чтобы я смог тебя отшлепать.

Он пытается подняться, но ноги не слушаются.

— Слушай, ты, ненормальный ублюдок. Я не врезал тебе в лицо при первой встрече только по одной причине: я увидел одержимость. Я не знаю, к чему ты стремишься, но ты не можешь этого от меня скрыть. Что касается меня, то это мемы: мозговые паразиты, религия, поэзия, Каббала, революции, Федоровистская философия, выпивка. Для тебя что-то другое. — Исаак нащупывает фляжку в кармане, но руки оказываются слишком большими и неуклюжими, словно он надел рукавицы. — Что бы это ни было, ты готов ради него бросить нечто хорошее. Избавься от этого чувства. Не повторяй мою ошибку. Отрекись.

— Я не могу, — говорит Поль.

— Почему? — спрашивает Исаак. — Больно будет только один раз.

Поль прикрывает глаза.

— Есть одно… *обстоятельство*. Оно сильнее меня. Оно окружает меня со всех сторон. Я думал, что смогу избавиться от него, но не смог: всякий раз, когда я хочу заиметь какую-то вещь, она сама говорит, чтобы я ее взял. И я могу это сделать. Это несложно. Особенно здесь.

Исаак смеется.

— Не стану притворяться, что я хоть что-то понял. Все это какая-то чужеземная чепуха, верно? Материализованное восприятие. Множество разумов и тел и прочая чушь. А по-моему, ты похож на маленького хнычущего мальчишку, у которого слишком много игрушек. Избавься от них. Если не можешь их уничтожить, запри где-нибудь, откуда очень трудно достать. Так меня когда-то давно, еще на Земле, отучили грызть ногти. — Исаак откидывается назад и понимает, что съезжает по гладкому деревянному сиденью. Его взгляд останавливается на резных львах, украшающих потолок. — Будь мужчиной. Мы всегда сильнее вещей, которые производим. Откажись от них. Сделай в своей жизни что-то новенькое, используй свои собственные руки и мозги.

Поль садится рядом с ним и смотрит на двери Ковчега. Затем вытаскивает из кармана Исаака флягу и пьет.

— И как все это помогло тебе самому?

Исаак дает ему пощечину. И, к его собственному удивлению, не промахивается. Поль роняет фляжку и изумленно смотрит на него, держась одной рукой за горящую щеку и ухо. Фляжка со звоном подпрыгивает на полу, расплескивая остатки своего содержимого.

— Нет, ты посмотри, что заставил меня сделать, — говорит Исаак.

8. Вор и пираты

Музей Современного Искусства скрыт ниже уровня улиц. Это комплекс прозрачных тоннелей, балконов и галерей, опоясывающий чресла города затейливым стеклянным поясом. Подобное расположение обеспечивает великолепное освещение экспонатов и удивительный вид на ноги города, описывающие внизу плавные дуги по кратеру Эллады.

Мы переходим из одной галереи в другую, держа в руках недолговечные стаканчики с кофе. Я наслаждаюсь экскурсией: предметы искусства всегда действовали на меня успокаивающе, несмотря на то, что в последних работах, демонстрирующих яркие вспышки цвета и множество острых углов, прослеживаются откровенная агрессивность и жестокость. Но Миели скучает. Изучая серию акварелей, она что-то мурлычет себе под нос.

— Ты не слишком большой поклонник живописи?

Она негромко смеется.

— Искусство не должно быть *плоским* или мертвым, как это, — говорит она. — Оно должно быть *спето*.

— Мне кажется, в таком случае его назвали бы музыкой.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, и после этого я предпочитаю молчать, рассматривать работы старых абстракционистов и молоденьких студенток, изучающих живопись.

Спустя некоторое время мы начинаем замечать гоголпиратов.

Миели получила от агентов Соборности общедоступные ключи и послала им короткое сообщение. Идея назначить встречу в музее принадлежала мне. Здесь отличная структура гевулота с достаточно просторными агорами вокруг экспозиций, что должно было предотвратить насилие, но в то же время имеются и уединенные уголки для спокойных переговоров. Однако я не ожидал, что они явятся в таком количестве.

Маленькая девочка, рассматривающая картину со стадом грациозных слонов, пасущихся в долине Нанеди, притрагивается к кончику носа точно так же, как это делает проходящая мимо парочка молодых людей, держащихся за руки. И этот жест повторяет рослая студентка в майке с глубоким вырезом, на которой я не мог не задержать взгляд. И целое семейство, возглавляемое отцом с редеющей рыжеватой шевелюрой, который смеется синхронно со своим сыночком. И еще многие из окружающей нас толпы. Как я понимаю, они приоткрывают свой гевулот ровно настолько, чтобы продемонстрировать нам свое присутствие. Странно, но подобный прием кажется мне знакомым

еще по давней человеческой жизни на Земле.

— Они нас ведут, — шепчет мне Миели. — Туда.

В конце концов мы оказываемся на обширном балконе, отделенном от основного пространства музея стеклянными дверями. В широком и мелком бассейне три фонтанные скульптуры. Они напоминают тотемы, сооруженные из острых металлических и органических деталей, которые — как я узнал из небольшого сопутствующего воспоминания — являются списанными в утиль частями тел Спокойных. Из стыков медленно капает вода, и стук капель мог бы действовать умиротворяющим образом, если бы не вызывал мысли о крови.

На балконе собралось около двух десятков человек, и одна группа прочно обосновалась у самых дверей, перекрывая путь к бегству.

К моему удивлению, скульптуры заинтересовали Миели, и она стоит возле них, пока я не трогаю ее за руку.

— Я думаю, пора начинать.

— Хорошо, — говорит она. — Только не забывай, все разговоры веду я сама.

— Сделай одолжение.

К нам подходит маленькая темнокожая девочка лет шести. На ней ярко-голубое платье, а волосы собраны в хвостики, торчащие по обе стороны головы. Она потирает кончик носа уже очень хорошо знакомым нам жестом.

— Вы из другого мира? — спрашивает она. — Откуда? Меня зовут Анна.

— Привет, Анна, — говорит Миели. — Мы среди друзей, так что нет необходимости сохранять маскировку.

— Осторожность никогда не помешает, — бросает длинноногая студентка, не поднимая головы от своего альбома с эскизами.

— У вас, — подхватывает женщина в разноцветной одежде, стоящая у перил балкона под руку с молодым человеком, — есть ровно одна минута, чтобы объяснить, как вы нас нашли.

— После этого мы сами начнем это выяснять, — добавляет Анна.

— Я уверена, вы ничего не станете здесь предпринимать, — говорит Миели. — В музее полно агор.

Анна усмехается.

— Мы давно привыкли иметь дело с агорами, — говорит она. — Пятьдесят секунд.

— Я работаю на того, кто служит вашему копи-отцу, — говорит Миели. — Нам требуется помощь.

— Покажите печать, — требует моложавый рыжеволосый отец

семейства, одновременно стараясь успокоить плачущего младенца.

— Мы рады служить, — продолжает студент. — Но сначала покажите печать.

На балконе внезапно водворяется тишина. Кое-кто из них все же продолжает нормальные разговоры, смеется, показывая на статуи, но все взгляды обращены в нашу сторону.

— Для достижения Великой Всеобщей Цели необходимо соблюдение тайны, и вам это известно лучше, чем мне, — говорит Миели. — Мы вас отыскали. Разве этого недостаточно?

— Дорогая, нам требуется нечто более существенное. Мы василевы. Немногие стремятся к достижению Великой Всеобщей Цели с такой же страстью, как мы. — Анна своей маленькой ручкой хватает край одежды Миели. — И мы не собираемся прыгать только потому, что какой-то одиночка, служащий ничтожному клану не-Основателей, щелкает пальцами. — Она улыбается, демонстрируя неровный ряд белоснежных квадратных зубов. — Время заканчивается. Может, нам пора заглянуть в твою хорошенькую головку?

— Нам не так уж много надо, — говорит Миели. — Всего лишь инструменты. Для преодоления сопротивления гевулота, идентификации марсианской личности…

— Так вы *конкуренты*? — спрашивает рыжеволосый отец. — С чего бы нам с вами делиться?

Миели напряжена. Все это может закончиться скверно. Соборность несильна в переговорах: если твое поведение полностью определено схемой копи-клана, места для творчества уже не остается. Именно поэтому они мне и нравятся. Я вспоминаю, где в последний раз видел определенную улыбку, жесты, слышал подходящий тон голоса. Это было на земле, несколько столетий назад, в баре, где я пил с хакерами и спорил с ними о политике. И кто же еще там был? Ах, да. Матчек. Маленький и злой Матчек, впоследствии ставший богом Соборности.

Я меняю позу, как будто стараюсь показаться выше, чем на самом деле. Отвожу плечи назад. Вызываю на лице выражение праведного негодования.

— Вам известно, кто я такой?

По лицам василевов пробегает рябь страха. Студентка роняет свой альбом, и он с плеском падает в бассейн. *Есть*!

— Моим служителям нет необходимости давать объяснения. И думаю, мне не надо представляться. Великая Всеобщая Цель требует веры. Вам ее явно не хватает.

Миели уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

— *Просто подыгрывай*, — шепчу я ей по биотической связи. — *Объяснения будут потом*.

— Или для того чтобы узнать пришедшего к вам Основателя, вам нужны какие-то печати и символы? Мне необходимы инструменты. Мне предстоит выполнить здесь свою миссию. Цель порой забрасывает нас в самые неожиданные места, и потому я прибыл без подготовки. Вы немедленно предоставите мне все необходимое.

— Но… — пищит Анна.

— У меня с собой фрагмент Дракона, — зловещим шепотом произношу я. — Хочешь стать его частицей?

На несколько мгновений воцаряется тишина. А затем в голову ударяет поток информации. Я ощущаю, как тело Соборности распознает данные и сохраняет их в памяти. Шаблоны личности, имитаторы ощущений гевулота, принципы защиты: все, что необходимо для имитации фальшивой личности в Ублиетте. *Надо же, это действительно сработало*…

Внезапно Анна вздрагивает, и ее взгляд стекленеет. Поток информации иссякает так же неожиданно, как и возник. Придерживаясь принятого образа, я обвожу взглядом помещение, стараясь изобразить царственное неудовольствие.

— Что это означает? Разве я неясно выразился?

— Абсолютно ясно, мистер ле Фламбер, — хором восклицают василевы. — А теперь стой смирно. Наши друзья хотят с тобой поговорить.

Дерьмо.

Я поворачиваюсь к Миели, чтобы сказать, что уже получил все необходимое и что ей пора вытаскивать нас отсюда, но, прежде чем успеваю закончить мысль, начинается фейерверк.

Миели наблюдает за гамбитом вора со смесью изумления и возмущения. Она встречалась с Матчеком Ченом, и вор в совершенстве копирует его голос и жесты. Для разумов Соборности, заключенных в украденные тела марсиан, это все равно что оказаться в присутствии богоподобного существа. А их последующая атака преисполнена ярости истинных верующих, столкнувшихся с еретиком.

К дьяволу все хитрости. Я всех их уничтожу.

Пробудившийся метамозг в первую очередь замедляет время, а затем накрывает ее пеленой боевой сосредоточенности.

«*Перхонен». Зондирование*.

Корабль, стоящий на огромной высоте, посылает заряд слабо взаимодействующих экзотических частиц. Перед ней проступают структурные силуэты василевов. Ее метамозг определяет схемы и классифицирует скрытое оружие. Гостганы. Оружие Соборности с

пулями, поражающими разум. *Проклятье*. Мысленным приказом она приводит в боевую готовность собственное вооружение.

В ее правой руке имеется ку-винтовка, линейный ускоритель, стреляющий полуавтономными когерентными зарядами. В левой руке установлена ку-винтовка с комплектом наноракет: в каждой содержится боевой гогол, готовый поразить вражеские системы, наводнить их своими копиями. Программируемый слой под эпидермисом становится броней, ногти приобретают алмазную твердость. Термоядерный реактор в правом бедре наращивает мощность. Процессор Нэша выбирает оптимальную последовательность целей и укрытие для вора.

— *Огневая поддержка*, — командует она «Перхонену». — *По моему сигналу*.

— *Мне придется переменить позицию*, — отвечает корабль. — *Предвижу проблемы со Спокойными на орбите*.

— *Выполняй*.

Миели ощущает грань близкой смерти. Она должна сражаться в одиночестве: любой другой вариант стал бы предательством по отношению к памяти предков. В случае неудачи второго шанса не будет. Порой эта грань определяет все, особенно в случае борьбы против Соборности.

Гогол-пираты тоже активизируются, но это внедренные агенты. Их синтбиотические тела не обладают достаточным уровнем боевой оснащенности. Тем не менее у них имеются гостганы, встроенные в глаза, руки и туловища. Уже через десять миллисекунд они выпускают первый залп, на их лицах, словно мерцающий макияж, зажигаются инфракрасные огоньки и вылетают наноракеты. В глазах Миели комната покрывается смертоносной паутиной векторов и траекторий.

Она хватает вора и швыряет его к основанию средней статуи, в прореху этой паутины. И в то же время выпускает залп ку-частиц. Это похоже на рисование пальцами в воздухе — каждый взмах оставляет после себя светящийся след. Каждая частица представляет собой конденсат Бозе-Эйнштейна, несущая в себе заряд энергии и квантовой логики, и становится продолжением ее мысли, словно бестелесная конечность. Тремя частицами, словно бичом, она сметает летящие снаряды, разрывая опасную паутину и обеспечивая себе пространство для маневра. Еще две направлены в толпу василевов и готовы взорваться вспышками когерентного излучения.

Ракеты василевов реагируют и нацеливаются на нее. А некоторые изменяют траекторию по направлению к вору. Группа василевов разделяется в попытке уклониться от летящих ку-частиц, но слишком медленно. Заряды вспыхивают белыми

лазерными звездами, освещающими галереи, плавящими стекло, синтбиотические тела и бесценные предметы искусства.

Она устремляется вперед. Воздух кажется плотным и жидким. Даже в состоянии боевой сосредоточенности свобода движений вызывает у нее восторг. Она уклоняется от ракет, оставляя следы ног на поверхности воды, и, как будто в задумчивости, пробивает рукой живот студентки.

Все набрасываются на нее — Анна, семейство в полном составе, женщина в слишком яркой одежде и еще трое других. Из их пальцев бьют расщепляющие лучи, поражающие ткани вибрацией. Один хлещет ее по спине. Защитное снаряжение выжигает пораженный слой, и на мгновенье у нее вырастают огненные крылья.

Миели задает своему гостгану простейшую программу обороны и стреляет в противников — один, два, три: вору требуется дополнительная защита. Она поражает двух. Гостгоголы овладевают разумом василевов и бросают их навстречу нацеленным в вора ракетам.

Она отклоняет расщепляющий поток и направляет его на Анну. Молекулярные стрелы разрывают клетки ее плоти, и туловище девочки взрывается облаком пыли. Последнюю кучастицу она посылает в глаз рыжеволосого мужчины. Несколько василевов еще ведут ответный огонь. Броня стонет под ударами гостганов. Сжав зубы, Миели хватает один из снарядов и зажимает его в кулаке. В нем содержится копия разума василева — позже можно будет задать ему несколько вопросов.

Они бросаются на нее всей толпой. Синтбиотические тела образуют поверх нее целую гору управляемой плоти, которая не реагирует на ее удары, хотя кулаки погружаются в противников, словно в туман. Ее голова уже прижата к полу. Миели посылает на «Перхонен» координаты. *Давай.*

Налетевший с неба огонь отсекает балкон, словно скальпель хирурга. Раздается скрежет металла. Где-то наверху крылья «Перхонен» обливают врагов горячим жестким светом.

Внезапное ощущение свободного падения воспринимается словно возвращение домой. Она пробирается сквозь кровавый туман и исковерканные тела, находит вора и крепко хватает его. А затем раскрывает крылья. Как всегда, это ощущение — распускающихся за плечами бутонов — переносит ее в детство, когда она летала по ледяным лесам в своем кото, гоняясь за парапауками. Но теперь ее крылья стали сильнее и даже в этом тяжеловесном городе способны нести не только ее саму, но и вора.

Они вдвоем пробивают потолок галереи. Искореженные,

горящие обломки балкона и останки василевов падают под ноги города.

Жаль статуи, думает она.

Мир превращается в хаос, заполненный взрывами и запахом горящей плоти. Я моргаю, и мое тело ударяется о камни. По голове стучит стаккато ударов. Потом я пробиваю стекло, Миели держит меня, и мы *летим*, а внизу полыхает огонь, и воздух со свистом опустошает мои легкие, словно в аэродинамическом тоннеле.

Я кричу. Потом падаю. Примерно с метровой высоты. При марсианской силе тяжести. Приземляюсь на спину, перед глазами пляшут разноцветные огни, и рот еще открыт, поскольку легкие совсем опустели.

— Прекрати, — говорит Миели.

Она стоит на коленях рядом со мной, и два крыла медленно складываются у нее за спиной — два тонких серебристых каркаса с тонкой, как паутина, сеткой, покрытой прозрачной мерцающей пленкой, похожей на ткань в крыльях «Перхонен». Еще мгновение, и они исчезли.

— Черт, — говорю я, как только снова начинаю дышать.

Мы находимся на слегка покатой крыше, где-то на окраине города. Столб огня и дыма на горизонте отмечает то место, где мы были всего несколько секунд назад. Над полем боя, словно стая воронов, уже кружат наставники.

— Черт, черт, черт.

— Я же тебе сказала, прекрати, — говорит Миели, поднимаясь на ноги.

Ее одежда изорвана в клочья, и в прорехах проглядывает гладкая смуглая кожа. Она замечает мой взгляд и поворачивается спиной, а ткань начинает восстанавливаться.

— Ч… — Я со свистом втягиваю воздух. — Ублюдки. Им кто-то сказал. Кто мы такие. Кто-то знал.

— *Милые голубки*, — говорит «Перхонен». — *Я рада, что у вас все в порядке, но не рассчитывайте меня услышать в течение ближайших нескольких часов. Я должна незаметно покинуть занимаемую позицию: орбитальные Спокойные, какими бы глухими и слепыми они ни были, не могли не заметить лазерные лучи, направленные на их планету. Я дам вам знать, когда вернусь. Соблюдайте осторожность*.

— Что там произошло? — спрашиваю я у Миели.

— Они атаковали. Пришлось попросить «Перхонен» предпринять экстренные меры. Согласно регламенту.

— Так все они убиты?

— Уничтожены. Без дальнейшей возможности

восстановления экзопамяти. Если даже их восстановят, они нас не вспомнят. Это были тайно заброшенные василевы, без оборудования для нейтринной связи.

— О Господи. Какие-нибудь сопутствующие разрушения?

— Только предметы искусства, — говорит Миели, и я ни за что в жизни не могу догадаться, шутит она или нет. — Но ты ведь получил то, зачем мы пришли, не так ли?

Я обращаюсь к данным, перекачанным в мою память девчонкой-пиратом. Некоторые фрагменты утрачены, но самое важное осталось.

— Да. Мне надо будет все это изучить. — Я потираю виски. — Послушай, что-то происходит. Нет ли какой-то закулисной игры, в которую замешан твой наниматель из Соборности? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет.

Ее ответ пресекает любые попытки спора.

— Ладно, придется предположить, что это были местные интриги. Нам придется ими заняться.

— Этим займусь *я*. А *тебе* необходимо сосредоточиться на миссии.

Я медленно поднимаюсь. Мое тело не пострадало — ни одной сломанной кости, — но оно реагирует так, словно все покрыто сплошными кровоподтеками. — Да, вот еще что.

— Что?

— Тебе не кажется, что моему телу недостаточно только способности исцеляться? Если уж мне предстоит создать новую личность, потребуется большая гибкость. Даже для того чтобы отыскать эту девчонку, Раймонду, нужны будут не только глаза и уши. Не говоря уж о моделировании гевулота или *выживании* в случае новой встречи с нашим многоголосым приятелем.

Она пристально смотрит на меня, потирая руки. Кожа очищается, и с ладоней слетают хлопья высохшей крови.

— Да, кстати, благодарю за спасение моей задницы, — добавляю я. Я знаю, что подобные усилия напрасны, но добавляю некоторое количество теплоты — почти искренней — своему взгляду и дарю ей самую лучшую из своих улыбок. — Ты должна дать мне возможность отплатить за эту услугу.

Миели хмурит брови.

— Хорошо. Когда вернемся, я посмотрю, что можно сделать. А теперь давай выбираться отсюда. Я уверена, что мы не оставили никаких следов за пределами гевулота, но на наставников эти правила не распространяются. Я не хочу после всего этого драться еще и с *ними*.

— Мы полетим?

Она цепко хватает меня за плечо и подтаскивает к краю крыши. Улица видна метрах в ста ниже нас.

— Можешь попробовать, если хочешь, — говорит она. — Но в твоем теле *не* предусмотрены крылья.

Той ночью, в отеле, я сделал себе новое лицо.

Мы возвращались кружным путем, под полностью закрытым гевулотом, охватывающим еще и часть городских достопримечательностей — настоящая паранойя, как будто под гевулотом нас невозможно было узнать, но Миели настояла на своем. Кроме того, она установила нечто вроде охранной решетки — из ее пальцев вылетели маленькие светящиеся точки, которые патрулировали все окна и двери.

— Не прикасайся к ним, — предупредила она, хотя в этом не было никакой необходимости.

А потом она сотворила настоящее волшебство — после этого мне захотелось ее поцеловать. И я бы так и сделал, если бы в голове не мелькали отрывочные воспоминания о том, как она вырвала руку из тела девчонки и с ее помощью забила насмерть трех противников. Так или иначе, она на мгновение прикрывает глаза, и в моей голове раздается *щелчок*. Ничего особенного, нет даже намека на ту свободу, которой я обладал короткое время в борьбе против архонтов, но это уже кое-что. Более полное осознание самого себя, ощущение контроля. Теперь я знаю, что сеть ку-частиц — искусственных атомов, способных принять любую форму и любые физические свойства, — под кожей этого тела может имитировать эпидермис любого цвета, фактуры и обличья.

Миели заявляет, что ее системы нуждаются в подзарядке, что ей необходимо устранить кое-какие повреждения, и потому рано уходит спать. «Перхонен» молчит, без сомнения, играя в прятки с орбитальными часовыми или вламываясь в их системы, чтобы внедрить убедительные оправдания тому, что ее на какое-то время потеряли из виду. И я остаюсь в полном одиночестве, чего не случалось с самого побега из Тюрьмы.

Мне это нравится; некоторое время я просто сижу на балконе, любуюсь видом ночного города и на этот раз потягиваю односолодовый виски. Этот напиток всегда способствовал самоанализу — спокойная пауза после глотка, длительное послевкусие, приглашающее насладиться оставшимся на языке ароматом.

Я мысленно раскладываю один за другим полученные инструменты.

Гевулот несовершенен. В нем имеются замкнутые петли, фрагменты, где узел — представляющий собой воспоминание,

событие или персону — имеет более одного родителя. Это означает, что в некоторых случаях, раскрывая гевулот на каком-то невинном воспоминании о вкусе или интимном моменте, можно открыть целые пласты экзопамяти этой личности. У гогол-пиратов нашлась особая программа, при помощи которой можно попытаться завладеть всей древовидной схемой гевулота и в процессе разговора определить ключевые узлы.

Есть еще одна программа для атаки путем активного вмешательства в квантовую связь между Часами и экзопамятью. В этом случае требуются огромная мощность и квантовая электроника: об этом надо поговорить с «Перхонен». И вариант безупречного имитирования гевулота, которым я и намерен немедленно воспользоваться. Кроме того, обнаружился набор общественных/личных ключей и пустые бланки экзопамяти. Мне не хочется думать о том, как они были получены, по крайней мере, эту грязную работу за нас сделали другие. Некоторые из них фрагментированы из-за внезапного прекращения загрузки, но и того, что есть, пока достаточно.

Подготовка к превращению в кого-то другого вызывает во мне трепет предвкушения, ощущение своих возможностей. Вероятно, в моей жизни уже были моменты, когда я из одной личности превращался в другую, будь то постчеловек, зоку, базовый образец или Соборность. И одно это уже вызывает у меня страстное желание снова стать королем воров.

Я открываю Часы и снова смотрю на снимок.

Кем я должен стать для тебя, Раймонда? Кем я был для тебя прежде?

Ее улыбка не дает ответа, и я защелкиваю крышечку, допиваю виски и начинаю разглядывать себя в зеркале в ванной комнате.

Лицо — глаза под тяжелыми веками, проблеск седины в волосах — снова наводит меня на мысль о нанимателе Миели. Должно быть, она знала меня очень давно. Но, кем бы она ни была, Тюрьма лишила меня этой части воспоминаний. Несколько мгновений я с удовольствием разглядываю свое лицо. Я не страдаю нарциссизмом, но люблю зеркала за их способность передавать внутреннюю сущность через внешние черты. В конце концов я решаюсь испытать свое тело. — *Стань немного моложе*, — говорю я ему. — *Немного выше ростом, с высокими скулами и более длинными волосами*. — Отражение в зеркале подергивается рябью, словно вода, и трепет предвкушения сменяется ликованием.

— Тебе все это нравится, верно? — раздается голос.

Я отрываюсь от зеркала и оглядываю комнату, но там никого нет. А голос кажется невероятно знакомым.

— Я здесь, — говорит мое отражение.

Это молодой человек со снимка, привлекательный, темноволосый, улыбающийся. Он слегка наклоняет голову, осматривая меня сквозь стекло. Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до него, но изображение не двигается. Как и при встрече с мальчишкой на агоре, меня охватывает ощущение чего-то нереального.

— Ты думаешь о ней, — говорит он. — А это означает, что ты снова намерен с ней поговорить. — Он вздыхает, выражая легкую зависть. — Тебе надо кое-что узнать.

— Да! — кричу я ему. — Где мои воспоминания? К чему все эти игры? Что означают те символы…

Он игнорирует мои вопросы.

— Мы действительно думали, что она та самая. Что в ней наше спасение. И некоторое время так оно и было. — Он притрагивается к стеклу с противоположной стороны, повторяя мой недавний жест. — Знаешь, я немного завидую тебе. Тебе предстоит попытаться снова. Но запомни, что в прошлый раз мы очень плохо с ней обошлись. Мы не заслуживаем второй попытки. Постарайся не разбить ей сердце, а если все же разобьешь, убедись, что есть кто-то, кто мог бы собрать осколки.

Потом усмешка возвращается на его лицо.

— Я уверен, ты теперь меня ненавидишь, слегка. Но это дело и не должно было быть легким. Я затруднил поиски не для тебя, а для себя самого. Как алкоголик, который запирает выпивку в подвале и выбрасывает ключ.

— Но ты здесь, значит, я плохо старался. Мы оба здесь. Признаю свое поражение.

Он вынимает Часы, те самые, которые держу я, и смотрит на них.

— Что ж, мне пора. Развлекайся. И не забудь, ей нравится летать на воздушном шаре.

Он исчезает, и в зеркале появляется мое собственное новое отражение.

Я сажусь на стул и начинаю делать новое лицо для первого свидания.

9. Сыщик и письмо

Позже тем же вечером Исидор принимает присланное в коротком фрагменте памяти приглашение и направляется в Черепаший парк. Инструкции ведут его по узкой песчаной тропинке через рощу из сосен и вязов. Среди деревьев он обнаруживает замок.

Это самое большое отреставрированное здание эпохи Королевства, которое он видел, за исключением Олимпийского дворца. Просто поразительно, что оно скрыто от посторонних взглядов пеленой гевулота. Последние лучи заходящего солнца скользят по двум башням, которые отклонены направо и налево наподобие восточных кинжалов. Длинная голубоватая тень замка накрыла огромный цветник, разбитый с геометрической точностью. Растения образуют разноцветные треугольники и многоугольники, словно садовник намеревался доказать теорему Эвклида. Только через несколько мгновений Исидор понимает, что фигуры образуют дорические солнечные часы с тенью более высокой башни в качестве циферблата.

Вокруг замка высокий железный забор с воротами. За ними в ожидании застыл Спокойный. Это необычное существо: с человеческой фигурой, не выше нормального мужчины, в шитой серебром голубой ливрее, золотой маске и перчатках, скрывающих острые углы и края. Он напоминает Исидору увешанные драгоценностями манекены в имитации Королевства. Он, естественно, не ждет приветствия, но Исидор считает необходимым хоть что-нибудь сказать.

— Я Исидор Ботреле, — говорит он. — Меня ждут.

Спокойный без слов открывает ворота и ведет его к замку. Дорожку окружают лилии, розы и более экзотические цветы, узнать которые Исидор может только после обращения к экзопамяти.

Небольшую лужайку, где стоит похожая на пагоду беседка, заливает золотистый солнечный свет. Светловолосый молодой человек — почти мальчик, шести или восьми марсианских лет — сидит внутри за книгой. Перед ним опустевшая чайная чашка. Простая Революционная форма кажется на его худощавой фигуре слишком просторной. Тонкие брови на ребячески пухлом лице сосредоточенно сдвинуты. Спокойный-слуга останавливается и звонит в серебряный колокольчик. Юноша медленно поднимает голову и с преувеличенной осторожностью встает из-за стола.

— Дорогой мой, — восклицает он, протягивая руку. В ладони Исидора его пальцы кажутся фарфоровыми. Он выше, чем Исидор,

но почти болезненно худ — обычная для Марса продолговатость, доведенная до крайности. — Как восхитительно, что вы смогли прийти. Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Садитесь, садитесь. Как вам понравился мой сад?

— Впечатляюще.

— Да, мой садовник — настоящий гений. Очень скромный человек, но — гений. Эта черта присуща и многим другим людям, обладающим редким талантом, таким, как ваш.

Исидор молча смотрит на него некоторое время и пытается отделаться от ощущения тревоги в гевулоте. Это не отсутствие уединения, как в Пыльном районе, а какая-то неустойчивость, словно покров вот-вот порвется.

Молодой человек улыбается.

— А вы достаточно гениальны, чтобы догадаться, кто я?

— Вы Кристиан Анру, — отвечает Исидор. — Миллениар.

Выяснить это было нетрудно, но Исидор потратил полдня, просматривая общественную экзопамять и сравнивая с фрагментом разделенной памяти, оставленным ему женщиной в белом. Анру — если это действительно он — скрытный человек даже по меркам Ублиетта: кроме того, что он очень молод, трудно отыскать какие-нибудь подробности. Его имя обычно упоминается в газетах в связи с социально важными событиями или крупными сделками. Ясно одно — времени у него не меньше чем у Бога.

— Вы добились успеха на посредничестве через гевулоты, операциях, разрешенных Голосом несколько лет назад. И очевидно, вас что-то встревожило. Гогол-пиратство?

— О, нет. Я обычный человек во всех отношениях, кроме накапливания Времени. Можно назвать это защитным механизмом. А беспокоит меня вот это.

Анру протягивает Исидору записку на дорогой белой бумаге без каких-либо пометок, с несколькими словами, начертанными элегантным плавным почерком. Письмо гласит:

«Дорогой мистер Анру.

В ответ на ваше неприсланное приглашение с удовольствием сообщаю, что буду рад посетить ваш прием «Лови момент» 28-го Вришика, в 24:00. Со мной будет еще один гость.

Ваш покорный слуга, Жан ле Фламбер».

О ле Фламбере Исидор размышлял все утро. В экзопамяти Ублиетта о нем не было почти никакой информации. В конце концов, он потратил Время на дорогого информагента, который отваживался заглядывать в Царство за пределами информационного пространства Ублиетта. То, что он добыл,

можно назвать смесью фактов и легенд. Никаких актуальных воспоминаний или слепков жизни, никаких видео- и аудиоматериалов. Фрагменты сообщений, относящиеся к эпохе до Коллапса, и сетевые дискуссии о выдающемся преступнике, действовавшем в Лондоне и Париже. Фантастические истории о солнечном заводе, украденном у Соборности, о взломе электронного мозга *губернии*; подозрительные операции в ирреальном Царстве.

Все это не могло относиться к одной личности, возможно, это кописемейство. Или, возможно, мем — что бы это слово ни означало в других частях Системы, — которым они отмечали свои преступления. В любом случае, это какой-то розыгрыш.

Исидор возвращает записку.

— Ваш званый вечер? Это через неделю.

Анру улыбается.

— Да. Время течет быстро, особенно в наши дни. Я отказываюсь от большей части своего Времени, и некоторой долей будет распоряжаться моя помощница Одетта, с которой вы уже встречались.

— Я понимаю, для нашего поколения это редкость — не протестовать против несправедливости, — но я в некотором роде идеалист. Я верю в Ублиетт. Я провел в этом теле восемь великолепных лет; теперь я готов отдать свой долг в качестве Спокойного. Но я, конечно, хочу закончить этот период с шиком. Использовать напоследок все свои возможности.

В его словах звучит неожиданная горечь.

Спокойный-слуга приносит им изящные фарфоровые чашки с чаем: Анру с удовольствием смакует напиток.

— Кроме того, ощущение конца придает чувствам особую остроту, не правда ли? Мне кажется, именно об этом думали наши отцы и матери, основатели. Изведать все — вот чего я хотел. До того момента, как пришла эта записка.

— Как она к вам попала?

— Я обнаружил ее в своей библиотеке, — говорит Анру. — В моей библиотеке! — Гневные морщины выглядят на его ребяческом лице абсолютно неуместно. Поставленная чашка дребезжит по столу. — Я никого не допускаю в свою библиотеку, мистер Ботреле. Это мое убежище. И даже среди моих друзей нет ни одного, кто имел бы ключ от гевулота этого замка. После того что появилось в газетах, я уверен, вы меня поймете — я чувствую, что… подвергся насилию.

По спине Исидора пробегает дрожь. При одной мысли, что кто-то может вторгнуться в его личное пространство без приглашения, без доступа к гевулоту, ему становится не по себе.

— Вы не допускаете мысли, что это был какой-то розыгрыш?

Анру сводит перед собой кончики пальцев.

— Безусловно, я рассматривал такую возможность, — говорит он. — Как вы догадываетесь, я внимательно просмотрел экзопамять замка. И ничего не обнаружил. Вчера вечером, примерно от семи до половины восьмого, письмо просто возникло в библиотеке. Почерк мне незнаком. Такую бумагу можно купить в любом канцелярском магазине на Проспекте. Нет никаких следов ДНК, кроме моих собственных. Одетта уже проверила это. Я уверен, что здесь замешаны технологии других миров. А стиль — заранее объявить место и время преступления — определенно соответствует тому, что нам известно об этой личности.

— В некоторой степени я даже не удивлен. Пришельцы считают нас отсталыми простаками. И этот… вор по какой-то причине выбрал для забавы именно меня. Но если бы я обратился к Голосу или к наставникам, мне бы ответили то же самое: это просто шутка. Вот по этой причине я и пригласил вас, мистер Ботреле.

Анру улыбается.

— Я хочу, чтобы вы мне помогли. Выясните, как это письмо попало в мою библиотеку. Я хочу знать, что он задумал, и расстроить его планы. А в случае совершения преступления вернуть похищенное.

Исидор глубоко вздыхает.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете мои способности, — говорит он. — Как бы то ни было, я сомневаюсь, что за этим кроется реальный ле Фламбер. Но даже если это и он, почему вы считаете меня способным бороться с подобным существом?

— Как я уже говорил, я идеалист, — говорит Анру. — Я знаком с вашей работой. Мало того, я могу назвать себя вашим поклонником. И поскольку я считаю себя глубоко оскорбленным действиями вора, я считаю удачной идеей вознаградить себя за унижение этой битвой умов. Естественно, ваши усилия будут достойным образом оплачены, если уж дело в этом. Что вы скажете?

Поймать вора, размышляет Исидор. Нечто ясное. Нечто простое. Даже в том случае, если это просто шутка.

— Хорошо, — говорит он. — Я согласен.

Анру хлопает в ладоши.

— Отлично! Знаете, мистер Ботреле, вам не придется жалеть о своем решении. — Он встает. — А теперь давайте отыщем Одетту и посетим место преступления.

Замок построен с той же пышностью, что и имитация

Королевства в колонии зоку: высокие потолки, мраморные полы, матово-черные доспехи боевых роботов, охраняющих коридоры, и пейзажи старого Марса: красные скалы, долина Маринер[29], улыбающееся лицо короля, одетого в белое с золотом.

Одетта — женщина в белом — ждет их в библиотеке и приветствует вошедшего Исидора сдержанным кивком.

— Отличная работа, — говорит ей Анру. — Похоже, ваше очарование убедило молодого мистера Ботреле помочь нам решить эту небольшую проблему.

— Я так и думала, — отвечает она. — Я уверена, вы заинтересуетесь этим делом, мистер Ботреле.

В библиотеке высокий застекленный потолок, обеспечивающий прекрасное освещение, и огромные окна, выходящие в сад. Кожаные кресла выглядят очень удобными. И книги — аналоговые и спаймы, тысячи томов, стоящие аккуратными рядами на темных дубовых полках, которые обслуживает похожий на дерево синтбиотический дрон. В центре, на винно-красном ковре стоит бронзовая модель планетарной системы Марса и его окрестностей.

Анру поднимает руку, и дрон подает ему книгу, снятую черной рукой-веткой с одной из верхних полок.

— Это жизнеописание графа равнины Исиды. Он был членом небольшой группы заговорщиков, пытавшихся свергнуть Короля за несколько лет до Революции. У них, естественно, ничего не получилось. Но предреволюционные годы — это удивительный период; тогда все могло пойти по-другому. Безусловно, в книге полно пробелов, оставленных Вспышкой. Как вы уже, вероятно, могли заметить, в недавнем прошлом я сильно увлекался эпохой Королевства.

В его голосе проскакивает нотка неискренности.

— Так или иначе, но именно эту книгу я читал, когда заметил письмо. Оно было вот здесь. — Миллениар показывает на небольшой письменный стол. — Аккуратно положено таким образом, чтобы я сразу его заметил, садясь в любимое кресло. — Он оставляет книгу на столе, подходит к одному из кресел и садится. — Гевулот этого места имеется только у меня, трех Спокойных-слуг и Одетты. И теперь еще у вас.

— Есть еще какие-то охранные системы?

— Пока нет, но я с радостью предоставляю вам полную свободу установить все, что угодно, включая устройства с черного рынка. О деталях позаботится Одетта, только дайте ей знать, что вам нужно. — Анру окидывает Исидора взглядом и усмехается. — И я бы посоветовал вам вместе с ней проехаться по Устойчивому проспекту. Для вечеринки вам потребуется какой-нибудь костюм.

Исидор смущенно кашляет, внезапно вспомнив о том, что одет в помятую копию Революционной формы.

— Вы не возражаете, если я немного осмотрюсь?

— Нет, конечно. Я догадываюсь, что в течение нескольких ближайших дней вы будете проводить здесь значительную часть времени. Я предоставил вам доступ к экзопамяти — кроме нескольких очень личных фрагментов. Так что чувствуйте себя свободным в своем расследовании.

Исидор берет в руки оставленный Анри том и открывает его. Его мгновенно подхватывает ошеломляющий поток образов, видений и текстов. Видео с различных точек зрения, музыка и шумы, мелькание утонченных лиц и просторных залов…

Анру с неожиданной яростью выхватывает у него книгу. Его глаза мечут молнии, и на бледных щеках выступили два красных пятна.

— Я бы предпочел, — шипит он, — чтобы вы не касались содержимого библиотеки. Многое из этого… очень трудно достать, и я отношусь к книгам очень ревностно.

Он протягивает том библиотечному дрону, и тот возвращает его на полку.

Лицо Исидора, вероятно, выдало его потрясение: Анру качает головой, затем смущенно улыбается.

— Я прошу прощения. Вы должны понимать страсть коллекционера. И как я уже упоминал, это место для меня очень личное. Я был бы весьма обязан, если бы вы продолжали свое расследование без… академических изысканий.

Исидор прогоняет видения и кивает, хотя его пульс все еще учащен. На лице Одетты проявляется неожиданная суровость.

— Я никогда не проявлял большого интереса к истории, — негромко говорит он.

Анру смеется, но его смех больше похож на кашель.

— Возможно, нам всем было бы намного полезнее больше времени посвящать настоящему, а? По правде говоря, в ближайшие несколько дней мне предстоит немало дел. Напоследок нашлось немало… человеческих проблем, которыми я должен заняться. — Он берет Исидора за руку. — Я верю в вас, мистер Ботреле. И надеюсь, что не разочаруюсь.

— Я тоже на это надеюсь, — говорит Исидор.

После ухода Анру Исидор достает увеличительное стекло и начинает осматривать помещение. Комната заполняется слоями информации: следы ДНК, микрочастицы одежды на ковре, отпечатки пальцев и жирные пятна, молекулы и микроэлементы. В то же время он обращается к экзопамяти библиотеки. В голове

выстраивается бесконечная башня мгновений прошлого. Краткое изучение свидетельствует о том, что письмо появилось в 8 часов 35 минут прошлым вечером, и ни секундой раньше. Ни до, ни после этого в библиотеке никого не было. Он расширяет воспоминания на весь замок: слуга в вечном молчании стоит *здесь*, второй — *там*, а затем блок, скрывающий от его взгляда личные покои Анру.

Он снова рассматривает письмо. Нет никаких признаков самосборки: это настоящая, изготовленная руками бумага либо высококачественная нанокопия. Даже учитывая современные технологии других миров, трудно представить, чтобы облако микрочастиц в течение нескольких секунд сконцентрировалось в письмо, да и требуемая для этого энергия не могла не оставить следов в экзопамяти замка.

— Мы рассматривали все возможные варианты, — говорит Одетта, усевшись на подлокотник кресла Анру, с присущей ей улыбкой маленькой девочки. — Сомневаюсь, чтобы ваша игрушка зоку обнаружила нечто такое, чего я не заметила.

Исидор едва слышит ее: он слишком сосредоточен на изучении пола и стен библиотеки. Как и можно было ожидать, они возведены из окаймленного текучей породой базальта. Затем он садится и на некоторое время закрывает глаза. Мимолетные видения из книги затмевают очертания загадки, но в душе ему хочется вплести в общий узор и их тоже. Исидор прогоняет исторические образы и сосредотачивается на письме. Запертая комната, таинственный объект — в этом есть какая-то почти избыточная ясность.

— Когда вы в последний раз приобретали что-нибудь для мистера Анру? — спрашивает он у Одетты.

Она трогает губы кончиком пальца.

— Приблизительно три недели назад. А что?

— Мне пришла в голову мысль о Троянском коне, — говорит Исидор. — Не мог ли он получить с покупкой закамуфлированное устройство, содержащее, к примеру, микродрона или что-то вроде этого, что могло бы положить письмо в то место, где бы оно попалось на глаза мистеру Анру? В таком случае устройство могло попасть в замок довольно давно и бездействовало, пока не было активировано.

— Я считаю это маловероятным, — говорит Одетта. — Каждый купленный предмет Кристиан проверяет самым тщательным образом и привлекает к проверке экспертов. И даже если бы такое устройство было в замке, оно оставило бы след в экзопамяти.

— Верно. — Исидор смотрит на нее с любопытством. — А у

вас имеется собственная теория?

— Мне платят не за это, — говорит Одетта. — Но я хотела бы… Ладно, надо сказать, что за время моей работы здесь я видела, как наш дорогой Кристиан занимался вещами куда более эксцентричными, чем написание писем от руки. — Она улыбается, но на этот раз выглядит более старой и злой. — Им легко овладевает скука. Ради вашего же блага, мистер Ботреле, я надеюсь, что вы создаете загадки не хуже, чем их разгадываете. И что сыщик в вас сильнее, чем модник. Ваш гардероб определенно нуждается в улучшении.

В тот вечер, возвращаясь домой, Исидор все еще думает о письме. И понимает, как сильно скучал без медленно разворачивающейся в голове схемы новой тайны.

Лин, должно быть, еще не легла: в кухне горит свет. Он вспоминает, что не ел с самого утра, и заказывает кухонному фабрикатору порцию ризотто.

Пока он наблюдает за тем, как рычаг фабрикатора танцует над тарелкой, производя атомным лучом зернышки риса, Исидор размышляет об Анру. С ним что-то не так. Предположение Одетты о том, что его позвали для участия в какой-то замысловатой шараде, весьма вероятно. Но этому слишком нескладному замыслу не хватает реальности.

При виде исходящей паром тарелки он решает, что голод способствует мыслительному процессу, а потому оставляет ее на кухонном столе и уходит в комнату.

— Выдался долгий день?

На его кровати, скрестив ноги и забавляясь с зеленым монстром, сидит Пиксил.

— Что ты здесь делаешь? Как ты попала в комнату?

Он намеренно исключил Пиксил из своего гевулота несколько дней назад. Что-то вроде местной анестезии, заставляющей онеметь поврежденный орган.

Пиксил поднимает кольцо сцепления. По едва заметной зернистости ее силуэта он понимает, что это изображение рождено утилитарным туманом.

— Знаешь, это не просто средство связи, — говорит она. — Я устала играть в игру под названием «Догадайся, что думает твой приятель». Полагаю, она началась по твоей инициативе.

— Ты…

— Серьезно? Нет. Но большинство зоку могли бы — в этом нет сомнения. Мне нравится этот парень. Он получил имя?

— Нет.

— Жаль. Ему бы оно пригодилось. Что-нибудь из Лавкрафта, возможно. Хотя там более крупные и скользкие существа с

щупальцами.

Исидор молчит.

— Я вижу, ты слишком занят, чтобы поговорить? — говорит Пиксил. — Наверно, я устала и от игры в «Давай поговорим о наших чувствах».

Некоторое время Пиксил просто смотрит на него.

— Я понимаю. И я шла, чтобы предложить новую систему ведения счета. Одно очко каждый раз, когда ты скажешь истинную правду, а переход на следующий уровень открывается подлинными эмоциональными откровениями. Но я вижу, что напрасно потратила время. — Она складывает руки на груди. — Знаешь, если бы я попросила Дратдора, он мог бы соорудить модель эмоционального реагирования, которая точно указала бы, что заставляет тебя убегать.

В голове Исидора возникает кошмарная мысль.

— Тебе ведь не приходилось иметь дело с этим ле Фламбером, а?

Он упирается в границы, определенные гевулотом в отношении предложения Анру, и язык словно примерзает к гортани. Но это очень похоже на Пиксил. Устроить сложнейшую шараду, чтобы восстановить его доверие. Он с ужасом сознает, что не в силах сразу отказаться от этого предположения.

— Представления не имею, о чем ты толкуешь, — говорит она. — Мне ясно, что ты хочешь сосредоточиться на *важных* делах. Я пришла сказать, что вне зависимости от того, в какую игру ты играешь — а я играю лучше, можешь мне поверить, — ход за тобой.

Она исчезает. Кольцо сцепления и зеленый монстр с глухим стуком падают на кровать. Монстр приземляется на спину и беспомощно бьет по воздуху щупальцами.

— Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, — говорит Исидор.

Он поднимает существо и переворачивает его, получив в ответ благодарный взгляд огромных глаз. Исидор ложится рядом и смотрит в потолок. Он понимает, что должен бы подумать о Пиксил и о способах примирения с ней, но мысли упрямо возвращаются к письму. Письмо — это физический объект. У него имеется отправитель. Кто-то должен был его написать. Экзопамять не могла не зафиксировать, откуда оно появилось. Поэтому должна быть возможность отыскать отправителя в экзопамяти. Если только…

Если только сама экзопамять не повреждена.

При этой мысли он ошеломленно моргает. Это все равно что сказать, будто сила тяжести не равна 0,6 *g* или что солнце завтра

утром может не появиться. Но как ни абсурдна эта мысль, она все объясняет. И не только эту загадку, но и нечто большее, что маячит во тьме вне его досягаемости. Наверно, справедливо высказывание: «Если исключить все невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно ни казалось»[30].

К ногам прикасается что-то холодное, и он невольно вскрикивает. Это зеленое существо исследует пространство под одеялом. Исидор вылавливает его и сердито разглядывает. Монстр с невинным видом помахивает щупальцами.

— Знаешь, — говорит Исидор, — я буду звать тебя Шерлок.

Как и было обещано, Одетта помогает ему в выборе костюма для званого вечера. Половину дня они проводят на Устойчивом проспекте. Праздник посвящается Времени, и портной ловкими искусными движениями снимает с него мерки для костюма, представляющего Сол Лунаэ, второй день дарианской недели, черный с серебром.

— Разве Луна не женского рода? — протестует Исидор, услышав от Одетты о проекте наряда.

— Кристиан все тщательно обдумал, — говорит она, внимательно рассматривая проекции различных моделей на худощавой фигуре Исидора. — Я бы не стала с ними спорить: мне ни разу не удавалось убедить его изменить мнение. Надо попробовать другую ткань, возможно, бархат. — Она улыбается. — Луна к тому же символизирует тайну и интуицию. Вероятно, именно это он в вас и видит. А может, и нет.

После этого Исидор умолкает и без жалоб переносит мучительный процесс.

Покончив с покупками, он возвращается в замок и начинает исключать невозможное, переходя от одной гипотезы, объясняющей появление письма, к другой, более сложной. Он обдумывает и возможность самостоятельного концентрирования бумаги, и пелену-невидимку, достаточно изощренную, чтобы обмануть вездесущие сенсоры экзопамяти. Но все предположения приводят к одному недоказуемому выводу: нарушена работа самой экзопамяти.

Один из Спокойных-слуг приносит ему легкий ланч, который Исидор съедает в одиночестве. Вероятно, миллениар слишком занят в эти последние дни, проводимые в теле Достойного, чтобы уделять Время уже запущенному в ход процессу.

После полудня Исидор рассматривает возможность манипулирования экзопамятью. Он щурится до тех пор, пока голова не распухает от технической информации о распределенной повсеместной связи и квантовой криптографии

ключей доступа, о задаче византийских генералов[31] и разделенных секретных протоколах. Экзопамять присутствует повсюду. Ее микроскопические распределенные сенсоры в каждой частице интеллектуальной или латентной материи регистрируют все — от событий до изменений температуры, от движений до мыслей объекта, и доступ к ней контролируется только гевулотом. Но память создана только для процесса записи, с колоссальным резервом. Для вторжения и изменения экзопамяти потребовались бы технологические и компьютерные ресурсы, намного превосходящие возможности любого из граждан Ублиетта.

Осознание окатывает Исидора леденящим холодом. Возможно, на Анру и впрямь нацелились какие-то силы из других миров.

После прогулки в саду, где человек в синем комбинезоне трудится над цветниками Анру с помощью Спокойного-слуги, он просматривает доступную ему экзопамять замка в поисках других пробелов. Исидор сидит в одном из кресел библиотеки и вспоминает. Весь этот год Анру вел размеренную, почти отшельническую жизнь, если не считать участия в редких вечеринках. В памяти запечатлелись и редкие моменты, отмеченные экзотическими куртизанками с улицы Змеи, что навело Исидора на мысль об Адриане Ву. Интересно, что бы написал журналист о его новом патроне? Но по большей части Анру проводит свое время в одиночестве, иногда встречается с торговцами антиквариатом, обедает один и проводит бесконечные часы за чтением в своей библиотеке.

Он уже почти готов сдаться — невозможно усвоить такое множество деталей за один раз, — но затем решает обобщить воспоминания, относящиеся к книге, которую ему показывал Анри, описывающей жизнь графа Исиды. В последний раз Анру читал ее четыре недели назад. И в памяти…

Ему потребовалось всего несколько мгновений. После чего Исидор вскакивает на ноги и отправляется на поиски Одетты. Она следит за подготовкой приема в маленьком кабинете восточного крыла замка, и вокруг, словно замершая во времени стая птиц, парят спайм-приглашения.

— Я хочу видеть мистера Анру.

— Боюсь, это невозможно, — говорит она. — У Кристиана осталось всего несколько дней, и, насколько я знаю, он решил распорядиться ими по своему желанию.

— У меня к нему несколько вопросов.

— Мистер Ботреле, я бы на вашем месте, — говорит Одетта, — удовлетворилась предназначенной вам ролью в этой

небольшой драме. — Она притрагивается к виртуальному листку, висящему в воздухе. Появляется женское лицо, Одетта изучает его, легонько касаясь своих губ кончиком ручки. — Актриса лайфкаст. Не думаю, что она подойдет. Иногда я думаю, что могла бы стать композитором. Организация приема очень похожа на сочинение симфонии: необходимо учитывать, как различные инструменты дополняют друг друга. Для меня вы, мистер Ботреле, еще один инструмент. Кристиан доверил мне дирижировать его последним днем. Поэтому, прошу вас, оставьте свои драматические откровения до приема. Я всегда говорила, что самое главное в спектакле — это расчет времени.

Исидор складывает руки на груди.

— Однажды я услышал одну цитату, — говорит он. — Если я поскользнулся на банановой кожуре, — это трагедия. А если ты упал в яму и разбился, — это комедия. Интересно, что я смог бы выяснить, если бы больше внимания уделял *вам*.

Она стойко выдерживает взгляд Исидора.

— Мне нечего скрывать, — наконец отвечает Одетта.

Исидор улыбается и молчит. Она первой отводит глаза.

— Хорошо, — говорит Одетта. — Думаю, ему не повредит немного отвлечься.

Анру встречается с ним в одной из галерей замка. Он в халате и очень неприветлив. Исидор замечает, как кто-то удаляется по коридору, под прикрытием гевулота, и гадает, каким делом миллениар пожертвовал ради встречи с ним.

— Мистер Ботреле. Мне сказали, что вы что-то выяснили.

— Верно. Я убежден, что ваше беспокойство не напрасно и здесь замешаны какие-то чужеземные силы. Я помогу вам подготовиться к вечеру надлежащим способом.

— Наверно, я должен поблагодарить вас за то, что вы не согласились с Одеттой и не заявили, будто письмо написал я сам, — говорит Анру. — И что же дальше?

— Ничего. Местная экзопамять подверглась каким-то манипуляциям, и я не в силах определить, кто и как это сделал. Но я пришел поговорить не об этом.

— Вот как?

Анру приподнимает брови.

— Просматривая экзопамять в поисках пробелов, я заметил, что вы часто обращались к жизнеописанию графа Исиды, и вернулся к первому появлению этой книги. Признаю, что я, возможно, злоупотребил данными вами полномочиями, но считал важным изучить все аспекты этого дела и со всех точек зрения.

— В самом деле.

— Я не мог не отметить вашу… реакцию на данный текст. —

Анру закричал, отшвырнул книгу на другой конец комнаты, стал сбрасывать с полок другие книги, опрокинул планетарную модель с такой силой, какой нельзя было предполагать в его хрупком теле, а потом рухнул в свое кресло. — Если я прав, вскоре после этого вы приняли решение раньше срока уйти в Спокойствие. Что же такое вы там увидели?

Анру вздыхает.

— Мистер Ботреле, возможно, я должен внести ясность: вы проводите здесь не рядовое расследование. Я не уполномочивал вас вмешиваться в мою личную жизнь и рассматривать причины тех или иных действий. Я прошу вас защитить мою собственность и меня лично от того обстоятельства, которое я нашел угрожающим.

— Вы наняли меня для того, чтобы раскрыть тайну, — говорит Исидор. — И я уверен, не только тайну появления письма. Я, кстати, запросил информацию и о графе Исиды.

— И что вы узнали?

— Ничего. Я не смог найти в общественной экзопамяти ни одного упоминания о графе равнины Исиды. Широкой общественности неизвестно о его существовании.

Анру подходит к одному из широких окон галереи и смотрит вдаль.

— Мистер Ботреле, я признаю, что был не совсем честен с вами. В душе я надеялся, что вы самостоятельно выясните некоторые вещи, что вы и сделали. — Он прижимает ладонь к стеклу. — Странные дела происходят, когда ты богат. Даже если богатство это искусственное, как в нашем обществе. Развивается своего рода солипсизм. Мир подчиняется твоей воле. Все становится твоим отражением, и спустя некоторое время становится скучно смотреть даже себе в глаза.

Он снова вздыхает.

— И я решил поискать более твердую почву в прошлом, у наших истоков, в нашей истории. Думаю, никто из нашего поколения не приложил столько усилий к изучению Королевства и Революции, как я.

— Поначалу эта идея казалась мне отличным спасением. Такая яркая жизнь по сравнению с нашим пресным существованием, реальная борьба, реальное зло, стремление победить тиранию, отчаяние и надежда. Граф Исиды, организующий заговор против тирана. Драма. Интрига. А Революция! Я покупал воспоминания у выпрашивающих Время нищих. Я помню, как был здесь, в долине Харсакис, как раздирал тела Достойных алмазными когтями.

Но через некоторое время я стал понимать, что здесь что-то

не так. Чем глубже становились мои изыскания, тем больше я встречал несоответствий. Люди, появляющиеся в жизнеописаниях, купленных на черном рынке, мемуары, противоречащие друг другу. Жизнь графа Исиды натолкнула меня на первое откровение, и вы… видели, какой была моя реакция.

Анру судорожно сжимает кулаки.

— Я утратил свою веру в прошлое. В нем что-то не то. Что-то неправильно в том, что нам известно. Вот почему я не хотел, чтобы вы изучали тексты в моей библиотеке. Я не хотел, чтобы подобное чувство возникло у кого-то еще. Возможно, правы философы древности и мы живем в какой-то имитации, мы игрушки каких-то сверхчеловеческих богов; возможно, Соборность давно одержала верх, мечты Федорова осуществились, и от нас остались одни воспоминания.

— А если не доверяешь истории, какой смысл заботиться о настоящем? Я больше так не могу. Стану просто Спокойным.

— Я уверен, всему этому существует объяснение, — говорит Исидор. — Возможно, вы стали жертвой фальшивки; возможно, стоит исследовать источники вашей библиотеки…

Анру разочарованно машет рукой.

— Все это уже не имеет значения. Когда я уйду, вы можете поступать с этими знаниями как угодно. Еще одно мгновение совершенства, и со мной будет покончено. — Он улыбается. — Но я рад, что оказался прав насчет ле Фламбера. Этот поединок должен стать захватывающим. — Он кладет руку на плечо Исидора. — Я благодарен вам, мистер Ботреле. Я давно хотел с кем-нибудь это обсудить. Одетта много для меня значит, но она бы не поняла. Она существо нынешнего дня, и мне следовало стать таким же.

— Я ценю ваше доверие, — говорит Исидор, — но я все же считаю…

— Не будем об этом больше говорить, — решительно прерывает его Анру. — Теперь вы должны заниматься только приемом и нашим вором. Да, кстати, должен ли я попросить Одетту принять какие-то дополнительные меры безопасности?

— Мы могли бы потребовать полного раскрытия гевулота при входе или установить серию агор в парке…

— Какая бестактность! Ни за что! — Анру хмурится. — Одно дело быть обкраденным, но совсем другое — нарушить приличия.

10. Вор и второе первое свидание

Мы снова встречаемся в первый раз, когда Раймонда ест свой обед неподалеку от детской игровой площадки. На ее коленях и на скамье разложены ноты, она изучает их и свирепо вгрызается в яблоко.

— Простите, — произношу я.

Она приходит сюда ежедневно, чтобы торопливо проглотить обед из недолговечного стаканчика, словно чувствует себя виноватой в том, что позволила себе передышку. Дети постарше словно обезьянки карабкаются по высоким решеткам для лазанья, малыши возятся в песочнице с мягкими синтбиотическими игрушками. Она сидит на краешке скамьи, неудобно подогнув ноги, словно готовая в любой момент вскочить и убежать.

Она поднимает голову и хмурится. Ее гевулот приоткрыт ровно настолько, чтобы можно было заметить неприветливое выражение ее горделивого и угловатого лица. От этого оно почему-то кажется еще более привлекательным.

— Да?

Мы обмениваемся краткими и скудными приветствиями через гевулот. Программа гогол-пиратов ищет лазейки для вторжения, но пока ничего не находит.

Вместе с «Перхонен» мы искали ее на агорах и в общедоступной экзопамяти, и после нескольких часов работы она перед нами: неожиданно отчетливое воспоминание о девушке в аккуратной бежевой юбке и блузке, целеустремленной походкой пересекающей агору. В отличие от большинства марсиан, попадающих под всеобщее обозрение, ее лицо не застыло неподвижной маской; она кажется очень серьезной и погружена в свои мысли.

Днем раньше я под другой личиной украл у нее один листок с нотами. И теперь протягиваю его ей.

— Мне кажется, это ваше.

Она растерянно кивает.

— Благодарю вас.

— Должно быть, вы обронили его накануне. Я нашел лист на земле.

— Очень хорошо, — говорит она.

Она все еще настороже: ее гевулот скрывает даже ее имя, и если бы я заранее не изучил ее лицо, то забыл бы его сразу же по окончании нашего разговора.

Она живет где-то на окраине Пыльного района. Занимается чем-то, связанным с музыкой. Ведет размеренную жизнь. Ее

гардероб скромен и консервативен. Мне все это почему-то кажется странным: противоречит улыбке, запечатленной на снимке. Но за двадцать лет многое могло измениться. Возможно, она недавно побывала в состоянии Спокойствия — обычно это побуждает молодых марсиан с особым старанием накапливать Время.

— Знаете, это очень хорошо.

— Простите?

— Музыка. Ноты записаны в аналоговой форме, и я не удержался, чтобы их не просмотреть. — Я предлагаю ей фрагмент гевулота. Она принимает его. *Есть*!

— Меня зовут Рауль. Извините за навязчивость, но я долгое время искал повод поговорить с вами.

— *Это не сработает*, — шепчет мне «Перхонен».

— *Обязательно сработает. Женщина никогда не сможет устоять против хорошего вступления. Таинственный незнакомец на садовой скамье? Это ей нравится.*

— Что ж, я рада, что вы его нашли, — говорит она.

И приоткрывает еще часть гевулота: у нее имеется приятель. Проклятье. Но мы еще посмотрим, насколько он может помешать.

— У вас есть постоянный заказчик? — Еще один блок гевулота. — Прошу прощения за назойливость. Мне просто любопытно. А что это?

— Опера. На тему Революции.

— А. Понятно.

Она встает.

— Мне пора на занятие с учеником. Была рада с вами встретиться.

— *Вот, пожалуйста*, — говорит «Перхонен». — *Костер не разгорелся*.

Ее аромат — с оттенком хвои — проникает прямо в мой мозжечок и пробуждает воспоминание о воспоминании. Мы танцуем на стеклянном полу какого-то клуба в Чреве до самого рассвета. Так проходила наша первая встреча?

— У вас там небольшая проблема с отрывком a капелла, — говорю я. Она нерешительно молчит. — Я могу подсказать, как это исправить, если вы согласитесь со мной поужинать.

— Почему я должна следовать вашему совету? — спрашивает она, забирая у меня листок с нотами.

— Это не совет, просто предложение.

Она изучает меня, и я демонстрирую лучшую из своих улыбок. Я немало времени провел перед зеркалом, приноравливаясь к новому лицу.

Она отводит локон темных волос с бледного лба.

— Хорошо. Вы меня убедили. Но место встречи я выберу сама. — Она посылает мне отрывок разделенной памяти с указанием местечка возле мемориала Революции. — Ждите меня там в семь часов.

— Договорились. Как, вы сказали, ваше имя?

— Я этого не говорила, — отвечает она и уходит вдоль детской площадки, постукивая каблучками по тротуару.

В то время как вор ищет в городе свою любовь, Миели пытается заставить себя допросить василева.

Пуля гостгана — не больше булавочной головки — заключает в себе достаточную компьютерную мощность, чтобы овладеть человеческим разумом. Она заключает ее в сапфировый футляр, обеспечивающий состояние дремоты, и подбрасывает на ладони, все еще не привыкнув к ощущениям гравитации. Даже этот крошечный предмет имеет вес, словно неудача; ее ладонь раз за разом ощущает легкие удары.

Это война, говорит она себе. *Они ее начали. Что еще мне остается делать?*

Гостиничная комната кажется ей слишком маленькой, слишком замкнутой. И неожиданно для себя она выходит в город, все еще с зажатой в руке пулей, и шагает по уже знакомому Устойчивому проспекту, довольно спокойному в ясный полдень.

Ее волнение, возможно, обусловлено биотической связью с вором. После его попытки скрыться она не осмеливается ее подавлять, особенно сейчас, когда против своей воли дала возможность изменять внешность и ментальный облик. Поэтому все время ощущает его беспокойство, словно мучается от воображаемого зуда.

Она останавливается, чтобы съесть насыщенную и ароматную пищу, поданную молодым парнем, не перестающим улыбаться и забрасывать фрагментами воспоминаний с непристойными предложениями, пока она не закрывается гевулотом и не сосредотачивается на еде. Блюдо, названное мясным ассорти с бобами, вызывает неприятное чувство тяжести.

— Как там дела? — спрашивает она у «Перхонен».

— *Он только что уговорил ее на первое свидание*, — отвечает корабль.

— Прекрасно.

— *Похоже, ты не слишком обрадовалась. Это непрофессионально.*

— Мне надо некоторое время побыть одной. Присмотри за ним вместо меня.

— *Конечно. Хотя ты и сама могла бы за ним проследить. В качестве развлечения.*

Миели отключает связь. *Развлечение*. Она идет дальше, стараясь подражать легкой походке одетых в белое марсиан и жалея, что не имеет возможности снова летать. Спустя некоторое время небо кажется ей слишком большим. Ближайшее здание похоже на какой-то храм, и она входит внутрь, надеясь найти спокойное пристанище.

Она не знает, какому божеству здесь поклоняются, и не имеет желания это выяснять. Но высокий сводчатый потолок напоминает ей о просторных храмах Илматар на Оорте, о ледяных пещерах, посвященных богине воздуха и простора. Поэтому негромкая молитва кажется ей вполне уместной.

Мать воздуха, даруй мне мудрость,

Дочь неба, силы мне дай.

Укажи сироте дорогу к дому,

Направь заблудшую птицу к южным краям.

Прости дитя, чьи руки в крови,

Прости того, кто портит твое создание

Дурными делами и дурными мыслями, кто оставляет шрамы и раны,

Оскверняющие твою песнь.

Покаянная молитва наводит на мысли о доме и о Сидан, и от этого ей становится легче. Еще некоторое время она сидит за столиком, а затем возвращается в отель, затемняет окна и достает из футляра пулю.

Где? А…

— Привет, Анна.

Это ты.

Да. Слуга Основателя.

Разум василева смеется. Миели дает ему голос, но не детский, а настоящего василева — мужской, плавный и низкий. Ей почему-то так легче.

— Это был не Основатель. Но достаточно умный, чтобы нас обмануть. Но это не Чен и не Читрагупта, — говорит разум.

— Речь идет не о нем, — шепчет Миели. — С тобой покончено. Ты стал препятствием для достижения Великой Всеобщей Цели. Но из милосердия я даю тебе возможность перед Безмолвием свободно и добровольно высказаться, чтобы искупить свою вину.

Василев снова смеется.

— Мне наплевать, на кого ты работаешь, ты всего лишь слуга. К чему тратить слова на исследование моего разума? Спиши его в расход и не трать время Основателя своей болтовней.

Миели с отвращением лишает его голоса. Затем вызывает из своего метамозга гогола-хирурга и приказывает ему приступать к

делу. Он запирает разум в «песочницу» и начинает резать; он отделяет высшие функции сознания, вознаграждающие и наказывающие. Процесс напоминает работу скульптора, только наоборот: не поиски определенного образа в камне путем отсечения, а разделение на отдельные части и формирование из них нечто нового.

В результате работы гогола-хирурга происходит ассоциативное обучение смоделированных групп нейронов, выдающих подборки информации. Спустя некоторое время она прекращает процесс. Приступ тошноты заставляет Миели поспешно скрыться в ванной комнате, где она извергает вонючие и отвратительные остатки своего обеда.

К василеву она возвращается, ощущая во рту противный кисловатый привкус.

— Привет, дорогая, — обращается он к ней странно оживленным тоном. — Что я могу для тебя сделать?

— Для начала можешь рассказать о Жане ле Фламбере все, что тебе известно, — говорит Миели.

Раймонда слегка опаздывает и намеренно проходит через небольшую агору рука об руку с высоким симпатичным парнем, обладающим львиной гривой. Он явно моложе своей спутницы и целует ее на прощание. Затем она машет мне рукой. Я встаю и придерживаю ее стул, пока она усаживается. Она с легким кокетством принимает проявление вежливости.

Я ждал ее в маленьком ресторанчике, выбрав место под открытым небом, рядом с обогревателем. Это необычное заведение с простыми стеклянными дверями и простой вывеской, но внутри сплошной фейерверк красок и экзотики — прозрачные сосуды с чучелами чужеземных существ, стеклянные глаза и яркие картины. После того как я проиграл в уме нашу первую встречу и понял, что она отреагировала не на таинственность, а на поддразнивание, я немного изменил свою внешность. Ничего такого, что могло бы еще больше открыть гевулот, просто добавил немного мальчишеского озорства.

— Как прошло занятие?

— Хорошо. Дочь молодой пары. Огромный потенциал.

— Потенциал — это главное. Как и в твоей музыке.

— Не совсем, — говорит она. — Я немного подумала. Ты блефуешь. Эта пьеса не нуждается в доработке. Тебе, конечно, известно, что это Ублиетт, а я красивая девушка. Подобные случаи не редкость. — Она слегка наклоняет голову, позволяя волосам свободно свисать на плечо. — Таинственный незнакомец. Интуиция. Все так? Это уже устарело.

Она уверенно диктует дрону-официанту два заказа.

— Я еще даже не заглянул в меню, — говорю я.

— Ерунда. Ты обязательно должен попробовать зебру под соусом терияки. Это восхитительно.

Я развожу руками.

— Ладно. Я думал, здесь так принято. Итак, почему же ты согласилась со мной встретиться?

— Может, все наоборот, и именно я охотилась за тобой.

— Может быть.

Она выбирает оливку из тарелки с закусками и тычет в меня шпажкой.

— Ты проявил исключительную вежливость. И не слишком усердствовал со своим гевулотом. Ясно, что ты нездешний. А это очень интересно. А теперь ты у меня в долгу. А это всегда может пригодиться.

Проклятье. Я запрашиваю пиратскую программу. Она все еще пытается взломать ее гевулот, но пока без особого успеха. Похоже, она не намерена поддаваться.

— Признаю свою вину. Я купил гражданство. А прибыл с Цереры[32], из Пояса.

Ее брови удивленно приподнимаются. Марсианское гражданство купить не так уж легко; обычно требуется согласие Голоса. Но гоголы-пираты, по-видимому, отлично поработали над легендой этой личности, осторожно подбрасывая необходимые фрагменты в экзопамять.

— Интересно. А почему ты решил приехать сюда?

Я широким жестом обвожу окрестности.

— У вас есть *небо*. В вашем распоряжении настоящая планета. И вы на ней что-то сделали. У вас есть *мечта*.

Она смотрит на меня с таким же интенсивным рвением, с каким откусывала яблоко за обедом, и вдруг мне кажется, что она и меня укусит.

— Так думает множество людей. Да, мы, безусловно, кое-что сделали; для начала развязали ужасную гражданскую войну, в результате которой появились саморазмножающиеся машины-убийцы, и они свели на нет все успехи по преобразованию планеты, достигнутые правителями-рабовладельцами перед тем, как их истребили. — Она улыбается. — Но ты прав, у нас где-то здесь есть мечта.

— Знаешь, никто до сих пор мне не сказал, как часто они нападают…

— Нападают? Ты имеешь в виду фобоев? Когда как. В большинстве случаев ты этого даже не заметишь, в крайнем случае услышишь далекие раскаты. С ними справляются Спокойные. Иногда молодежь на планерах отправляется

посмотреть на бои. Я тоже так делала, когда была моложе. Потрясающее зрелище.

Переданный мне фрагмент воспоминаний вызывает изумление. Белокрылый планер из интеллектуальной материи; внизу грохот и пламя, лазерные лучи мечутся в оранжевом тумане, черная лавина *тварей* разбивается о строй Спокойных, вызывая ослепительную вспышку. И при этом там с ней кто-то еще, обнимает ее, целует в шею…

Я делаю глубокий вдох. Пиратская программа цепляется за фривольное воспоминание и начинает его перемалывать.

— Что случилось? — спрашивает она. — Ты выглядишь растерянным.

Я замечаю, что на столике появилась еда; аппетитные запахи выдергивают меня из воспоминаний, оставляя с открытым ртом от сенсорной перегрузки. Официант — темнокожий парень с неровными белыми зубами — смотрит на меня с усмешкой. Раймонда кивает в его сторону.

— Это местечко приводит меня в замешательство, — говорю я.

— Это свойство всех интересных мест. Именно такой я хочу создать свою музыку, относительно которой у тебя так много идей.

— Ты хочешь, чтобы у слушателей участились сердечные приступы?

Она смеется.

— Нет, я хотела сказать, что все мы тоже растеряны. Прекрасно разговаривать о Революционной мечте, о воссоздании Земли, о крае обетованном и тому подобном, но в реальности все не так просто. К мечтам примешивается немалая доля ощущения вины. А молодое поколение так не думает. Я однажды была Спокойной и не хочу, чтобы это повторилось. А те, кто еще моложе меня, смотрят на зоку, на людей вроде тебя. И они не знают, что подумать.

— Как это было? Что значит быть Спокойным?

Я пробую принесенное блюдо. Зебра действительно восхитительна — темная и очень сочная. У Раймонды отличный вкус, возможно, она научилась этому у меня.

Она задумчиво крошит хлеб на своей тарелке.

— Это трудно объяснить. И все происходит стремительно: трансформация происходит сразу, как только твое Время истекает. Восстановители еще не успевают забрать твое тело, а ты уже там. Это все равно что получить удар. Твой мозг внезапно начинает функционировать иначе и в другом теле, с другими ощущениями. Но после того как шок проходит, все оказывается не

так уж плохо. Ты полностью сосредотачиваешься на своей работе, и эта целеустремленность доставляет удовольствие. И ты чувствуешь по-другому. Ты не можешь говорить, но видишь красочные сны, которыми можно делиться с другими. И еще, в зависимости от особенностей тела, появляется ощущение силы. Порой это… возбуждает.

— Выходит, у Спокойных есть что-то вроде сексуальной жизни?

— Возможно, ты когда-нибудь сам об этом узнаешь, чужеземный мальчишка.

— В любом случае, все это звучит совсем не так страшно, — говорю я.

— Об этом ведутся бесконечные споры. Бóльшая часть молодежи считает, что все дело в чувстве вины. Но Голос никогда не давал обещаний перестроить систему. Ты можешь задать вопрос: неужели нельзя решить проблему иначе? Неужели нельзя обойтись силами синтбиотических дронов?

— Но все не так просто. Когда возвращаешься, ты некоторое время остаешься в смятении. Ты смотришь в зеркало и видишь другого себя. И это вызывает грусть. Как в случае с сиамскими близнецами — разделиться по-настоящему невозможно.

Она поднимает свой бокал — вино тоже выбирала Раймонда, это совиньон из долины Дао. Я припоминаю, что ему приписывают возбуждающий эффект.

— Выпьем за растерянность, — говорит она.

Мы пьем. Вино насыщенное, крепкое, с запахом персика и жимолости. С первым же глотком приходит странное чувство: смесь ностальгии и первого проблеска страсти. Мой прежний я, должно быть, усмехается, глядя из зеркала.

— Они хотели его заполучить, — охотно отвечает василев.

После каждого ответа на вопрос гогол-хирург стимулирует его центры удовольствия. С другой стороны, это сокращает время его ответов.

— Кто?

— Скрытые. Они здесь правят. Они обещали за него души, сколько мы захотим.

— Кто они?

— Они говорят чужими ртами, как иногда делают Основатели. Мы согласились, почему нет, почему не поработать на них? Цель, в конце концов, поглотит их всех, все будет брошено к алтарю Федорова, и почему не сходить в музей и не посмотреть на слонов?

— Покажи мне.

Но связь с василевом прерывается. Миели, стиснув зубы,

восстанавливает предыдущую версию и приказывает гоголу-хирургу начать все сначала.

Ужин заканчивается десертом, а потом мы гуляем по Черепашьему парку. Мы разговариваем, и ее гевулот мало-помалу открывается.

Она родилась в медленногороде Казей. Провела бурную юность, безрассудно растрачивая Время, потом остепенилась (вероятно, сошлась с более взрослым мужчиной). Она не забывает о моем долге и заставляет купить мороженое у девочки в белом переднике. Она сама выбирает нам ароматические добавки — какое-то странное синтетическое сочетание, которому я не могу подобрать названия, но напоминает одновременно мед и дыню. Я стараюсь ненадолго задержаться на тех отрывках, которыми она делится, и только потом бросаю их в ненасытную пасть пиратской программы.

— Мое желание написать оперу, — говорит она, когда мы со стаканчиками мороженого садимся у фонтана в стиле Королевства, — вызвано тем, что я хочу создать нечто *большое*. Революция была большой. Ублиетт большой. Никто не может встать у него на пути. Что-то грандиозное, с гогол-пиратами и зоку, и восстанием, и большим шумом.

— Ублиетт-панк, — говорю я.

Она как-то странно смотрит на меня, потом качает головой.

— Называй как хочешь, но я хочу это создать.

С нашей скамейки можно увидеть парк Монгольфье, расположенный на другом краю парка, надутые шары вырисовываются над горизонтом, словно разноцветные фрукты. Она жадно рассматривает их.

— А ты никогда не думала о том, чтобы отсюда уехать? — спрашиваю я.

— А куда? Я знаю, существует бесконечное множество возможностей. Конечно, думала. Но я большая шишка на ровном месте и предпочитаю такой и остаться. Здесь, как мне кажется, я могу хоть что-то изменить. В другом месте — не уверена.

— Мне знакомо это чувство.

К моему собственному удивлению, это действительно так. Так соблазнительно остаться здесь, сделать то, что в моих силах, что-то построить. Вероятно, *он* чувствовал это, когда приехал сюда. Или *она* внушила ему это чувство.

— Конечно, это не означает, что я лишена любопытства, — говорит она. — Может, ты покажешь мне, что значит жить там, откуда ты приехал.

— Не думаю, что это интересно.

— Ну же, я хочу посмотреть.

Она берет меня за руку и сжимает пальцы. У нее теплая, немного липкая от мороженого ладонь. Я роюсь в своей фрагментированной памяти в поисках видов. Ледяной замок в облаке Оорта, кометы и ядерные реакторы, связанные между собой в одну сверкающую космическую систему, и следующие за ними крылатые люди. Город Супра, где здания своими размерами не уступают планетам, а купола и башни вздымаются до самого кольца Сатурна. Миры-пояса, окрашенные дикими синтбиотическими организмами в коралловый и красно-желтый цвета. Мозги *губерний* Внутренней Системы — алмазные сферы, украшенные ликами Основателей, полные бессмертия и интриг.

Как ни странно, но все это кажется менее реальным, чем то, что я, изображая из себя незначительного человека, сижу рядом с ней под марсианским солнцем.

Она впитывает воспоминание, прикрыв глаза.

— Не знаю, может, ты все это только что придумал, — говорит она, — но ты заслуживаешь небольшой награды.

Она целует меня. В первое мгновение я пытаюсь угадать, какой вкус был у ее мороженого. А потом растворяюсь в ощущении ее губ, ее языка, прикасающегося к моему. Она посылает мне откровенное совместное воспоминание, поцелуй в ее ощущениях, что-то вроде обмена мнениями.

Сервер пиратов в моей голове издает радостный возглас: он нашел лазейку, воспоминание обо мне, прореху в ее гевулоте, открывающую пропасть дежавю. Еще один поцелуй, на этот раз более продолжительный, совмещенный с поцелуем из прошлого. Химера прошлого и настоящего. Я игнорирую торжествующий рев пиратского сервера и отвечаю на поцелуй, тогда и сейчас.

— Расскажи мне о наставниках, — говорит Миели.

Она могла позволить гоголу-хирургу это сделать. Но на самом деле считает это безнравственностью. По крайней мере, она полна решимости нести это бремя в одиночестве.

— Аномалии, — с готовностью отвечает василев. — Наши худшие враги. Технологии зоку. Здесь идет яростная невидимая борьба между скрытыми и зоку. Наставники — это оружие. Квантовая технология. Театральность. Здешние жители им доверяют. По возможности мы пытаемся их уничтожать, но они искусно скрывают свои личности.

— Кто они?

— Скрытность. Безжалостный. Эффективный. Футурист. Быстрый. Лукавый.

Василев радостно подбрасывает красочные определения и образы. Фигура в маске и синем плаще; красный расплывчатый силуэт, движения которого не уступают Быстрым с Венеры.

Гипотетические личности, возможные цели, виды агоры и фрагменты экзопамяти.

— Джентльмен.

Человек в серебряной маске. А позади него…

— Нет, нет, — шепчет Миели. — Проклятье.

Она пытается добраться до вора, но биотическая связь молчит.

Уже становится поздно, когда мы добираемся до ее квартиры. Мы смеемся, спотыкаемся и останавливаемся, чтобы поцеловаться под пеленой гевулота, а иногда и открыто. Я пьянею от эмоционального коктейля: страсть, смешанная с чувством вины и ностальгией. Все это толкает меня на путь, который ведет к столкновению с жесткой и безжалостной поверхностью настоящего.

Она живет в одной из перевернутых башен, под городом. Мы спускаемся вниз на лифте, и в кабинке я целую ее в шею, а руки проникают под блузку и гладят шелковистую кожу живота. Она смеется. Пиратская программа впитывает каждое прикосновение, каждую ласку, которой позволено отложиться в памяти, и безжалостно вгрызается в ее гевулот.

В квартире она освобождается от моих объятий и прикладывает палец к губам.

— Если уж мы собираемся запомнить этот вечер, — говорит она, — пусть он будет этого достоин. Устраивайся поудобнее. Я сейчас вернусь.

Я сажусь на ее кровать и жду. Комната высокая, заставлена стеллажами, на которых разместились произведения марсианского искусства и артефакты старой Земли. Они кажутся мне знакомыми. На застекленной полке лежит старинный револьвер. Он вызывает неприятные воспоминания о Тюрьме. Еще здесь много книг и старый рояль. Красное дерево резко контрастирует с металлом и стеклом. Все это она позволяет мне увидеть и запомнить, и я чувствую, как приближается к критической массе улов пиратской программы, почти готовой высосать ее воспоминания до последней капли.

Слышится музыка, сначала очень тихая, потом громче и громче; это фортепьянная пьеса с красивой мелодией, прерываемой мучительно размеренными диссонирующими тактами.

— Итак, Рауль, скажи, — говорит она, усаживаясь рядом со мной в черном шелковом халате и с двумя бокалами шампанского в руках, — что же здесь неправильно?

В синей темноте под нами светятся неяркие огоньки Спокойных, тысячи больших и малых огоньков, словно

перевернутое звездное небо.

— Абсолютно ничего, — отвечаю я.

Мы сдвигаем бокалы, и ее пальцы соприкасаются с моими. Она снова целует меня, медленно и неторопливо, легонько поглаживая одной рукой мой висок.

— Я хочу это запомнить, — говорит она. — И хочу, чтобы *ты* это запомнил.

Я ощущаю на себе ее теплую тяжесть, ее духи окружают нас сосновым лесом, ее волосы щекочут мое лицо, как

капли, когда мы напились вместе с раввином Исааком и пели под дождем поздней ночью, по пути домой, и я тащил ее на себе, глядя на тучи сквозь ее промокшие волосы.

И пока музыка окружает нас, я вспоминаю,

как она, обнаженная, в первый раз играла для меня после того как мы любили друг друга и ее легкие пальцы медленно порхали над черно-белыми клавишами,

Ее руки чертят линии на моей груди,

планы, эскизы, схемы следуют одни за другими, и она поднимает один из моих набросков и говорит, что он похож на партитуру.

— Расскажи мне, — говорит она,

и я рассказываю о том, что я вор, и о маленьком мальчике из пустыни, мечтающем стать садовником, о желании начать новую жизнь, и, к моему удивлению, она не убегает, а просто смеется

негромко,

словно шаги танцующего кота в широкополой шляпе, Кота в сапогах, вышедшего из сказки в коридоры замка…

— Ты мерзкий ублюдок. Грязный мерзкий ублюдок! — кричит Раймонда.

Настоящее обрушивается на мою голову бутылкой шампанского. Я на мгновение отключаюсь, а когда прихожу в себя, оказывается, что я лежу на полу, а она стоит надо мной со старой тростью в руке.

Ты. Представляешь. Что ты наделал?

Ее лицо закрывает серебряная маска, голос становится неприятно резким. Я только успеваю подумать, какое место в этом мире занимает полиция, а потом, почти не удивившись, вижу, как в окно врывается Миели.

Миели разбивает крыльями псевдостекло. Осколки, медленно кружась прозрачными снежинками, разлетаются по комнате. Из метамозга выплескивается поток информации. Вор *здесь*, наставник *там* — ядро из человеческой плоти, окруженное облаком боевой утилитарной пыли.

Она отказалась от всякой деликатности в поисках вора и,

несмотря на риск обнаружения корабля, приказала «Перхонен» вычислить место, где был потерян сигнал биотической связи. А потом взмыла в небо под прикрытием пелены гевулота, не забыв бегло просмотреть имеющееся на корабле досье этой женщины. На то, чтобы составить полную картину, казалось, ушла целая вечность, но она не удивилась, выяснив, что наставник увел вора к себе домой.

Она пытается схватить вора и умчаться с ним как можно скорее, но пелена тумана опережает, покрывая крылья слоем густого геля, едва не проникая в легкие и блокируя гостганы. Она стреляет вслепую. Снаряд вылетает миниатюрным солнцем. Но туман действует быстрее. Она собирается вокруг яркой точки белым непрозрачным облаком, приглушая свет до мощности обычного гелевого светильника. А затем выходят из строя радиаторы ее крыльев, и Миели приходится возвращаться в реальное время.

Усиленный утилитарным туманом удар наставника не легче, чем столкновение с оортианской кометой. Он отбрасывает ее на застекленный стеллаж, за которым стоит стена. Она пробивает и то, и другое, штукатурка и кирпичи плотные, как мокрый песок. Броня стонет от напряжения, и ребро, усиленное текучим камнем, все-таки ломается. Метамозг подавляет боль; она поднимается из груды обломков. Это ванная комната. Из зеркала на нее смотрит ангел-чудовище.

Снова сыплются удары. Она пытается блокировать выпады, но они проскальзывают между ее руками. Наставник остается вне досягаемости, фоглеты образуют аморфные щупальца, подчиняющиеся ее воле. Миели сражается с призраком. Ей необходимо больше места. Она направляет поток энергии из ядерного реактора на бедре к микровентиляторам крыльев. Поднимается сильный ветер. Фоглеты рассеиваются. Она хватает воздух ладонью и глотает его, предоставляя работать гоголу. *Вот оно*. Вышедший из употребления боевой туман времен Протокольной войны. Гоголу потребуется несколько мгновений, чтобы определить оптимальные контрмеры.

Крылья освобождены, и она перенаправляет энергию, чтобы опять ускорить время. Теперь можно свободно приблизиться к наставнику, нагнувшись под застывшими фоглетами, которые для ее улучшенного взгляда превратились в замерзшие мыльные пузыри. Наставник замерла, словно статуя в серебряной маске. Миели атакует: тщательно нацеленного удара в мягкое основание шеи достаточно, чтобы лишить противника сознания…

…но кулак пронзает лишь образованный фоглетами силуэт.

Еще одной неожиданностью становится 120-децибельный

динамик, прижатый к барабанной перепонке. Вирусы с генетическим алгоритмом наводняют все системы, отыскивая пути к ее человеческому разуму в обход машин. В голове пищит пронзительный голос гогола. Она запускает его в туман и отключает все системы.

Внезапное возвращение к человечности ощущается как сильный приступ тяжелой болезни. На мгновение она остается беспомощной в щупальцах фоглетов, крылья бессильно повисают вдоль спины. Но затем срабатывают контрмеры, и туман рассыпается инертным белым порошком. Миели, закашлявшись, падает на пол — теперь остается полагаться лишь на собственную плоть.

В комнате царит полный разгром: обломки мебели, осколки стекол и мертвый туман. В центре, с тростью в руках, стоит наставник. Но у нее тоже остались только человеческие способности. Надо отдать ей должное, она быстро отреагировала и уже приближается к Миели, с поднятой тростью, быстрыми мелкими шажками бойца кендо.

Не поднимаясь с пола, она пытается сделать подсечку женщине в серебряной маске. Но та просто подпрыгивает — легко и невероятно высоко в марсианской гравитации — и нацеливает трость на голову Миели. Она перекатывается по полу, стремительным переворотом поднимается на ноги и делает выпад, но блокирующая трость заставляет ее поморщиться от боли.

— Прекратите. Остановитесь, — говорит вор.

У него в руках оружие — примитивный металлический предмет, кажущийся в его руках смехотворно громоздким. Но оно представляет опасность, и вор уверенно целится. *Конечно, он же провел в Тюрьме множество поединков*. А после атаки наставника блок дистанционного управления в его принадлежащем Соборности теле так же бесполезен, как и все ее системы.

— Я предлагаю всем нам присесть — если найдется на что — и обсудить все, как подобает цивилизованным людям, — заявляет он.

— Скоро здесь будут и остальные, — говорит Раймонда.

В голове у меня звенит, а из-за пыли в комнате лишь с большим трудом удается удержаться от кашля. Но я не могу не заметить блефа.

— Никого не будет. Как я догадываюсь, Миели выбила у тебя из рук туман. Но и сама осталась ни с чем, судя по тому, что я еще способен двигаться и говорить. Если бы не мое проклятое чувство долга, это был бы великолепный шанс скрыться.

Миели фыркает. Я покачиваю револьвером.

— Поищите себе что-нибудь, чтобы присесть.

Не сводя глаз с Миели, я отпиваю шампанского из чудом уцелевшего бокала. Горлу становится легче. Затем я усаживаюсь на фрагмент перегородки. Миели и моя бывшая подружка долго смотрят друг на друга, потом выбирают места с таким расчетом, чтобы наблюдать за всеми присутствующими.

— Должен признаться, мне льстит, когда женщины из-за меня вступают в бой. Но, можете мне поверить, я этого не стою.

— Ну, хоть в *чем-то* я с тобой согласна, — говорит Раймонда.

— *Знаешь*, — вмешивается «Перхонен», — *хоть я и нахожусь на высоте около четырех сотен километров, я все еще могу сжечь твою руку, если не опустишь оружие*.

— Ох.

— *Погоди. Это антиквариат. Вероятнее всего, оно не работает. Я блефую. Только не говори Миели, пожалуйста. Я хочу уладить это дело, чтобы никто не пострадал. Ладно?*

Для быстродействия гогола корабль медлит с ответом недопустимо долго.

— *Хорошо*, — в конце концов, отвечает она. — *У тебя одна минута*.

— *Опять ограничения во времени. Ты еще хуже, чем она.*

— Раймонда, познакомься с Миели. Миели, познакомься с Раймондой. Раймонду и меня связывают определенные отношения; с другой стороны, Миели обходится со мной так, словно нас связывают отношения. Но я признаю долг чести по отношению к ней и потому не жалуюсь. Почти. — Я набираю воздух в легкие. — Раймонда, здесь ничего личного. Но мне необходимо вернуть мое бывшее «я».

Она закатывает глаза и снова становится мучительно знакомой.

Я поворачиваюсь к Миели.

— Послушай, неужели все это было *так уж необходимо*? Я все контролировал.

— Я готова была оторвать тебе голову, — говорит Раймонда.

— Я полагаю, что верное слово в числе многих вещей, которые я не могу вспомнить, — со вздохом говорю я. — Слушай, забудь о тебе и обо мне. Я кое-что разыскиваю. Ты можешь мне помочь. Ты — наставник, и это очень хорошо. Кстати, могу поспорить, что и мы, в свою очередь, можем тебе кое в чем помочь. К примеру, в деле с гогол-пиратами. Можем предоставить огромное количество, преподнести на блюдечке.

Они обе смотрят на меня, и на мгновение мне кажется, что драка вот-вот начнется заново.

— Ладно, — говорит Раймонда. — Давайте поговорим.

Со вздохом облегчения я бросаю на пол оружие и мысленно благодарю Меркурия за то, что оно не выстрелило.

— Я полагаю, на секретность надеяться не стоит? — спрашиваю я, глядя на Миели.

Она ужасно выглядит: одежда снова разорвана в клочья, крылья опущены, словно сломанные голые ветки. Но смотрит угрожающе, так что я без слов понимаю, что она обо мне думает.

— Забудь о моем вопросе.

Раймонда подходит к разбитому окну, пряча руки в рукавах платья.

— Что случилось? — спрашиваю я ее. — Кем я был здесь? Куда я ушел?

— Ты и в самом деле не помнишь?

— В самом деле.

По крайней мере, пока. Новые воспоминания все еще возникают в моей голове, их слишком много, чтобы сразу во всем разобраться, и вместе с ними усиливается странная головная боль.

Она пожимает плечами.

— Это не имеет значения.

— Я что-то здесь оставил. Какие-то секреты. Инструменты. Фрагменты памяти. Не просто экзопамять, а нечто большее. Тебе известно, где это может быть?

— Нет. — Она хмурится. — У меня есть одна идея. Но моя помощь будет тебе стоить дороже, чем просто гогол-пираты. А твоя новая подруга должна мне новую квартиру.

Интерлюдия. Мудрость

Смерть отделяет от жизни всего несколько шагов. Впереди появляется свет: но каждый шаг дается с трудом, словно преодолеваешь толщу воды, и Батильда чувствует, как начинает всплывать, поднимаясь над своим телом, одетым в мягкий скафандр. Она видит себя, медленно бредущую вперед, видит отблески света на медном шлеме. Как ни странно, это кажется ей вполне нормальным. Она оставляет свое тело и поднимается к свету. Наконец приходит мысль…

… и она шагает в марсианские сумерки, и едва не падает, но ощущает поддержку двух крепких рук. Она моргает и жадно хватает ртом воздух. Затем оглядывается на зал, названный Переходом между Рождением и Смертью — низкое прямоугольное сооружение, отпечатанное Спокойным-строителем. Оно расположено в неглубоком котловане, примерно в миле от городской границы, в марсианской пустыне. Снаружи в нем нет ничего особенного — гравий и песок, склеенные бактериальной пастой, узкие щели и люки по бокам. На фоне стены, защищающей город от фобоев, оно кажется постройкой из детского конструктора. Но внутри…

— О Боже, — восклицает Батильда, набирая полную грудь воздуха.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спрашивает Поль Сернин, архитектор ее краткой смерти.

Он бережно поддерживает ее и отводит от выхода, откуда появляются другие ошеломленные гости. Ее протеже торжествующе усмехается за стеклом скафандра.

— Похоже, тебе не помешает выпить.

— Обязательно, — отвечает Батильда.

Поль протягивает ей бокал шампанского в ку-сфере. Она принимает его и с удовольствием пьет, ощущая приятный чистый вкус вина после сухого воздуха шлема.

— Поль, ты гений.

— Значит, ты не жалеешь о своем покровительстве?

Батильда улыбается. Вокруг них разворачивается вечеринка. Она рада, что рекламная кампания имеет успех, что множатся фрагменты воспоминаний о самых напряженных моментах в Переходе. Отличная идея поставить его за противофобойной стеной — этот символический жест придает происходящему пикантный оттенок опасности.

— Ничуть. Надо убедить Голос устроить нечто подобное в самом городе. Это принесет много хорошего. Как тебе в голову

пришла такая идея?

Поль приподнимает темные брови.

— Ты же знаешь, как я ненавижу, когда меня об этом спрашивают.

— Ну, пожалуйста, — настаивает Батильда. — Ты же любишь разговаривать о самом себе.

— Ладно, если уж тебе так хочется знать — меня вдохновило произведение Ногучи, созданное в Хиросиме. Рождение и смерть. Нечто такое, о встрече с чем мы стали забывать.

— Любопытно, — говорит Батильда. — Очень похоже на то, что Марсель, — она показывает на молодого темнокожего парня, с отвращением разглядывающего зияющий проем выхода из Перехода, — предлагал Голосу несколько месяцев назад.

— Идеи ничего не стоят, — отвечает Поль. — Все дело в их воплощении.

— Верно, — соглашается Батильда. — А возможно, тебе помогла твоя новая муза.

Рыжеволосая девушка в темном защитном костюме неподалеку от них трогает рукой грубую шероховатую стену Перехода.

— Что-то вроде того, — говорит Поль, опустив голову.

— Не трать время на разговоры с пожилой женщиной, — говорит ему Батильда. — Иди и развлекайся.

Поль снова улыбается ей, и на мгновение Батильда сожалеет о своем решении поддерживать с ним только деловые отношения.

— Увидимся позже, — говорит он, слегка кланяется и исчезает в толпе одетых в скафандры людей.

Батильда снова разглядывает Переход. Снаружи он выглядит вполне безобидно, но внутри сочетание архитектуры и освещения вступает в резонанс, который затрагивает любой рожденный человечеством мозг, запускает подкорковые процессы и вызывает ощущения, похожие на смерть. Волшебный архитектурный трюк. Ее мысли возвращаются ко многим пережитым смертям и рождениям, и становится очевидно, что ничего подобного она прежде не испытывала. Это совершенно новые ощущения. Она улыбается самой себе: как долго все *это* длилось? Батильда проводит пальцами по браслету Часов, данных ей Полем, и нащупывает гравировку «Sapientia»[33].

— Привет, — говорит рыжеволосая девушка.

В ней видна истинная юность, не тронутая ни временной, ни какой-то другой смертью.

— Здравствуй, Раймонда, — говорит Батильда. — Гордишься своим приятелем?

Девушка застенчиво улыбается.

— Невероятно горжусь, — говорит она.

— Могу себе представить, — говорит Батильда. — Это довольно трудно. Сначала ты смотришь, как они совершают нечто подобное, а потом начинаешь задумываться, а достаточно ли ты хороша для них. Я права?

Девушка смотрит на нее, но ничего не отвечает. Батильда качает головой.

— Прошу прощения. Я просто злая старуха. Но я, конечно, рада за вас. — Она дотрагивается до руки девушки, закрытой перчаткой. — Так что ты хотела мне сказать? Старые люди любят прерывать собеседников, нам кажется, что мы все уже слышали, и не по одному разу. Мне скоро снова предстоит перейти в состояние Спокойствия. Это научит меня прислушиваться к другим.

Раймонда нерешительно прикусывает губу.

— Я хотела попросить у вас… совета.

Батильда смеется.

— Что ж, если ты хочешь выслушать горькие истины о жизни, подкрепленные несколькими столетиями опыта, ты обратилась по адресу. О чем ты хочешь узнать?

— О детях.

— А что может быть проще? У меня тоже были дети: много хлопот, но оно того стоит, если соблюдать осторожность. Обратись к Воскресителям, они помогут подобрать подходящий генетический набор, а если ты честолюбива, можно поискать на черном рынке какие-нибудь чужеземные новинки. Просто добавь воды. И мужчину.

Батильда широким жестом обводит толпу и наслаждается выражением лица Раймонды.

— Я не об этом хотела спросить, — говорит Раймонда. — Я имела в виду… его. Поля. — Она прикрывает глаза. — Я не могу его понять. Не знаю, готов ли он.

— Пойдем со мной, — говорит Батильда.

Она уводит Раймонду к противофобойной стене. Небо над головами уже темнеет.

— Вот что я хочу сказать, — говорит Батильда. — Когда я говорю с Полем, я вспоминаю кое-кого, с кем была знакома много лет назад и кто заставил меня жестоко разочароваться. — Она смеется. — Ну, я, безусловно, отплатила ему тем же. — Она прикасается к уже начинающей осыпаться стене Перехода. — Со временем мы учимся не меняться, что бы ни происходило. Тела, гоголы, трансформации — что-то в нас все равно остается неизменным. Это закон эволюции — в противном случае мы бы действительно умирали и не было бы никакого света в конце

тоннеля, а только время, сокращающее нашу жизнь.

— Что бы Поль тебе ни говорил, он один из нас, это я могу сказать наверняка. Так что тебе решать, хочешь ли ты, чтобы *настоящий* он — а не этот улыбающийся архитектор — стал отцом твоих детей.

— Но он старается, и старается для тебя.

— А, вот вы где, — говорит Поль. — Две мои любимые женщины. — Он обнимает Раймонду. — Ты еще не была внутри?

Раймонда отрицательно качает головой.

— Ты должна пойти, — говорит Батильда. — Это не так ужасно, как кажется с первого взгляда. Развлекайтесь.

Они вдвоем заходят в Переход с противоположного конца. Батильда провожает их взглядом и размышляет о времени, проведенном в Олимпийском дворце, об ускользающей акварели воспоминаний: о том, как она танцевала с Королем. И гадает, блестели ли ее глаза так же ярко, как сейчас у Раймонды?

11. Вор и наставники

Собрание наставников я себе представлял совсем не так. Я воображал какое-то тайное убежище, возможно, украшенное трофеями прошлых побед, зал совета с круглым столом, с высокими креслами, отмеченными персональными значками каждого из наставников.

Вместо этого мы собрались на кухне у Безмолвия.

Футурист нетерпеливо двигает свой бокал по деревянному столу. Это стройное создание в красном одеянии, нечто среднее между человеком и древним автомобилем и не в состоянии усидеть спокойно.

— Ну, — говорит она, — может кто-нибудь объяснить, что мы здесь делаем?

Безмолвие проживает в доме-цеппелине в парке Монгольфье: его гондола, подвешенная к каплевидному воздушному шару, связана с городом. Кухня небольшая, но превосходно оборудована. Кроме привычного фабрикатора, здесь имеются традиционные приборы — ножи, кастрюли, сковородки и еще какие-то инструменты из хрома и стали, которые мне незнакомы. Ясно, что Безмолвие принадлежит к числу тех, кто уделяет немало внимания еде. Кроме нас двоих здесь присутствуют шесть наставников, и обстановка почти дружеская. Я втиснулся между Миели и наставником в черном, с маской черепа — Епископом. Его костлявое колено упирается мне в бедро.

Наш хозяин ловким движением открывает бутылку вина. Как и у Джентльмена, его голова полностью закрыта безликой маской, только темно-синей, а окружающее фигуру облако утилитарной пыли делает его похожим на ожившую чернильную кляксу. Он довольно высок и, хотя еще не произнес ни слова, производит впечатление серьезной личности. Он быстро и ловко наполняет наши бокалы, а потом кивает в сторону Раймонды.

— Благодарю вас, что согласились собраться, — говорит она резким хрипловатым голосом Джентльмена. — Со мной двое чужеземцев, с которыми две ночи назад у нас произошло… некоторое недоразумение. У меня имеются причины верить, что эти двое могут оказаться полезными нашему делу. Жан, я думаю, ты лучше меня сумеешь все объяснить.

— Спасибо, — говорю я. — Миели позволила мне вести переговоры, но дала понять, что при любых осложнениях мне заткнут рот без всякого предупреждения.

— Мое имя Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Если хотите, можете справиться обо мне в экзопамяти. — Для пущего эффекта

я делаю паузу, но настроение слушателей в масках определить довольно трудно.

— В прошлой жизни я был гражданином Ублиетта. Вместе с моей спутницей я ищу кое-какую оставленную здесь собственность. Ваша коллега наставник, с которой я прежде… был хорошо знаком, заверила, что может мне помочь. В ответ мы предлагаем свою помощь *вам*.

Я пробую вино. Выдержанное «Бедекер Соларанцио». У Безмолвия отличный вкус.

— Я не уверена, что стоит продолжать этот разговор, — вмешивается Футурист. — К чему вовлекать в нашу деятельность третью сторону? И, ради бога, неужели только я одна чувствую запах технологии Соборности, которой напичкана эта сука? — Она переводит злобный взгляд с Раймонды на Безмолвие. — Если уж на то пошло, надо их допросить. По крайней мере, допросить. А если у тебя личные дела с этими существами, разбирайся сама. Нет никакой необходимости впутывать всех нас.

— Безусловно, я одна несу ответственность за все это, — говорит Раймонда. — Но я уверена, что их способности помогут нам справиться с криптархами.

— А я считала, что для этого ты натаскиваешь своего любимчика, молоденького сыщика, — говорит Василиск.

Ее облик существенно отличается от остальных: красное трико и венецианская маска, из-под которой видны светлые локоны и полные чувственные губы. При других обстоятельствах я бы не сводил с нее глаз.

Раймонда некоторое время молчит.

— Это совсем другой вопрос и не имеет отношения к сегодняшнему делу, — говорит она после паузы. — В любом случае, нам приходится работать над многими проблемами одновременно. Я лишь хотела сказать, что мы устраняем только *симптомы*. Чужеземные технологии. Гогол-пираты. Но скрытая инфекция поразила нас в той же степени, что и людей, которых мы стараемся защищать. — Она наклоняется над столом. — И если я вижу возможность получить помощь от постороннего агента, я вам о ней сообщаю.

— А цена? — спрашивает Крысиный Король.

У него звонкий молодой голос и грузная фигура. А смешная маска грызуна оставляет открытым подбородок с выросшей за день щетиной.

— О цене позвольте мне побеспокоиться самой, — говорит Раймонда.

— А что же такого могут они, с чем мы сами не справимся? — спрашивает Футурист, подозрительно поглядывая в мою сторону.

Я отвечаю ей любезной улыбкой.

— К этому мы перейдем чуть позже, мадемуазель Диас.

Ее лица мне не видно, но дрожь изумления проходит по ее телу, превращая на миг в расплывчатое красное пятно.

Я не бездельничал те два дня, пока Раймонда подготавливала встречу. Миели предоставила мне базу данных, о происхождении которых я даже не осмелился спросить. В этой информации содержались ключи к раскрытию личностей всех, кто принадлежал к числу наставников. Предоставленные сведения я подкрепил результатами нескольких прогулок и мелких краж. В результате я не узнал кличек их домашних любимцев и предпочтительные позы занятия сексом, но получил весьма *полные* знания.

— А до того полезно было бы узнать, чего именно вы хотите добиться.

— Трех вещей, — говорит Раймонда. — Защитить идеалы Ублиетта. Уберечь его жителей от гогол-пиратов. И отыскать тех, кто ими руководит, с целью последующего уничтожения.

— Все началось с Голоса, — продолжает она. Легкое прищуривание дает мне информацию об электронной системе демократии Ублиетта, о специальных фрагментах памяти, заменяющих бюллетени при голосовании, и о важных политических решениях, проводимых в жизнь кабинетом Мэра и общественными служителями из числа Спокойных. — В принимаемых решениях прослеживались… странные тенденции. Ослабление контроля над влиянием внешнего мира. Предоставление гражданства выходцам из других миров. Снятие многих ограничений в области технологий.

— Вскоре после этого стали появляться первые гоголпираты. И Безмолвие стал одним из первых, кто от них пострадал. — Она дотрагивается до руки высокого наставника. — Наша система недостаточно стабильна перед лицом внешних сил. Спокойные не в состоянии справиться с технологическими потрясениями. И мы приняли решение. У нас имеются покровители, естественно, преследующие свои собственные интересы. Но не противоречащие интересам Ублиетта.

— Мы могли творить добро. Но стоило нам обнаружить схему, стоило найти способ увеличить стабильность — прекратить работу пиратской станции, перекачивающей украденную информацию, или изолировать зараженный вирусами участок сети гевулотов, — как обнаруженные цели стали исчезать. Пираты *знают*, как выбирать подходящие объекты и как к ним подбираться. Они отлично знают свое дело, но мы не сомневаемся, что им кто-то помогает.

— Сейчас нам стало известно, что повреждена система экзопамяти. Есть человек или люди, которые ею манипулируют. До какой степени дошло повреждение и как они это сделали, нам неизвестно. Мы называем их криптархами. Или скрытыми правителями. Или, если принять во внимание мнение Футуриста, проклятыми ублюдками.

— Мы верим в достижения Революции. В Марс для людей. Это должно быть место, где каждый владеет своим разумом, где мы принадлежим самим себе. Но это невозможно, если где-то за занавесом кто-то дергает нас за веревочки.

Раймонда поворачивается ко мне.

— Такова наша цена. Дайте нам возможность отыскать криптархов, и мы вернем то, что принадлежит тебе.

— Правильно, — поддерживает ее Епископ. — И тогда высокое мнение Джентльмена о вас будет оправдано.

— Мистер Реверт. — Я демонстрирую свой самый зубастый оскал. — Мне потребовалось всего два дня, чтобы узнать, кто вы такие. Эти криптархи — они тоже вас *знают*. Более того, они, вероятно, поддерживают вас. Вы вписываетесь в созданную ими систему. Вы сохраняете стабильность. А это именно то, что им нужно.

Я допиваю вино и откидываюсь на спинку стула.

— Вы не прибегаете к грязным методам. Вы прославленные копы, а должны бы стать революционерами. *Преступниками*. А вот в этом я, безусловно, могу вам помочь. Вино еще осталось?

— Если говорить начистоту, — отвечает мне Футурист, — это именно то, против чего мы боремся. Против влияния чужеземцев, считающих себя лучше, чем мы. — Она обводит комнату взглядом. — Я за то, чтобы вышвырнуть их с планеты, а потом вернуться к нашим реальным делам. А Джентльмену за подобное поведение должно быть объявлено порицание.

Головы вокруг стола согласно кивают, а я проклинаю себя за то, что неправильно их понял. Несмотря на пиратскую программу, я еще не так хорошо освоил гевулот, как урожденные марсиане. *Все это может закончиться очень плохо*.

И тогда в переговоры вступает Миели.

— Мы не враги вам, — говорит Миели.

Она встает со своего места и обводит взглядом наставников.

— Я прилетела сюда издалека. Моя вера сильно отличается от вашей. Но поверьте моим словам: какие бы обязательства ни взял на себя вор, в случае, если соглашение будет достигнуто, я обязуюсь, что они будут выполнены. Я Миели, дочь Карху из Хилджайнен[34] кото. И я никогда не лгу.

Странно, но собрание этих людей кажется ей слегка знакомым, чего нельзя сказать обо всем остальном мире. На их закрытых масками лицах сияет мечта и нечто большее, чем они сами. Такое же выражение она помнит на лицах молодых воинов в своем кото. Вор этого никогда не поймет: он говорит на другом языке, языке игр и обманов.

— Загляните в мои мысли.

Она открывает им свой гевулот так широко, как только может. Теперь они могут прочитать все поверхностные мысли, просмотреть все воспоминания об этом мире. А самой Миели кажется, что она сбросила тяжелый плащ и ощутила необыкновенную легкость.

— Если вы обнаружите хоть намек на обман, можете прогнать нас без промедления. Вы примете нашу помощь?

На мгновение в комнате повисает полное молчание. И затем Безмолвие роняет одно только слово.

— Да, — говорит он.

Раймонда ведет нас по парку Монгольфье, мимо небольших отгороженных садиков, где стоят дома-шары. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь разноцветные оболочки шаров, и легкое головокружение, вызванное гевулотом — нам не позволено запомнить место проведения собрания, — некоторое время удерживают меня от разговоров. Но когда мы оказываемся на широких и относительно знакомых улицах Края, а Раймонда из Джентльмена снова превращается в элегантную женщину, я понимаю, что должен высказаться.

— Спасибо, — говорю я. — Ты сильно рисковала. Я постараюсь, чтобы ты об этом не пожалела.

— Что ж, есть весьма высокая вероятность, что ты сам в результате пострадаешь, — говорит она. — Так что меня пока рано благодарить.

— Все было действительно так плохо?

— Да. Да, очень плохо. Я думала, что совершила большую ошибку, пока не заговорила твоя подруга. — Она с уважением смотрит на Миели. — Это было… очень благородно с твоей стороны, — обращается к ней Раймонда. — Я сожалею об обстоятельствах нашей первой встречи и надеюсь, что мы сможем работать вместе.

Миели молча кивает.

Я смотрю на Раймонду. Только сейчас я понимаю, что она не такая, как в моих воспоминаниях. Не такая беззащитная. Не такая молодая. Говоря по правде, я не уверен, что знаю эту новую для меня и загадочную женщину.

— Для тебя это действительно очень важно? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она. — Да, очень важно. Думаю, это чувство тебе незнакомо. Чувство полезности по отношению к другим людям.

— Прости, — говорю я. — Мне тоже пришлось немало пережить. Долгое время я был вынужден оставаться в весьма неприятном месте.

Раймонда окидывает меня равнодушным взглядом.

— Ты никогда не испытывал проблем с извинениями. И в данном случае тебе это не поможет. Если ты еще не понял, во всей Вселенной мало найдется людей, которые раздражают меня больше, чем ты. Так что, будь я на твоем месте, я бы отправилась на поиски, как и было сказано. В случае удачи, возможно, мое мнение изменилось бы в лучшую сторону.

Она останавливается.

— Ваш отель в той стороне. А у меня скоро начнутся занятия по музыке. — Раймонда улыбается Миели. — Мы с тобой будем поддерживать связь.

Я открываю рот, но что-то подсказывает, что в этом случае лучше промолчать.

Сегодня я занялся составлением планов.

Миели превращает наш номер в маленькую крепость — куточки теперь патрулируют все окна — и исправляет повреждения, полученные в потасовке с Раймондой. Поэтому я снова могу насладиться относительным одиночеством — если не считать неприятного ощущения от биотической связи. Я сажусь на балконе с пачкой газет, кофе и круассанами, надеваю темные очки и начинаю просматривать страницы, посвященные общественной жизни.

Как и во всем остальном, здесь не скупятся на подробности, и вскоре я ловлю себя на том, что с наслаждением слежу за раздутой драмой реальности. Наставники пользуются неослабевающим вниманием, тон публикаций зависит от издания; некоторые открыто ими восхищаются. Я отмечаю статью о юноше, который вместе с Джентльменом работал над случаем гогол-пиратства, и задаю себе вопрос, не тот ли это сыщик, о котором упоминала Василиск.

Но настоящую пищу для размышлений дают сообщения о прощальных вечеринках, называемых здесь Carpe Diem[35]. Их проведение, как предполагается, должно оставаться в тайне, однако журналисты не жалеют сил, чтобы выяснить все подробности.

— *Ты слишком хорошо устроился, чтобы это можно было считать работой,* — говорит «Перхонен».

— Но это действительно серьезное дело. Я составляю план.

— Не мог бы объяснить мне поподробнее?

— Да ну, зачем загружать такую хорошенькую головку?

Я поднимаю голову к ясному небу. Канал связи дает возможность разглядеть корабль — точку над горизонтом, недоступную невооруженному взгляду. Я посылаю ей воздушный поцелуй.

— Лесть ни к чему хорошему не приведет.

— Я никогда не рассказываю о своих планах, пока они не оформились окончательно. Это творческий процесс. Преступники все равно что артисты, а сыщики — всего лишь критики.

Как я вижу, ты сегодня в приподнятом настроении.

— Знаешь, я наконец начинаю снова чувствовать себя самим собой. Бороться против банды властителей, контролирующих разум на планетарном уровне, да еще в компании замаскированных блюстителей порядка — такая жизнь мне нравится.

— В самом деле? А как же восстановление прежней личности?

— Это частное дело.

— По словам Миели…

— Да, я знаю. Раймонда раскрыла меня слишком рано. Я не получил ничего, кроме отрывочных вспышек. Ничего, что можно было бы считать полезным.

— Ты уверен?

— О чем ты?

— Будь я более подозрительной, могла бы подумать, что ты уже знаешь, где искать то, что нам нужно. И что ты водишь нас за нос просто ради собственного удовольствия, чтобы лучше привыкнуть к колоритному образу этого легендарного вора.

— Я оскорблен. Неужели я на такое способен?

Но в словах корабля есть смысл. Я ношусь со своими воспоминаниями, как с сырым яйцом, и отчасти это происходит потому, что просто доставляет мне удовольствие.

— У меня имеется еще одно предположение. Ты изо всех сил пытаешься произвести впечатление на эту Раймонду.

— Это, друг мой, уже в прошлом. При моей профессии отвлекаться на подобные вещи слишком опасно.

— Угу.

— Как бы я ни наслаждался ее обществом, чем быстрее я вернусь к делам, в которых разбираюсь лучше всего, тем лучше. Кстати говоря, мне бы не помешало остаться в тишине. Я пытаюсь придумать, как вломиться в обитель мертвых.

Я откидываюсь на спинку кресла, опускаю веки и прикрываю лицо газетой, чтобы скрыться от солнца и корабля.

— Вот видишь? Я об этом и говорила. Ты весь день ждал,

чтобы это сказать.

Миели чувствует себя усталой. Ее тело завершает процесс проверки и перезагрузки систем. У нее уже много лет не было критических дней, но смутные воспоминания о недомогании очень похожи на сегодняшние. После встречи с наставниками ей нестерпимо хочется упасть на кровать, послушать нежные оортианские песни, а потом погрузиться в глубокий сон. Но ее ждет пеллегрини. На богине темно-синее вечернее платье, волосы убраны в высокую прическу, на руках длинные черные перчатки.

— Дорогая моя! — восклицает она, запечатлевая на щеке Миели надушенный поцелуй. — Это было восхитительно! Драма. Экспрессия. И такая страстная убежденность с твоей стороны: эти люди в смешных костюмах сразу поверили, что нуждаются в твоей помощи. Специально обработанный гогол и то не смог бы лучше справиться с этой задачей. Почти сожалею, что ты уже скоро получишь свою награду.

Миели моргает.

— Я думала, что мы позволим вору…

— Да, конечно, но имеются кое-какие ограничения. Несколько василевов — это еще куда ни шло, но мы должны считаться с некоторыми особенностями, касающимися Великой Всеобщей Цели. В том числе и с криптархами: по разным причинам мы еще не готовы нарушать установившийся баланс.

— Значит, мы не собираемся… их уничтожать?

— Нет, конечно. Вы должны *встретиться* с ними. И скоординировать свои действия. Вы должны помочь наставникам ровно настолько, чтобы получить то, что нам нужно. А потом — что ж, мы сдадим наставников криптархам. И все будут довольны.

Пеллегрини улыбается.

— А теперь, дитя мое, мне кажется, что вор готов поделиться с тобой своими новыми идеями. Иди, погладь его по шерстке. Чао.

Миели прикасается к камням Сидан, просто чтобы вспомнить, почему она ввязалась в это дело. А потом ложится и ждет стука в дверь.

12. Сыщик и прощальная вечеринка

В вечер перед прощальным приемом сад притих, словно актер, затаивший дыхание и повторяющий про себя вступительные фразы.

Ровными рядами выстроились столы, уставленные бокалами для шампанского, миниатюрные павильоны предлагают всевозможные экзотические наслаждения, повсюду летают еще не зажженные фоглеты-светлячки. Оркестр Спокойных настраивает свои инструменты — части тела — и создает негромкую какофонию из духовых партий. Эксперт-пиротехник в высоком цилиндре заряжает разноцветными ракетами устройство, напоминающее своим видом миниатюрный орган.

— Итак, что вы обо всем этом думаете, мистер сыщик? — спрашивает Анру.

Его костюм символизирует Сол Джовис, последний день недели дарианского календаря. На ткани его туники полыхают цвета давно утраченного газового гиганта. В тени деревьев от него исходит неяркое красно-белое сияние.

— Похоже на праздник эпохи Королевства, — отвечает Исидор.

— Ха. Точно. Не самый плохой способ провести последние несколько сотен мегасекунд, — говорит Анру. Он поднимает свои Часы, прикрепленные цепочкой к накидке. Это на удивление простая модель: черный диск с единственной золотой шкалой. — Как вы думаете, когда я буду ограблен?

— Мы приняли все возможные меры. Даже если это действительно ле Фламбер, ему придется потрудиться, чтобы заполучить добычу.

В конечном счете все охранные мероприятия свелись к установке тщательно размещенных агор и дополнительных Спокойных, нанятых Одеттой с разрешения Голоса — это десантники, предназначенные для борьбы с фобоями и оснащенные множеством дополнительных датчиков и современным оружием. Исидор надеется, что этого будет достаточно. Он собирался предпринять более изощренные меры, включающие установку устройств с черного рынка, но, в конце концов, решил, что они создадут больше трудностей, чем безопасности.

— Вы отлично поработали, — говорит Анру, похлопывая Исидора по плечу. — Да, мы ведь так и не обсудили ваш гонорар.

— Мистер Анру, заверяю вас…

— Да, да, это очень благородно с вашей стороны. Я хочу,

чтобы вы получили библиотеку. Возможно, вы сумеете извлечь из нее пользу. Или можете сжечь ее всю целиком. Одетта уже подготовила контракт, я обязательно передам вам гевулот до конца приема.

Исидор ошеломленно смотрит на миллениара.

— Благодарю вас.

— Не стоит меня благодарить. Лучше заставьте этого вора попотеть. А вы, случайно, не назначили на этот вечер свидание?

Исидор качает головой.

— Жаль. Ну а я намерен предаться разврату перед смертью. Прошу меня извинить.

Исидор еще некоторое время наблюдает за последними приготовлениями и расставляет Спокойных — приземистых, по-кошачьи ловких существ в черной броне — по их постам. Затем уходит в одну из гостевых спален, где приготовлен его костюм Сол Лунаэ. Костюм все еще кажется ему слишком женственным, слишком обтягивающим в самых неподходящих местах. Но он все же переодевается. Возникает ощущение, что он что-то забыл, и Исидор вспоминает, что оставил кольцо сцепления в кармане брюк. Он достает его и вешает на цепочку Часов.

Теперь понятно, что такое сценическая лихорадка, думает он.

Согласно обычаю, мы с Раймондой приезжаем с большим опозданием, впрочем, как и все остальные гости. Паукэбы вокруг нас высаживают мужчин и женщин в искусно созданных костюмах из ксантийского шелка, кружев и интеллектуальной материи. Прием посвящен Времени, так что нас окружают индийские боги и богини дарианского календаря, планеты и звезды и, конечно, всевозможные модели Часов.

— Не могу поверить, что позволила тебе меня уговорить, — говорит Раймонда.

Человекоподобный Спокойный в ослепительной ливрее и маске проверяет наши памятки-приглашения и направляет в общий поток гостей, небольшими группами заполняющих сад. Звон бокалов, протяжные мелодии современной марсианской музыки и голоса гостей сливаются в одну опьяняющую симфонию.

Я улыбаюсь Раймонде. Она выглядит очень соблазнительно в наряде Фобоса, состоящем из глубоко декольтированного платья, длинных белых перчаток и светящейся сферы на уровне живота, скрывающей своим сиянием наиболее стратегические участки тела. Я в своем белом галстуке, с копиями Часов на костюме и цветком в петлице выгляжу рядом с ней скромным павлином.

— Могу тебя заверить, это наименее безнравственное дело из всех, в которых я когда-либо участвовал, — говорю я. — Ограбить

богатого и раздать добычу беднякам. Что-то вроде этого.

— Помолчи. — Она кивает в сторону проходящей пары, изображающей Венеру и Марса. Их гевулот приоткрыт ровно настолько, чтобы окружающие могли их видеть. — В действительности все совсем не так. Все наоборот.

Свет маленького Фобоса у нее на животе делает резче структуру ее лица: сейчас она напоминает мне скульптуру какой-то греческой богини.

— Твоим замаскированным дружкам нужны доказательства. Мы их представим.

Я беру бокал шампанского с подноса проходящего Спокойного-слуги. При этом стряхиваю невидимую пылинку с его одежды и незаметно впрыскиваю кое-что из своего цветка. Первая часть нашего плана. Это довольно мощное средство, но его необходимо пустить в ход заранее: до начала действия должно пройти немало времени.

— Не беспокойся. Если только твой приятель обеспечит нам внедрение, все пройдет гладко, как по шелку.

Как обстоят дела с охраной? Я шепотом адресую вопрос Миели — она осталась в отеле и координирует операцию с «Перхонен».

— *Меры предосторожности минимальные*, — отвечает она. *Но все же значительнее, чем ты ожидал. — Меня тревожат Спокойные-десантники: они оснащены отличными сенсорами*.

— Сделай мне одолжение, — говорит Раймонда. — Не пытайся заставить меня расслабиться. Пошли, надо смешаться с толпой.

Раймонда удивительно легко получила для нас приглашения. По всей видимости, Кристиан Анру не только энтузиаст в отношении Королевства, но и покровитель искусств, и потому знакомый Раймонды из Академии Музыки решил, что было бы неплохо обсудить с ним на приеме концепцию ее оперы. На вечере, несомненно, масса начинающих деятелей искусства, ищущих покровительства, но ее знакомство дает нам возможность персонального внедрения, а это все, что мне требуется.

— Раймонда!

Нам машет рукой невысокая пожилая женщина. Костюм из интеллектуальной материи представляет ее в виде песочных часов, но только без стекла: никакой ткани, только красный марсианский песок, струящийся по ее пышной фигуре. Эффект получается завораживающий.

— Как я рада тебя здесь видеть! А кто этот симпатичный молодой человек?

Я кланяюсь и, как того требует вежливость, немного

приоткрываю свой гевулот, но при этом стараюсь, чтобы в ее памяти не осталось никаких следов моего внешнего облика.

— Рауль д'Андрези, к вашим услугам.

Раймонда представляет меня в соответствии с легендой, как эмигранта с Цереры. Гевулот изображающей песочные часы женщины сообщает, что перед нами София дель Анджело, преподаватель Академии Музыки и Драмы.

— О, я уверена, здесь есть о чем задуматься, — говорит София. — А что случилось с бедным Антонием? Мне так *нравились* его волосы.

Раймонда слегка краснеет, но не отвечает. София подмигивает мне.

— Вам следует быть настороже, молодой человек. Она собирается украсть ваше сердце и спрятать в своей коллекции.

— Тише, не спугните его, пожалуйста. Я с таким трудом его поймала, — говорит Раймонда. — Нашего хозяина еще не видно?

На пухлых щечках Софии вспыхивает румянец разочарования.

— Нет, боюсь, он еще не показывался. Я почти час пыталась его разыскать. Я абсолютно уверена, что он заинтересуется твоей новой пьесой. Но сегодняшний вечер он, вероятно, решил провести в кругу своих близких друзей. Знаешь, мне кажется, что на самом деле он просто боится этого ле Фламбера. Это ужасно, — приглушенным тоном добавляет она.

— Ле… кого? — спрашивает Раймонда.

— Ты еще не слышала? — восклицает София. — Ходят слухи о каком-то преступнике из другого мира, который намерен явиться сюда без приглашения и даже письменно предупредил о своем появлении. Это так волнующе. Кристиан нанял сыщика, того самого молодого человека, о котором писали во всех газетах.

Раймонда изумленно поднимает брови.

— *Письменно предупредил*? — Голос Миели шипит в моем мозгу. — *Предупредил*?

— *Я представления не имею, о чем она говорит*, — протестую я. — *Это было бы в высшей степени непрофессионально*.

И это действительно так: в последние несколько дней я так был занят подготовкой, что времени на дополнительные эффекты совсем не осталось. Внезапно я ощущаю укол сожаления: послание с ответом на несуществующее приглашение стало бы великолепным штрихом. — *Клянусь, я в этом не виноват. Это то же самое, как и в случае с гогол-пиратами. Кто-то слишком много знает*.

— *Мы прерываем операцию*, — говорит Миели. — *Если они тебя ждут, риск слишком велик*.

— *Не смеши меня. Другой такой возможности в ближайшее*

время у нас не будет. Просто дело становится еще интереснее. Кроме того, у меня есть идея.

— Я даже не хочу об этом спорить, — заявляет Миели.

— Хочешь сказать, что мы должны убежать, поджав хвост? Какой же ты после этого воин? Я уверен, что с грубой силой ты справишься, верно? Дай мне принять этот вызов. Это мое дело. А при любых признаках провала мы исчезнем.

Миели колеблется.

— Ладно. Но я буду за тобой наблюдать, — говорит она.

— Я и так знаю, что будешь.

Раймонда благодарит Софию за попытку, и мы, извинившись, удаляемся в небольшой павильон рядом с площадкой, на которой выступает группа акробатов с двумя стройными слонами — факелы в хоботах чертят замысловатые фигуры — и стаей дрессированных мегапопугаев, поражающих яркостью своей расцветки.

— Я знала, что это плохая идея, — говорит Раймонда. — Нам не подобраться к Анру. Кроме того, почему *он* обязательно должен быть здесь?

Ее взгляд задерживается на высоком и худом молодом парне с растрепанными волосами и в плохо сидящем черном с серебром костюме. Он бродит в толпе на противоположном конце лужайки с рассеянным, почти сонным видом.

— Это и есть тот сыщик?

— Да, это Исидор Ботреле.

— Любопытно. Он, вероятно, близок к Анру?

Раймонда бросает в мою сторону сердитый взгляд.

— Не впутывай его.

— Почему? — Я мысленно перебираю программные средства гогол-пиратов. Похитителем личности я еще не пользовался, но программа здесь, ждет, когда ее запустят. — Ты ведь с ним знакома, верно? Можешь поделиться со мной его гевулотом?

Она глубоко вздыхает.

— Давай, не будь такой паинькой, — говорю я. — Мы здесь для того, чтобы совершить преступление. Приходится пользоваться любыми доступными средствами.

— Да, я имею доступ к его гевулоту, — говорит она. — И что дальше?

— О? Еще один возлюбленный? Еще одно украденное сердце?

— Это не твое дело.

— Помоги мне. Передай мне его гевулот, и мы сделаем то, ради чего пришли.

— Нет.

Я складываю руки на груди.

— Ладно. В таком случае пойдем домой, и пусть ваши таинственные кукольники продолжают дергать за веревочки. Пусть водят их. И его. — Я показываю на парня в толпе. — Именно об этом я и говорил. Чтобы победить, вы должны пойти на компромисс.

Она отворачивается. На лице холодная суровость. Я пытаюсь взять ее за руку, но Раймонда не разжимает пальцы.

— Посмотри на меня. Позволь, я это сделаю. Чтобы не пришлось делать тебе самой.

— Проклятье. — Она хватает меня за руку. — Но после того как это закончится, ты вернешь мне все, что я тебе дам. Обещай.

— Я клянусь.

— И я тоже клянусь, — говорит она. — Если ты причинишь ему вред, то пожалеешь, что не остался в Тюрьме.

Я смотрю на парня. Он прислонился к дереву и прикрыл глаза, словно во сне.

— Раймонда, я не собираюсь причинять ему вред. Ну, возможно, немного пострадает его эго. Но это только на пользу.

— Ты никогда не знал, что значит творить добро, — говорит она.

Я развожу руки, кланяюсь ей, а потом иду к сыщику.

Исидор не теряет бдительности. Он ходит, наблюдает и делает выводы. Под пятнами гевулота нетрудно определить социальные особенности. Вот композитор, сочинивший музыку для сегодняшнего вечера, ждет комплиментов. А это активист движения за восстановление Спокойных, он надеется получить от Анру пожертвование для своего фонда. Он старается не смотреть, а ощущать, ощупывать все вокруг мысленными пальцами и по методу Брайля читать реальность, знакомую по предыдущим дням, чтобы обнаружить неуместные изменения.

— Добрый вечер.

Сосредоточенность нарушена, и Исидор поднимает взгляд. Перед ним стоит темнокожий мужчина во фраке. Его возраст определить трудно, а рост немного уступает росту самого Исидора. На костюме незнакомца переливается золотое шитье, изображающее различные Часы — слишком крикливо, по мнению Исидора. Несмотря на приглушенный свет, глаза прячутся под очками с синими стеклами, а на отвороте приколот ослепительно красный цветок. Незнакомец принес с собой легчайшее дуновение женских духов, восхитительный аромат сосны.

Мужчина снимает очки и улыбается Исидору, а тяжелые веки придают его улыбке оттенок пресыщенной утомленности. Брови у него очень темные, словно начертаны острым карандашом. Гевулот тщательно прикрыт.

— Да?

— Простите меня, я ищу… как вы называете интимное место?

Исидор недоуменно хмурится.

— Что?

— Заведение для телесных отправлений, понимаете?

— А. Вы из другого мира?

— Да. Джим Барнетт. Мне трудновато здесь ориентироваться. — Мужчина стучит пальцем по виску. — Мой мозг никак не может приспособиться. Вы мне поможете?

— Конечно.

Исидор посылает ему небольшой фрагмент памяти, где указано расположение комнат отдыха. При этом он ощущает первые признаки начинающейся головной боли.

— *Наверно, я слишком много работал.*

Мужчина усмехается и хлопает его по плечу.

— А! Очень удобно. Большое спасибо. Желаю приятного вечера.

После чего незнакомец скрывается в толпе. Исидор колеблется — не стоит ли поручить кому-то из Спокойных за ним присмотреть. Но его внимание привлекает ближайшая агора. Фигура беседующего с молодой женщиной в костюме Близнецов — силуэт из фоглетов, повторяющий все ее движения — невысокого человека в сверкающем серебром костюме и с крылатым шлемом на голове, что символизирует Сол Меркурий, кажется ему знакомой. При этом взгляд мужчины устремлен куда-то вдаль.

Исидор шепотом инструктирует одного из Спокойных, приближается к паре и трогает мужчину за плечо.

— Адриан Ву.

Журналист вздрагивает.

— Надо поговорить, — говорит Исидор.

— Но у меня есть приглашение, — протестует Ву. — Анру раздавал их направо и налево. Я должен это описать. И я удивлен, что вижу здесь *вас*. Что мне сказать по этому поводу моим читателям?

— Ничего. — Исидор хмурится. — Вы снимаете на аналоговую камеру?

— Но…

— Отдайте ее мне, и я позволю вам остаться.

Ву снимает свой шлем, откручивает от него продолговатый предмет и передает Исидору. Это и есть аналоговая камера, приводящаяся в действие проходящим под подбородком ремешком. Примитивное устройство, слишком простое, чтобы вызвать реакцию гевулота.

— Спасибо, — говорит Исидор. Затем он поворачивается к женщине, изображающей Близнецов. — Следите за своими словами, когда рядом с вами этот человек. Если возникнут проблемы, дайте мне знать. — Он усмехается, глядя на Ву. — Поблагодарить можете позже.

Начинаются танцы. Исидор решает, что заслужил выпивку, и берет с подноса бокал с белым вином. Затем смотрит на часы: до запланированной смерти Анру остается еще целый час.

И только тогда он понимает, что кольцо сцепления исчезло. У него сильно забилось сердце. Исидор запрашивает воспоминания о разговоре с человеком в синих очках и видит, что кольцо украл незнакомец. Почти неуловимым движением он отстегнул его Часы от цепочки, а затем вернул их на место, сняв кольцо. Все произошло в считаные секунды, и мужчина не прерывал разговора, тщательно скрывая под гевулотом все, что только можно.

Исидор делает глубокий вдох, а затем, просматривая агоры, он посылает фрагменты разделенной памяти с обликом этого человека Одетте и Спокойным-воинам. Но вора нигде не видно — он или ушел, или скрывается под гевулотом. Он торопливо обходит лужайку, стараясь обнаружить все расплывчатые силуэты гевулотов, под которыми может скрываться незваный гость. Исидор не сомневается, что это и есть Жан ле Фламбер. Но его нигде нет. *Зачем он со мной заговорил? Чтобы просто подразнить? Или…* Снова начинается странная головная боль, и его охватывает ощущение уже виденного, перед глазами мелькают лица, словно он находится одновременно в двух местах.

Исидор достает свое увеличительное стекло и камеру Ву и начинает просматривать отснятый материал. Прибор зоку быстро преобразует микроскопические точки в многоцветные изображения. Он прокручивает запись, постукивая кончиком пальца по стеклянному диску. Светские дамы. Акробаты. И — вот оно — Анру. Снимок, судя по метке, сделан несколько минут назад. Смеющийся миллениар окружен группой друзей, в числе которых и знакомая фигура в черном с серебром костюме и с растрепанными волосами…

Исидор бросает камеру и бежит.

Дублирование физического облика сыщика занимает всего несколько мгновений. Я проделываю это в одном из обеспечивающих полное уединение павильонов, которые наш хозяин так предусмотрительно установил для плотских утех и прочих тайных развлечений своих гостей. Я всего лишь проецирую на себя его трехмерный облик и перепрограммирую свою одежду. Сходство необязательно должно быть абсолютным

— большинство деталей скрыто под гевулотом.

Мимоходом разглядываю украденное у него кольцо: это явно технология зоку. Решив исследовать его позже, я кладу кольцо в карман.

Настоящая проблема заключается в его подтверждении личности, и для этого требуется полученный у Раймонды гевулот. А для подделки квантовой характеристики его Часов, требуемой для идентификации, приходится прибегнуть к компьютерной мощи «Перхонен».

— *Я думала, вором быть легко*, — говорит корабль в процессе обмена информацией. — *Но это нелегкая работа*.

— Ожидание и страх, как я уже говорил, — отвечаю я.

Я стараюсь сдержать данное Раймонде обещание и не обращаю внимания на воспоминания, мелькающие в моем мозгу, пока работают корабельная система и программа гогол-пиратов, а просто пытаюсь понять, зачем этому парню потребовалось связываться с преступниками вроде меня.

Но вскоре отмахиваюсь от посторонних мыслей: мы здесь для того, чтобы похитить Время, а не прошлое сыщика. Сервер гоголов сигнализирует об успешном завершении работы, значит, мои Часы изменили статус, и для окружающего мира я стал Исидором Ботреле. Но его Часы уже через несколько мгновений обновят информацию по связи с внешним гевулотом, так что мне надо поторапливаться. Я проверяю необходимое оборудование — ку-паук и мысленный триггер — и решаю, что настал момент для главного события вечера.

Я приближаюсь к группе, где находится Анру — позаимствованный гевулот теперь позволяет их увидеть, — и имитирую неторопливую, расслабленную походку сыщика. Мой объект разговаривает с высокой женщиной в снежно-белом наряде и выглядит слегка навеселе.

— Мистер Ботреле! — кричит он, завидев меня. — Как идет охота на преступника?

— Их слишком много, чтобы выбрать кого-то одного, — говорю я.

Анру разражается хохотом, но женщина поглядывает на меня с любопытством. Лучше проделать все это быстро.

— Я вижу, что вы развеселились, — говорит Анру. — Отлично! Вечеринка для этого и задумана.

Он осушает свой бокал.

Я беру еще один бокал с подноса проходящего мимо Спокойного и подаю Анру. Пока он принимает выпивку, я быстро инструктирую ку-паука. Паук пробегает по моей руке, перепрыгивает на его ладонь и скрывается в рукаве костюма,

изображающего газового гиганта. Затем отправляется на поиски его Часов.

Чтобы вырастить паука, мне потребовалось три дня и еще один длительный спор с Миели по поводу функций одолженного Соборностью тела. Схему мы составили вместе с «Перхонен», и устройство росло на сгибе моего локтя — это маленькая многоножка, внутри которой имеется оборудование, которое мы с Миели используем для обеспечения работы сверхплотного канала связи с кораблем. Я улыбаюсь Анру и мысленно направляю прибор.

— Здесь нетрудно развеселиться, — говорю я. — Тем более что скоро начнется фейерверк.

Вот оно. Паук устраивается на его Часах и запускает ку-нити в ионные контуры, где хранятся персональные, исключающие возможность подделки единицы Времени, квантовые сигналы, посылаемые в систему восстановления, отсчитывающие срок его жизни в качестве человека. Затем сигнал посылается на «Перхонен». Одна, две, три, десять, шестьдесят секунд телепортировано, преобразовано в квантовую энергию и сохранено в крыльях «Перхонен». *Есть*.

Анру хмурится.

— Я приберег фейерверк для самого значительного момента этого вечера, — говорит он.

Я улыбаюсь.

— Разве не должен быть значительным каждый момент?

Анру снова смеется.

— Мистер Ботреле, не знаю, где вы отыскали свое остроумие — на дне бокала или на губах хорошенькой девушки, но я рад, что это случилось!

— Мистер ле Фламбер, как я полагаю?

Передо мной стоит сыщик, а по бокам замерли два Спокойных-воина, два гладких черных существа, олицетворяющих мощь и жестокость. Я приподнимаю брови. Быстрее, чем я предполагал, намного быстрее. Он заслуживает поклона, и я кланяюсь.

— К вашим услугам. — Я позволяю себе восстановить свой истинный облик. — Ваше гостеприимство выше всяких похвал, но, боюсь, мне уже пора.

— Мистер ле Фламбер, я прошу вас не двигаться.

Я бросаю в воздух свой цветок и мысленно нажимаю большую красную кнопку.

В то же мгновение начинается фейерверк. Небо расцветает разноцветными двойными и тройными спиралями, вспыхнувшие звезды с громким треском рассыпаются серебристым дождем.

Затем следует фонтан ярко-пурпурного конфетти, а напоследок две голубые ракеты чертят знак бесконечности. В воздухе появляется запах пороха.

Вокруг меня все замирает. Спокойные превращаются в статуи. Музыка умолкает. Анру роняет свой стакан, но остается на ногах с остекленевшим взглядом. Раздается несколько глухих ударов, но в целом все участники вечеринки просто застывают, устремив взгляд вдаль, хотя уже не видят угасающего фейерверка.

Это еще один трюк из арсенала гогол-пиратов: оптогенетический вирус, вызывающий гиперчувствительность клеток мозга к определенным световым волнам. Нетрудно было приспособить его не к закачке сознания, а для создания периода бездействия. Инфекция от моего цветка распространяется даже быстрее, чем я думал. В Движущемся Городе не так уж много производителей фейерверков; подкупить их, убедив, что готовится невинный сюрприз для мистера Анру, не составило большого труда.

Я закрываюсь своим гевулотом и прохожу сквозь неподвижную, молчаливую и бездумную толпу. Раймонда, тоже скрытая пеленой уединения, ждет меня у выхода из парка.

— Ты уверена, что не хочешь остаться еще на один танец? — спрашиваю я ее.

Я зажмуриваюсь в ожидании пощечины. Но ничего подобного. Когда я снова открываю глаза, вижу перед собой ее непроницаемое лицо.

— Верни. Его гевулот. Сейчас же.

Я выполняю свое обещание и возвращаю все права на воспоминания сыщика, извлекая их из своего сознания и снова становясь просто Жаном ле Фламбером.

Она облегченно вздыхает.

— Так-то лучше. Спасибо.

— Как я понял, твои соратники подчистят там наши следы?

— Не беспокойся, — говорит она. — Можешь уходить и заниматься своим делом.

— Чтобы доставить тебе удовольствие, — говорю я, — должен сообщить, что на следующем этапе предусмотрена моя смерть.

Мы уже вышли в общественный парк. Раймонда превращается в Джентльмена и взмывает в воздух. Угасающие огни фейерверка отражаются в ее серебряной маске.

— Я никогда не желала твоей смерти, — говорит она. — Я предпочитала нечто другое.

— Что именно? Месть?

— Дай мне знать, когда это выяснишь, — говорит она и исчезает.

Как ни удивительно, но после окончания периода украденного времени вечеринка возобновляется. Прошло десять минут. Оркестр продолжает мелодию, и снова звучат разговоры. И конечно, тема у всех только одна.

У Исидора в висках пульсирует боль. Вместе со Спокойными и Одеттой он снова и снова исследует экзопамять парка. Но никаких следов Жана ле Фламбера нет. Чувство неудачи и разочарования давят на его желудок свинцовым грузом. С приближением полуночи он снова присоединяется к участникам приема.

Анру открыл свой гевулот для всех присутствующих. Он в центре внимания и наслаждается этим, упивается комплиментами своей храбрости при встрече с вором. Но в конце концов он машет рукой.

— Друзья мои, пришло время вас покинуть, — произносит он. — Благодарю вас за то терпение, с которым вы отнеслись к незапланированному пункту нашей программы. — Смех. — Но, по крайней мере, вор — и в этом немалая заслуга бдительного мистера Ботреле — ушел с пустыми руками.

— Я намеревался сделать это в постели, в обществе прекрасных женщин, — говорит он, обнимая двух куртизанок с улицы Змеи, — или, возможно, под ногами слона. — Он поднимает бокал в направлении огромного животного, возвышающегося над толпой. — Но решил, что лучше сделать это здесь, среди друзей. Время имеет те свойства, которыми мы его наделяем: абсолютное или относительное, ограниченное или бесконечное. Я предпочитаю, чтобы этот момент длился вечно, и когда я буду чистить *ваши* нужники, защищать *вас* от фобоев или нести *ваш* город на своей спине, я смогу вспоминать о своих друзьях.

— Итак, с вином и поцелуем, — Анру целует обеих девушек, — или двумя, — он снова смеется, — я умираю. Увидимся в…

Он роняет свой бокал и падает на землю. Удивленно моргая, застыв над неподвижным телом миллениара, Исидор смотрит на Часы. Они показывают, что до полуночи осталась еще одна минута. *Но как же так? Он все тщательно спланировал, все, до последнего слова*. Однако его размышления прерываются веселыми криками и хлопками открываемого шампанского.

Когда Воскресители приходят за телом и начинается поминовение, Исидор садится с бокалом вина и предается дедукции.

Интерлюдия. Истина

В ночь Вспышки Марсель и Совенок летают на глайдере над Лабиринтом Ночи.

Идея, конечно же, принадлежит Совенку. Всем известно, что в каньонах лабиринта полно фобоев и предательских термальных течений. Кроме того, у Марселя недостаточно Времени, чтобы позволять себе прогулки на глайдере, но спорить с возлюбленным он не может.

— Ты становишься стариком, — говорит он. — Ты никогда не станешь настоящим художником, если время от времени не будешь играть со смертью.

Намек на концепцию, над которой он так долго работал и которая была воплощена другим, все еще причиняет боль, и он не может с этим смириться. В итоге он оказывается в небе, между темными ущельями и звездами, и, несмотря ни на что, испытывает от этого радость.

Над каньоном Иус Совенок внезапно направляет глайдер вниз, пока они едва не задевают верхушки растущих там псевдодеревьев, а затем резко поднимает машину вверх. Они проносятся вплотную к краю каньона, и у Марселя душа уходит в пятки. Совенок, заметив выражение его лица, разражается хохотом.

— Ты сумасшедший, — говорит ему Марсель и целует его.

— Я думал, ты никогда на это не решишься, — с улыбкой говорит Совенок.

— Это было здорово, — говорит Марсель. — Но нельзя ли на некоторое время подняться повыше и полюбоваться звездами?

— Все что угодно, любовь моя. У нас в запасе вся ночь.

Марсель игнорирует его подмигиванье, отводит назад спинку кресла и смотрит в небо. Время от времени он прищуривается, чтобы получить картины отдельных созвездий и планет.

— Я уже подумывал уехать, — говорит Марсель.

— Уехать? — переспрашивает Совенок. — И куда бы ты направился?

Марсель пожимает плечами.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке глайдера. Яркий Юпитер просвечивает между пальцами. — Тебе не кажется, что глупо придерживаться здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

— Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

В его голосе звенит гнев. Совенок — студент-конструктор, и

они никогда бы не сошлись, если бы не физическое влечение, но и теперь он порой говорит такие вещи, от которых сердце Марселя сжимается. За те два года, что длится их связь, Марсель не раз подумывал оставить приятеля. Но такие моменты, как сегодня, заставляют его остаться.

— Нет, — говорит Марсель. — Я делаю нереальные вещи реальными или реальные вещи более реальными. И там это было бы легче сделать. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что они намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь…

Юпитер под его пальцами взрывается. Ладонь на мгновение вырисовывается красным силуэтом на фоне ослепительной белизны. Он зажмуривается, глайдер трясется, его крылья изгибаются под невероятными углами, словно горящая бумага. Он чувствует в своей руке похолодевшие пальцы Совенка. Потом его возлюбленный начинает издавать бессмысленные крики, его гортань взрывается потоком нечленораздельных звуков. И потом они падают.

Только много позже, после того как Спокойные подобрали их тела в пустыне и Воскресители собрали их заново, Марсель слышит слово «Вспышка».

Пострадали города. Повреждения не миновали даже экзопамять. А в небе дела обстоят еще хуже: Юпитер исчез, поглощенный черной дырой — гравитационной или технологической, никто не может сказать. Соборность заявляет о космической угрозе и предлагает всем гражданам Ублиетта убежище путем перекачки сознания. Среди оставшихся в живых зоку возникают волнения. Ходят разговоры о войне.

Марселю все это безразлично.

— Для меня это неожиданная радость, — говорит Поль Сернин, сидя в студии Марселя. Возможно, Марселю это только кажется, но в гевулоте его конкурента при взгляде на модели из клейтроника, эскизы и законченные работы звучит намек на зависть. — В самом деле, после столь долгого отсутствия я не ожидал, что стану первым твоим посетителем. Как дела?

— Если хочешь, — отвечает Марсель, — посмотри сам.

Совенок занимает лучшую комнату в доме Марселя, стоящем на Краю города. Бóльшую часть времени он с безразличным видом сидит в коконе из исцеляющей пены и молчит. Но время от времени из его горла вырываются долгие последовательности резких щелчков и металлический лязг.

— Воскресители не понимают, что с ним, — говорит Марсель. — Его мозг остается в перманентном когерентном состоянии, как в одной из древних квантовых теорий сознания:

забиты микроканальцы нейронов, связанных с экзопамятью. Если произойдет прорыв, он может очнуться, а может и нет.

— Мне очень жаль, — говорит Сернин. К удивлению Марселя, в его голосе звучит искреннее сочувствие. — Я бы хотел чем-нибудь помочь.

— Ты можешь помочь, — говорит Марсель.

— Не понимаю.

— Я отступаю, — говорит Марсель. — В прошлом ты находил мои идеи достойными воплощения. И я хотел бы продать их тебе. — Он обводит рукой студию. — Все свои работы. Я знаю, что ты можешь себе позволить их купить.

Сернин изумленно моргает.

— Но почему?

— Все это напрасно, — говорит Марсель. — Там, наверху, обитают гиганты. Мы для них ничего не значим. Кто-то может раздавить нас и даже не заметить этого. Нет смысла рисовать красивые картинки. Все уже сделано. Мы просто муравьи. Единственное, что имеет смысл, — это заботиться друг о друге.

Некоторое время Сернин молча смотрит на него.

— Ты ошибаешься, — говорит он наконец. — Мы такие же большие, как и они. И кто-то должен это им доказать.

— Строя игрушечные дома? Как хочешь. — Марсель машет рукой и составляет для Сернина мысленный контракт. — Это все твое. Ты победил.

— Спасибо, — тихо говорит Сернин. Он встает и прислушивается к звукам, издаваемым Совенком. Затем откашливается. — Если мы заключим сделку, — медленно говорит он, — могу я время от времени его навещать?

— Если захочешь, — говорит Марсель. — Мне все равно.

Они закрепляют соглашение рукопожатием. Марсель из вежливости предлагает коньяк, но они пьют молча, и после этого Сернин сразу же уходит.

После того как Марсель дает ему поесть, Совенок становится спокойнее. Он приказывает дому играть новые марсианские мелодии и долго сидит с ним рядом. Но когда в небе появляются звезды, Марсель задергивает шторы.

13. Вор и потусторонний мир

Мою смерть мы инсценируем на следующее утро, в приюте Утраченного Времени. Это то самое место, куда испустить свой последний вздох приходят нищие Временем. Это агора, украшенная потемневшими бронзовыми скелетами и статуями страдания. И еще зрелище, предназначенное для того, чтобы его участники получили еще несколько драгоценных секунд.

— Время, Время, Время, оно уходит безвозвратно! — кричу я проходящей паре, потрясая музыкальным инструментом из отпечатанных фабрикатором костей.

За моей спиной в тени статуй двое нищих отчаянно занимаются любовью. Группа morituri[36] с разрисованными лицами исполняет дикий танец, извиваясь и дрожа бледными телами.

Я уже охрип от непрерывного крика, предназначенного для приезжих из других миров, которые составляют бóльшую часть аудитории. Турист с Ганимеда в жилистом экзоскелете с озадаченным временем кидает нам частицы времени, как будто кормит голубей. Он явно не понимает, что здесь происходит.

— *Не переусердствуй*, раздается в моей голове голос Миели. Она остается в толпе зрителей и наблюдает за исполняемым на площади danse macabre[37].

— *Все должно быть достоверно*, — отвечаю я.

— *Можешь в этом не сомневаться. Скажи, когда будешь готов.*

— *Ладно. Давай.*

— Время — это великий Разрушитель! — кричу я. — Я мог быть Тором, богом грома древних эпох, но оно все равно свалило бы меня наземь. — Я отвешиваю поклон. — Леди и джентльмены, узрите Смерть!

Миели, не двигаясь со своего места, отключает меня. Ноги подкашиваются. Легкие перестают работать, и я чувствую сильнейшее удушье. Странно, но мир вокруг остается все таким же четким и ясным. Мой разум тайно продолжает работать в конструкции Соборности, но остальное тело отключается. В глазах темнеет, и я падаю на землю вместе с другими участниками Danse Macabre, которых я тренировал два последних дня. Наши тела образуют на площади слова: MEMENTO MORI.

Из толпы зрителей доносятся нестройные крики, в которых звучат признание вины и восхищение. Затем воцаряется молчание, и земля начинает вздрагивать от тяжелых шагов идущих строем людей. Приближаются Воскресители.

Зрители расступаются, освобождая им дорогу. За многие годы эта процедура превратилась в ритуал, и его приняли даже Воскресители. Они выходят на площадь шеренгами по три человека в ряд, всего около трех десятков. Все одеты в красное, с плотно закрытым гевулотом, скрывающим не только лица, но и движения. У каждого на поясе висит декантатор. Следом за ними шагают Спокойные-воскресители. Они похожи на людей, только намного больше, ростом в три или четыре метра, вместо лиц — гладкие блестящие черные пластины, а из туловища торчит целый пучок рук. Их шаги я ощущаю всем своим телом.

Человек в красном приближается ко мне и подносит к взломанным Часам свой декантатор. На мгновение меня охватывает безотчетный страх: эти угрюмые жнецы наверняка повидали немало попыток обмануть Смерть. Но бронзовое устройство издает короткое жужжание, а потом звон. Воскреситель плавно наклоняется надо мной и привычным движением пальцев закрывает мне глаза. Спокойный берет меня на руки, и гулкий топот по площади возобновляется. Меня уносят в преисподнюю.

— Я ничего не вижу, — жалуюсь я Миели. *— Ты не могла бы отключить какое-то другое чувство*?

— Я не хочу, чтобы они что-то заподозрили. Кроме того, ты должен играть свою роль надлежащим образом.

Странно чувствовать, как тебя уносят в преисподнюю, прислушиваться к гулким шагам в городе под городом и вдыхать непривычный запах морских водорослей, исходящий от Спокойного. Размеренность шагов погружает меня в меланхолию. Я еще никогда не умирал за несколько прожитых столетий. Возможно, Ублиетт прав, это достойный подход к бессмертию — время от времени умирать, чтобы ценить жизнь по достоинству.

— Все еще развлекаешься? — спрашивает «Перхонен».

— Да, черт меня побери.

Это меня тревожит. Пора просыпаться.

И я во второй раз возвращаюсь к жизни, но уже без видений трансформации. Глаза словно застилает слой пыли. Я плаваю в замкнутом пространстве, заполненном вязким гелем. На то, чтобы изрыгнуть небольшой инструмент из ку-камня и открыть крышку гроба, уходит всего мгновение. Емкость не закрыта гевулотом, а только заперта на механический замок: удивительно, насколько Воскресители привержены традициям. Дверца отходит в сторону, и я выбираюсь наружу.

И едва не падаю: я нахожусь высоко на стене огромного цилиндрического помещения с металлической поверхностью, покрытой сетью маленьких крышек. Похоже на картотеку. Вдоль

стен вертикально спускаются кабели. Внизу на них висит Спокойный — похожий на механического осьминога. Он закладывает на хранение поступающие тела. Я прикрываю крышку, оставив небольшую щель для наблюдения, и жду, пока он уйдет. Спокойный с жужжанием ползет вверх по кабелям мимо меня, словно гигантский паук. Тогда я снова рискую высунуться. С кожи капают остатки геля. Я оглядываюсь в поисках зацепок для рук.

— *Отлично*, — говорит «Перхонен». — *А теперь посмотри кое-какие картинки. Внизу имеются служебные шахты: через одну из них ты сможешь впустить Миели*.

Я перепрограммирую слой ку-точек под кожей таким образом, чтобы прилепиться к металлической поверхности, и мимо гробов спящих мертвецов карабкаюсь вниз.

В помещении не утихает постоянный шумовой фон — смешение далеких и близких посвистываний, рокота и ударов. Неподалеку находятся органы движения города — поршни, двигатели, емкости с циркулирующими в них синтбиотическими организмами, обеспечивающими ремонт, и огромные искусственные мышцы, переставляющие колоссальные ноги.

Прозрачные трубы изгибаются к нескольким шахтам по краям зала, и вдоль них оставлены проходы, явно предназначенные для Спокойных меньшего размера. Они достаточно просторны, чтобы мог протиснуться и я. «Перхонен» постоянно посылает изображения, получаемые от моего маяка: вокруг настоящий хаос помещений, тоннелей и машин.

Я проползаю вперед более пятидесяти метров, задевая за стены и трубы, останавливаясь всякий раз, когда слышу шаги Спокойных. В какой-то момент мимо меня, не обращая никакого внимания, пролетает целый рой похожих на пчел Спокойных. Они карабкаются по мне, поблескивая в темноте крошечными глазками, и я с трудом сдерживаю крик.

Наконец я вижу еще один горизонтальный тоннель, на этот раз стены керамические и скользкие от липкой жидкости, просачивающейся из пористого материала. Здесь совершенно темно, и я переключаю зрение на инфракрасный диапазон, стараясь не обращать внимания на призрачный мир гигантов, которые двигаются на границе видимости, и сосредоточиться только на цели.

После бесконечного карабканья в темноте тоннель расширяется и начинает плавно опускаться, так что мне приходится напрягать мышцы, чтобы не соскользнуть вниз. Наконец впереди виден свет — тускло-оранжевый сумрак, и я чувствую леденящий ветер. Теперь становится видно, что тоннель

заканчивается наклонной шахтой и закрыт мелкоячеистой сеткой, пропускающей свет снаружи.

— Передай Миели, что я готов ее встретить, — говорю я «Перхонен».

— Она держит курс на твой маяк. В любой момент будет на месте.

Добраться до этого места стоило немалого труда. У основания города гевулот чрезвычайно плотный: Ублиетт не собирается облегчать жизнь гогол-пиратам. Так что единственный шанс попасть сюда — проникнуть изнутри.

Я снова беру ку-инструмент и прорезаю в сетке отверстие. Лезвие легко прокусывает преграду. Взгляд вниз вызывает приступ головокружения. Но вот налетает горячий вихрь, и над отверстием на развернутых крыльях зависает Миели.

— Где ты так задержалась? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня с неодобрением.

— Знаю, знаю, — говорю я. — Надо было что-нибудь надеть, как только я восстал из мертвых.

Миели несет нас по тоннелю, ориентируясь на маяк, указывающий путь к телу Анру. Я рад, что она здесь: тоннели и переходы стремительно проносятся мимо. Несколько раз, когда мимо с лязгом и сопением проходят огромные Спокойные, принося с собой запах моря, она окутывает нас облаком пыли-невидимки.

И вот мы добираемся до подземной усыпальницы. Это цилиндрические залы около ста метров диаметром, сверкающие хирургической чистотой и хромом, на каждой табличке выгравированы имя и шифр. В третьем зале мы находим Анру.

Как только я вхожу, сверху доносится шипение: восьминогий Спокойный-гробовщик заметил нас и стремительно спускается вниз по кабелям. Миели отталкивает меня и стреляет в него из гостгана. Спокойный со скрежетом останавливается в нескольких метрах надо мной и повисает, словно тряпичная кукла. От взгляда на его мандибулы, заменяющие лицо, у меня сводит челюсти.

— Не беспокойся, — говорит Миели. — Мой гогол только взял на себя его моторные функции. Разум внутри не пострадает. Мы не будем нарушать твою профессиональную этику.

— Это меня не тревожит, — говорю я.

Миели принесла для меня одежду из интеллектуальной материи, но мне все равно холодно. Повинуясь жесту Миели, Спокойный послушно карабкается к табличке с именем Анру, и через несколько мгновений гроб уже лежит на полу перед нами. Я вскрываю его своим инструментом.

— Как я уже говорил Раймонде, мы берем у богатых и отдаем бедным.

Бывший миллениар бледен, на нем нет ничего, кроме черного диска Часов. — *Давай*, — командую я «Перхонен».

— Поток частиц с корабля в моем аугментированном зрении представляется белым световым карандашом. Луч упирается в Часы и возвращает украденную нами минуту. Затем включается внешняя система восстановления, поле зрения забивается белым шумом, а последняя синхронизированная версия разума Анру из экзопамяти возвращается в его тело.

По телу Анру пробегает дрожь. Он порывисто вдыхает полную грудь воздуха, кашляет и наконец открывает глаза.

— Что… Где…

— Простите, мистер Анру, это займет одно мгновение.

Миели подает мне загрузочный шлем — гладкую черную каску без лица. Я надеваю шлем на его голову, и он плотно прилегает к черепу.

Анру смеется, но сразу же срывается на кашель.

— Опять вы? Я разочарован. Я не ожидал, что вы окажетесь обычным гогол-пиратом.

Я улыбаюсь.

— Могу вас заверить, что не взял ни капли вашего гевулота и уже возвратил все, что у вас украл. Дело в другом. Лежите спокойно, пожалуйста.

Ход действий был очевиден. Как определить возможность манипуляций с сознанием со стороны каких-то темных сил? Надо отыскать чистую матрицу и провести сравнение. Анру был молод, не проходил процедуру воскрешения и еще не побывал в состоянии Спокойного, так что его мозг не подвергался воздействию системы восстановления. Теперь это произошло, и, если сознание изменилось, мы это обнаружим. Если нет, что ж, я бывал и в худшей ситуации.

— Если это необходимо… — Анру вздыхает. — Понимаю. Вы украли минуту моего Времени и теперь ее возвратили. Чтобы добраться до моего разума здесь? Интересно. Не могу себе представить, зачем это потребовалось. Это очень странное преступление, мистер ле Фламбер. Жаль, что я не могу остаться и посмотреть, как молодой Ботреле вас поймает.

— Я передам ему от вас привет, — говорю я. — И кстати, должен извиниться за окружающую обстановку. Я даже не могу предложить вам выпить.

— Ладно. Недавно мне пришлось пережить гораздо бóльшие неудобства.

— Пока мы ждем результата, — говорю я, — не могли бы вы

объяснить, почему ожидали нашего появления на приеме?

— Письмо.

— Письмо?

Он удивленно смотрит на меня.

— Так его прислали не вы? О, это даже интереснее, чем я предполагал. Как жаль, что придется все это пропустить. В моей библиотеке появилось письмо от вашего имени. И мы никак не могли понять, откуда оно взялось. Мистер Ботреле решил, что экзопамять нарушена…

— *Мы уже получаем информацию*, — говорит «Перхонен». — *Похоже, изменения действительно имели место, особенно в…*

Лицо Анру трансформируется в злобную маску. Он тянется к моему горлу, и бледные пальцы впиваются в шею. Раздается ужасный пронзительный вопль, лоб Анру разбивает мне лицо, и мои глаза закрывает кровавая пелена боли.

Миели заламывает ему руки за спину и оттаскивает от меня.

— Ле Фламбер! — кричит он изменившимся голосом. — Он придет за тобой. Ле Рой придет за тобой!

А потом его Время окончательно иссякает, и он бессильно повисает на руках Миели.

Я потираю горло.

— Что ж, — говорю я. — Если и требовалось еще доказательство манипуляции сознанием жителей Ублиетта, мы его получили.

— *Мы получили данные*, — говорит «Перхонен». — *Это очень странно*.

Миели, прислушиваясь, наклоняет голову.

— Кто-то идет, — говорит она.

Спустя мгновение я тоже слышу далекие, но приближающиеся шаги Спокойного.

— Вот тебе на! — говорю я. — Наверно, молодая ищейка догадалась, что мы собираемся делать.

Миели хватает меня за руку.

— Поиграть в свои игры успеешь позже, — говорит она. — Надо уходить.

В поисках путей отступления Миели изучает трехмерный план, составленный «Перхонен».

— Не пора ли убегать? — спрашивает вор.

— Ш-ш-ш.

Метамозг определяет возможные маршруты с минимальной возможностью встречи с противником. У нее нет ни малейшего желания пробиваться к выходу с боем. Вот оно: оптимальный маршрут через этот зал, потом наверх…

Пол и стены содрогаются. Раздается протяжный скрежет, и

схема *меняется*. Она понимает, что означают значки искусственных мышц, источников энергии и тепла — Спокойный-атлас. Эти существа поддерживают баланс платформ и внутреннюю структуру. Находятся точно под Лабиринтом, где движение заметнее всего. Воскресители обосновались вплотную к ним, блокируя выходы. Значит, придется драться. Если только…

— Сюда, — бросает она вору и бежит по тоннелю туда, откуда доносятся голоса.

— Можно уточнить? — говорит вор. — Разве мы не должны *убегать* от них?

У Миели нет желания спорить, и она просто сильно подталкивает его через биотическую связь.

— А вот это абсолютно лишнее!

Пересекающий усыпальницу цилиндрический тоннель довольно широк и продолжает расширяться. Ее метамозг регистрирует наличие впереди Спокойных и Воскресителей, но сейчас ее интересует не это.

Они попадают в широкое и низкое помещение диаметром около ста метров. Неяркое освещение обеспечивают синтбиотические трубки. Одна из стен — неровная и явно органического происхождения — двигается и пульсирует, это панцирь живого существа, Спокойного-атласа. Миели погружается в боевую сосредоточенность, вызывает планы окружающей их преисподней, положение платформ и их взаимодействие.

— Огонь! — раздается чей-то приказ.

С другой стороны зала появляется группа Воскресителей и с ними Спокойные-воины.

Миели стреляет в бок Атласа из гостгана. На этот раз снарядом служит простой раб-гогол, который после нескольких циклов сам себя уничтожит. Пол и стены начинают дрожать. По поверхности Спокойного прокатывается спазм. Панцирь трескается. А затем с оглушительным грохотом зал раскалывается по самому центру, из зияющей трещины бьет дневной свет. Миели хватает вора за руку и прыгает.

Они выпадают через рану в плоти города. Вместе с ними, словно кровь, хлещут потоки синтбиотического раствора. И вот они уже щурятся от яркого света снаружи, в настоящем лесу городских ног.

Миели расправляет крылья, чтобы прервать падение, оборачивает их пеленой гевулота и летит назад, в город живых.

В отель я возвращаюсь в приподнятом настроении.

Под гевулотом я весь покрыт грязью и сажей, ноги еще дрожат после полета с Миели, но я ликую. Где-то в мозгу бьется вопрос о том, кто же овладел сознанием Анру. Но желание

отпраздновать заглушает все остальные мысли.

— Ну же, — говорю я Миели, — это надо отметить. Такова традиция. И ты теперь почетный вор. Между прочим, обычно так бывает, когда кто-то попадается при дележе добычи или из-за плохой подготовки отступления. Но мы справились. Не могу поверить.

У меня в голове постоянный гул. За последние несколько часов я был эмигрантом с Пояса, сыщиком, выпрашивающим Время нищим и трупом. *Наверно, так я должен был себя чувствовать в прошлом*. Мне трудно оставаться в неподвижности.

— Ты прекрасно справилась. Как амазонка. — Я болтаю чепуху, но это меня не тревожит. — Знаешь, когда все это закончится, я вернусь и снова поселюсь здесь. Займусь каким-нибудь спокойным делом. Буду выращивать розы. Буду разбивать сердца девушек, а время от времени совершать и другие вещи.

Я заказываю фабрикатору самые дорогие напитки, на которые он способен — виртуально выращенное вино Королевства, — и протягиваю бокал Миели.

— А твой корабль! Такое мастерство в квантовой магии!

— *Полагаю, я могу назвать себя полоумным умельцем, помешанным на взрывах*, — говорит «Перхонен».

Я смеюсь.

— Она разбирается в поп-культуре! Я без ума от нее!

— *Между прочим, в полученной информации обнаруживаются довольно интересные факты.*

— Потом! Оставь их на потом. А сейчас мы слишком заняты выпивкой.

Миели бросает на меня странный взгляд. Я снова жалею, что не могу ее понять, но биотическая связь действует только в одну сторону. К моему удивлению, она принимает бокал.

— У тебя все время так бывает? — спрашивает она.

— Дорогая моя, подожди, пока мы проведем несколько месяцев за подготовкой к взлому мозга *губернии*. Это пустяки. Только искры. А вот тогда будет настоящий фейерверк. Но у меня пересохло в горле, словно после прогулки в пустыне. Это хорошо. — Я звякаю своим бокалом о ее бокал. — За преступление.

Ликование вора заразительно. Миели понимает, что немного опьянела. Ей и раньше приходилось прилагать немало усилий для подготовки операции — к примеру, освобождение вора из Тюрьмы, — но она никогда не испытывала того странного возбуждения, какое прямо-таки брызжет из вора. Он тоже отлично себя проявил, совсем как собрат по кото, без всякого бунтарства, и это нечто новое в его поведении.

— И все же я не понимаю, — говорит она, усаживаясь на диван и позволяя себе наслаждаться этим будоражащим ощущением. — Почему это доставляет такое удовольствие?

— Это игра. Ты когда-нибудь играла в игры у себя в Оорте?

— Мы бегали наперегонки. И состязались в пении ремесленных и колдовских песен. — Внезапно она ощущает тоску по прошлому. — Я очень любила это занятие, особенно создание предметов из коралла. Надо представить себе желаемый предмет. Найти описывающие его слова. А потом ты обращаешься с ними к *vaki*[38], они пробуждаются и создают его. А в итоге ты получаешь что-то свое, новую для этого мира вещь. — Она отводит взгляд. — Так я создала «Перхонен». Это было очень давно.

— Понимаешь, — говорит вор, — воровство для меня то же самое.

Неожиданно он становится очень серьезным.

— Что же ты здесь делаешь? — спрашивает он. — Почему не вернешься, чтобы творить новые вещи?

— Я делаю то, что должна сделать, — говорит Миели. — И так было всегда.

Но она не желает раскрывать эту тему.

— Но только не сегодня, — говорит вор. — Сегодня мы будем делать то, что нам *хочется*. Мы будем развлекаться. Чего бы ты хотела?

— Петь, — говорит Миели. — Я бы хотела спеть.

— Я как раз знаю подходящее место, — говорит вор.

Чрево: подземные улицы и переулки между перевернутыми башнями. Огоньки Спокойных внизу, дроны-газетчики, предлагающие репортажи о дневном землетрясении в городе и странном происшествии на прощальной вечеринке прошлой ночью.

Крошечный бар называется «Красный шелковый шарф». В нем имеется небольшая сцена; стены украшены подсвеченными постерами и скульптурами музыкантов, бросающими блики на полукруг столиков. Здесь проходят вечера открытого микрофона. Аудитория состоит из нескольких молодых марсиан, на лицах которых застыло выражение скуки все повидавших людей. Но вор что-то шепчет на ухо хозяину и убеждает включить ее в программу, пока Миели сидит у стойки и потягивает из маленького стаканчика какой-то странный коктейль.

Вор, не без помощи «Перхонен», убедил ее потратить немного времени на переодевание, и она выбрала темный брючный костюм, дополненный туфлями на платформе и зонтиком. Вор не удержался, заметив, что у нее такой вид, будто Миели собралась на похороны. Но, услышав, что это могут быть его похороны, он

вздрогнул. Это ее рассмешило. Непривычная одежда, словно панцирь, позволяет ей чувствовать себя кем-то другим, каким-то безрассудным авантюристом. Это всего лишь невинный обман: она знает, что при первых же признаках опасности метамозг мгновенно удалит все следы опьянения и ненужных эмоций. Но подобное притворство, тем не менее, доставляет ей удовольствие.

— *Как дела*? — шепчет она «Перхонен». — *Тебе не мешало бы к нам присоединиться. Я собираюсь петь*.

На сцене девушка в огромных темных очках под стук своего сердца что-то декламирует, сопровождая стихи абстрактными творениями из недолговечной материи. Миели видит, как вор недовольно морщится.

— *Извини*, — отвечает корабль. — *Я занята решением проблем с многомерной криптографической структурой и привлекла к этому целую тысячу гоголов-математиков. Но я рада, что вам весело*.

— *Я скучаю по ней.*

— *Я знаю. Мы ее вернем.*

— Миели? Ты следующая.

Миели вздрагивает.

— *Мне пора. Пора петь.*

Она сглатывает.

— Не могу поверить, что ты меня на это уговорил, — говорит она.

— Ты это заслужила, — говорит вор. — Знаешь, ты единственная, кому я здесь могу доверять. Так что не беспокойся, я тебя прикрою.

Она кивает, ощущая комок в горле. Или это у него комок в горле? На слегка заплетающихся ногах она поднимается на сцену.

Песни льются из нее потоком. Песни льда. Песни долгого странствия Илматар из горящего мира, песни радости полета и песни предков в потустороннем мире. Она поет песни, создающие корабли. Она поет песни, закрывающие двери кото от Человека Тьмы. Она поет о своем доме.

Когда она заканчивает, в баре все молчат. Потом, один за другим, все слушатели начинают аплодировать.

Позже они отправляются в обратный путь. Вор держит ее за руку, но это почему-то не раздражает ее.

В отеле, когда уже пора пожелать друг другу спокойной ночи, вор не отпускает ее руку. Биотическая связь передает его возбуждение и напряжение. Миели дотрагивается до его щеки, притягивает его голову ближе.

А потом раздается смех, переливчатый, как и песни до этого, а при виде обиды на его лице она не может остановиться.

— Прости, — говорит она, согнувшись пополам и плача от смеха. — Я не могу удержаться.

— Прощаю, — говорит вор, — хотя не понимаю, что в этом смешного. — В его глазах так ярко пылает уязвленная гордость, что Миели кажется, будто она вот-вот умрет. — Ладно. Я собираюсь напиться.

Он резко разворачивается и идет к двери.

— Подожди, — говорит она, все еще вытирая слезы. — Мне очень жаль. Спасибо за идею. Просто мне… смешно. Спасибо за сегодняшний вечер.

Он слегка улыбается.

— Рад, что тебе понравилось. Видишь, иногда неплохо делать то, что хочется.

— Но не всегда, — говорит она.

— Нет, — вздыхает вор. — Не всегда. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорит Миели, сдерживая хихиканье и поворачиваясь, чтобы уйти.

Вдруг ее гевулот вздрагивает, и появляется ощущение присутствия кого-то постороннего.

— О Боже, — раздается чей-то голос. — Надеюсь, я вам не помешал.

На балконе, где обычно сидит вор, расположился человек с небольшой сигарой руке. Неожиданный едкий запах дыма как дурное воспоминание. Мужчина молод, его черные волосы зачесаны назад. Его пиджак лежит на полу рядом с креслом, а рукава рубашки закатаны до локтей. Он улыбается, демонстрируя острые белые зубы.

— Я думаю, нам пора поговорить, — говорит он.

14. Сыщик и архитектор

Исидор во второй раз осматривает тело Анру. Мертвый милледиар выглядит не таким умиротворенным, как прошлой ночью: его бледное лицо искажено ужасной гримасой, на лбу и висках заметны красноватые точки. Пальцы скрючены.

В зале-усыпальнице очень холодно, и дыхание Исидора мгновенно превращается в пар. Наглухо закрытый гевулот делает все вокруг нереальным и ускользающим, а молчание трех Воскресителей, пришедших вместе с ним, ничуть не помогает. Фигуры в красных одеяниях, чьи лица скрывают гевулот и сумрак, стоят неестественно тихо, не двигаются и, кажется, даже не дышат.

— Как любезно с вашей стороны разрешить мне сюда прийти, — говорит он, обращаясь к тому — ему или ей? — на чьей груди начертан золотой знак бесконечности. — Как я понимаю, это не слишком обычная просьба.

Ответа нет. Исидор почти уверен, что это тот же самый Воскреситель, с которым он недавно разговаривал в Доме Воскрешения, когда понял, что намеревался сделать вор. После толчка, потрясшего город, они привели его сюда и показали, что произошло, но до сих пор никто не произнес ни слова.

Логический вывод мог быть только один: украсть столь ничтожное количество времени понадобилось только для того, чтобы впоследствии вернуть его и совершить какое-то преступление в преисподней. Бедняга Анру. Концы с концами не сходятся, и от этого Исидору становится не по себе.

Он изучает место преступления при помощи своего увеличительного стекла. На полу имеется два различных вида консервирующего геля, и степень их коагуляции тоже различна; одно вещество покрывает тело Анру, другое — чье-то еще. Это подтверждает его догадку о способе проникновения вора — каким-то образом он притворился умершим, а потом изнутри впустил своего вооруженного соучастника. Исидор решает проверить все воспоминания агор в тех местах, где умирают нищие Временем.

Кроме того, он обнаружил следы незнакомых искусственных клеток — куда более сложных, чем любые синтбиотические вещества Ублиетта. Это он обнаружил под ногтями Анру, значит, не обошлось без борьбы. А отметины на его черепе свидетельствуют о принудительной закачке.

— Нельзя ли хоть ненадолго его восстановить? — спрашивает Исидор у Воскресителей. — Мы могли бы воспользоваться его

свидетельством, чтобы точно узнать, что здесь произошло.

Молчание одетых в красное стражей преисподней его не удивляет: они не желают нарушать законы восстановления ни при каких обстоятельствах, даже ради раскрытия преступления.

Он обходит помещение и продолжает размышлять. Один из Воскресителей занимается поврежденным Спокойным, которого атаковал соучастник вора. Исидор уже исследовал пулю — крошечный осколок алмаза. Если внутри него что-то и было, все уже сплавилось в единую массу.

Больше всего его беспокоит отсутствие мотива. Происшествие во время приема, теперь еще и это: ничего общего с преступлениями гогол-пиратов, о которых он слышал или участвовал в расследовании. Судя по всему, вор не делал никаких попыток получить доступ к гевулоту Анру. Это даже не преступление. Некоторое количество Времени было украдено, потом возвращено, сняты две разные копии сознания Анру, что совершенно бессмысленно без ключей гевулота для их расшифровки. Но прежде всего, как же ему удалось похитить Время?

— Вы не возражаете, если я взгляну на это? — Он поднимает Часы Анру и осторожно отстегивает с руки цепочку. — Я бы хотел их исследовать.

Воскреситель с символом бесконечности на груди медленно кивает, достает из кармана маленькие непримечательные Часы и прикасается к ним и к Часам Анру своим декантатором. После этого он кладет новые Часы точно на то место, где лежали старые, и отдает Исидору черный гладкий хронометр Анру.

— Благодарю вас, — говорит Исидор.

Воскреситель сдвигает назад свой капюшон и слегка приоткрывает гевулот, показывая круглое приветливое лицо. Он нерешительно откашливается.

— Прошу прощения… Мы так много времени проводим с… нашими Спокойными братьями, что трудно…

— Все в порядке, — говорит Исидор. — Вы были очень добры.

Человек достает что-то из кармана.

— Мой партнер… там внизу… — Он показывает на пол. — Когда не был Спокойным… был фанатом… — Он кашляет. — И я подумал… может, вы… автограф?

Он протягивает газетный сюжет с недолговечным фильмом. Статья Адриана Ву.

Исидор вздыхает, берет газету и выуживает из кармана ручку.

Дневной свет заставляет его щуриться, но Исидор рад, что оставил за спиной темный фасад Дома Воскрешения. Ветер на Устойчивом проспекте, по сравнению с прохладой преисподней,

кажется ему горячим, но человеческие голоса действуют освежающе.

Оптогенетическая атака на приеме вызвала у него ощущение растерянности и небольшую головную боль. Однако Спокойный-медик, обследовавший его вместе с остальными гостями, не нашел никаких остаточных следов инфекции. Он сумел изолировать вирус, а когда Исидор вместе с Одеттой обыскивал территорию, они нашли порванный цветок, откуда, вероятно, и распространилась зараза. Цветок, надежно упакованный в сферу из интеллектуальной материи, так и остался в наплечной сумке Исидора.

Он не может заснуть, и мысли, беспрестанно кружащие в голове, не дают отдохнуть. Как только он вспоминает о воре, Исидор чувствует легкий укол стыда. Они были так близко — лицом к лицу, — и вор сумел похитить не только его самообладание, но и кольцо сцепления. И вот еще одна загадка: как ему удалось симулировать его личность? Насколько Исидору известно, у вора не было возможности получить доступ к его гевулоту.

Мало того, никаких следов вора не осталось даже в экзопамяти парка, его единственное появление без маскировки гевулота было зафиксировано в тот момент, когда он разговаривал с Исидором. Абсолютно ясно, что этот человек способен изменять наружность согласно своим желаниям. Он подозревает, что растерянность частично обусловлена страхом: возможно, ле Фламбер ему не по силам.

Он останавливается под вишневым деревом и вдыхает запах его цветов, стараясь собраться с мыслями. От обычных гоголпиратов его противника не отличает ничего, кроме особой репутации и некоторого своеобразия. Ле Фламбер где-нибудь обязательно ошибется, и Исидор твердо намерен его поймать.

Сжав зубы, он сворачивает с проспекта на боковую улочку и отправляется на поиски лавочки Часовщика.

— Интересно, — говорит Часовщик, разглядывая Часы Анру через массивный бронзовый окуляр. — Да, думаю, я смогу вам сказать, как это было сделано.

На линзах окуляра мелькают строчки цифровой информации. Часовщик — худощавый мужчина средних лет в черной футболке с отпоротыми рукавами, с синими волосами и обвисшими усами, а мочки его ушей вытянулись под тяжестью имплантатов и серег. Его мастерская представляет собой нечто среднее между лабораторией квантовой физики и рабочим местом часовых дел мастера: здесь полно блестящих жужжащих футляров со

стоящими на них голографическими дисплеями и аккуратно разложенных на деревянном столе миниатюрных инструментов. Из задней комнаты доносятся ритмичные звуки, и Часовщик, работая, энергично кивает головой в такт громкой музыке. После того как Исидор рассказал ему историю Анру, он с радостью взялся помочь, хотя молодому сыщику с трудом удается игнорировать похотливые взгляды, которые тот время от времени бросает на молодого парня.

Перчатки Часовщика оканчиваются пинцетом, словно продолжающим его пальцы остриями, сужающимися до молекулярного уровня, и при помощи этого приспособления он вынимает что-то из Часов Анру. Он подносит предмет к свету. Это едва различимый на глаз паук телесного цвета. Часовщик помещает его в сферу из недолговечной материи и увеличивает: получается чудовищное насекомое размером с кулак. Исидор вынимает свое увеличительное стекло, вызывающее любопытный взгляд хозяина мастерской.

— Внутри этого малыша довольно интересная аппаратура, — говорит Часовщик. — Он пробрался до ионных накопителей, где хранятся запасы Времени, выкачал его часть и преобразовал в какой-то сигнал. А потом — Пуф! — и Время улетело. Это один из самых старых трюков из учебника по квантовой механике, но я впервые вижу, чтобы им воспользовались для кражи Времени.

— А где мог находиться приемник? — спрашивает Исидор.

Часовщик разводит руками.

— Где угодно. Кват-сигналы не требуют большой мощности. Насколько я знаю, приемник мог быть даже в космосе. Да, кстати, этот жучок явно не местного происхождения. Могу поспорить на все свои деньги, что это дело Соборности. — Он сплевывает на пол. — Надеюсь, вы сумеете их поймать.

— Я тоже надеюсь, — говорит Исидор. — Спасибо.

Он обводит взглядом мастерскую. В разложенных под стеклом Часах ему чудится что-то знакомое, в голове щелкает…

Откуда же пришло воспоминание?

— Сынок, что с тобой? — спрашивает Часовщик.

— Все в порядке. Мне надо немного посидеть. — Исидор опускается на подставленный хозяином мастерской стул. Он закрывает глаза и обращается к экзопамяти вечеринки. Вот оно: странное ощущение встречи с двойником, возникшее после разговора с вором, как раз перед тем как тот украл Время Анру. Конечно: если вор воспользовался ключом к личности Исидора, чтобы его имитировать, у него имеется доступ к экзопамяти о том промежутке времени.

— Вы бы не могли бы приглушить музыку?

— Конечно, конечно. Стакан воды?

Он массирует виски и бережно просеивает память, отделяя свои воспоминания от тех, которых быть не должно. *Он смотрел на свои Часы. Вот его Часы*. Есть еще и другие мысли — архитектурные эскизы, красивая женщина со шрамом на лице, похожий на бабочку космический корабль со сверкающими крыльями. И еще эмоции: высокомерие и самоуверенность, бравада, вызывающая у Исидора гнев.

Я тебя обязательно поймаю.

Он открывает глаза, морщится от головной боли, принимает протянутый стакан и залпом выпивает воду.

— Спасибо. — Он делает глубокий вдох. — Еще один вопрос, и после этого я не стану вам досаждать. Вы когда-нибудь видели такие Часы?

Исидор посылает Часовщику воспоминание о только что увиденных Часах.

Мастер ненадолго задумывается.

— Вряд ли я их видел. Но, похоже, старая Антония могла бы вам помочь, ее мастерская через две улицы. Скажите ей, что вас послал Джастин.

Он подмигивает Исидору.

— Еще раз спасибо, — благодарит Исидор. — Вы мне очень помогли.

— Не стоит. В наше время трудно встретить молодых людей, интересующихся Часами. — Он усмехается и кладет руку на бедро Исидора. — Хотя, если вы действительно желаете выразить свою благодарность, мы могли бы…

Исидор поспешно покидает мастерскую. Вслед ему снова несутся дикая музыка и хохот.

— Да, я их помню, — говорит Антония.

Она совсем не старая, по крайней мере, если судить по внешнему виду: возможно, это ее третье или четвертое тело — изящная смуглая женщина с лицом индианки. В ярко освещенной лавке царит полный порядок, между Часами на витрине разложены ювелирные украшения в ксантийском стиле. Она сразу же отпечатывает из недолговечной материи копию воспоминания и теперь покачивает ее на ладони, постукивая по крышке ярко-красным ногтем.

— Это было несколько лет назад, — говорит она. — Приблизительно около двадцати земных лет, судя по стилю. Заказчик хотел, чтобы в Часах имелось специальное пространство, в котором можно что-то спрятать, и открываться оно должно было нажатием определенных букв на крышке. Возможно, он хотел подарить их возлюбленной.

— А не помните ли вы случайно самого заказчика? — спрашивает Исидор.

Женщина качает головой.

— Этим ведает гевулот магазина, но мы редко храним подобные сведения. Люди предпочитают скрытность во всем, что касается их Часов. — Она задумчиво хмурится. — Хотя я уверена, что часов было несколько. Да, девять моделей. Все очень похожи между собой и все для одного заказчика. Если хотите, я могу передать вам схему.

— Это было бы чудесно, — говорит Исидор.

Антония кивает, и через мгновение его мозг наполняется сложными механическими и квантовыми схемами и вдобавок головной болью. Пока он щурится от боли, Антония разглядывает своего посетителя с улыбкой.

— Надеюсь, Джастин вас не испугал, — говорит она. — Наша профессия обрекает на одиночество — долгие часы работы, редкие благодарности, — и его иногда заносит, особенно с молодыми парнями вроде вас.

— У сыщиков почти то же самое, — говорит Исидор.

Он решает пообедать в небольшом парящем в воздухе ресторанчике в парке Монгольфье, а заодно и привести свои мысли в порядок. Его узнают даже здесь — очевидно, «Вестник» постарался отметить его участие в прощальном приеме Анру, — но он так сильно занят Часами, что даже не пытается скрыться от любопытных взглядов под пеленой гевулота. Едва отведав тыквенного пирога, он сосредотачивается на схеме Часов.

Все они одинаковы, за исключением гравировок. *Bonitas. Magnitudo. Eternitas. Potestas. Sapientia. Voluntas. Virtus. Veritas. Gloria*. Благость, Величие, Вечность, Сила, Премудрость, Воля, Добродетель, Истина, Слава. Ни одно из этих качеств невозможно отнести к Жану ле Фламберу. Но совокупность гравировок свидетельствует о том, что случай с Анру не был вызван просто желанием позабавиться с варварами из Ублиетта, как полагал сам миллениар. Ле Фламбер явно имел какое-то отношение к Марсу, хотя бы двадцать лет назад.

За чашкой кофе Исидор рассеянно смотрит на город и обдумывает значение гравировок. Все вместе эти Божественные Достоинства встречались в средневековых работах Раймонда Луллия[39], жившего в XIII веке, и имели отношение к каббалистическому Древу Жизни и утраченному искусству… памяти. Одним из последователей Луллия был Джордано Бруно, который усовершенствовал мастерство дворцов памяти, хранения мысленных образов в физических объектах, как бы за пределами сознания. Что ж, эта стыковка имеет смысл. Экзопамять Ублиетта

делает то же самое: все мысли и ощущения хранятся в ячейках многочисленных компьютерных устройств, расположенных вокруг города.

Общие контуры дела кажутся ему верными, но Исидор не уверен, он как будто разглядывает проявляющиеся в облаках образы. Затем в мыслях всплывает фрагмент воспоминаний с архитектурными набросками.

Еще одно прищуривание — в поисках дворцов памяти — выявляет, что двадцать лет назад Голос санкционировал серию новых построек. Девять отображений в памяти архитектора по имени Поль Сернин.

Все дворцы памяти расположены в Лабиринте, относительно недалеко друг от друга, но общественная экзопамять о них устарела, и, чтобы их отыскать, Исидору приходится поработать ногами.

Первый объект на его пути стоит неподалеку от рыночной площади Лабиринта: он втиснулся между синагогой и небольшим общественным центром фабрикаторов. Это весьма экстравагантное здание размером с небольшой дом построено из какого-то гладкого черного материала и состоит из геометрических фигур, на первый взгляд беспорядочно нагроможденных друг на друга. И тем не менее Исидор улавливает некоторую закономерность. Между плоскостями остается пространство, похожее на жилые помещения и переходы, но странным образом искаженное, как будто отражается в кривом зеркале. На небольшой табличке над тем местом, где предполагается вход, начертано *Eternitas*.

Со стороны кажется, будто строение спроектировано алгоритмическим процессором, а не человеческим существом. Больше того, очертания отдельных частей кажутся размытыми, словно поверхности продолжают процесс деления и раздвоения, недоступный человеческому зрению. В целом здание производит не слишком приятное впечатление. Кто-то из местных жителей, вероятно, желая сделать мрачное сооружение менее зловещим, поставил внутрь горшки с цветами, и лианы, стремясь к свету, обвивают острые выступы.

Попытка Исидора получить дополнительную информацию заканчивается коротеньким сообщением о том, что Eternitas является «экспериментом по трансформированию фрагментов экзопамяти в архитектурные и жилые пространства». В конце концов, подобных проектов в Ублиетте великое множество, а несколько знакомых Исидору студентов работают и над более странными идеями, но здесь явно имеется нечто более глубокое, нечто важное для вора или бывшее важным для него в прошлом.

Повинуясь внезапному импульсу, он достает увеличительное стекло. И невольно ахает. Едва он включает увеличение, поверхность становится невероятно сложной — обнаруживаются черные листья, шпили и пирамиды, целые архитектурные комплексы, поражающие своей точностью на молекулярном уровне. Кроме того, его лупа не в состоянии определить, что это за материал. Вещество напоминает ку-материю зоку, но еще плотнее; при сравнительно небольших размерах это здание должно быть невероятно тяжелым. При ближайшем рассмотрении оно кажется не столько предметом архитектуры, сколько немыслимо сложным механизмом, застывшим во времени.

И это только одно из девяти сооружений? Исидор глубоко вздыхает. *Возможно, это действительно выше моих возможностей.*

В глубокой задумчивости, полагаясь на чувство направления, ведущее его по Лабиринту, он идет к следующему объекту Отражения, который находится всего в нескольких сотнях метров.

Как же все это связано с Анру? Время, дворцы памяти, Божественные Достоинства? Может, все это бессмысленно, а ле Фламбер просто безумец? Но инстинкт подсказывает, что существует определенная логика, что до сих пор он нащупал только осколок огромного айсберга.

От неожиданного шума он едва не подпрыгивает. На соседней крыше мелькнул силуэт на роликовых коньках. Строительство в этой части Лабиринта было начато, но вскоре приостановлено, поскольку движение городских платформ переместило участок в невыгодную позицию. Здесь повсюду недостроенные здания и очень пустынно. Здания на узких улочках напоминают гнилые зубы. Любитель кататься на роликах уже исчез, превратившись в серое пятно гевулота. Исидор ускоряет шаги и продолжает идти к своей цели.

Через минуту он слышит за спиной шаги. Поначалу ему кажется, что его преследует один человек, но, остановившись, чтобы прислушаться, он понимает, что шагают несколько пар ног, двигаясь синхронно, как в военном строю. Он спешит свернуть с главной улицы в боковой переулок и тут же замечает, что в результате смещения противоположный конец превратился в тупик. Он оборачивается и видит четверых Себастьянов.

Они все в точности похожи на приятеля Элоди: молодые, с привлекательными лицами, в облегающей одежде, отдаленно напоминающей костюмы зоку. Сначала их лица остаются бесстрастными, но затем они одновременно растягивают губы в жестокой, беспощадной усмешке.

— Эй, имитатор, — окликает его один из них.

— Теперь мы тебя узнали, — говорит второй.

— Тебе надо было…

— …не лезть не в свое дело, — заканчивает последний.

— Глупо соваться на нашу территорию, это пахнет преисподней.

— Глупо приближаться к местам, которые нам приказано охранять.

Словно тренированные солдаты, они одновременно шагают вперед и достают небольшие ножи.

Исидор разворачивается и бежит со всех ног, стараясь отыскать зацепки, чтобы перелезть через препятствие, перегородившее переулок.

Себастьян на роликах в прыжке сбивает его с ног. Исидор летит на тротуар, ударяется обоими локтями, потом носом, и воздух мгновенно покидает легкие. На мгновение мир затягивается красной пеленой. Зрение возвращается, но он уже лежит на спине, а над ним маячат безупречно-фарфоровые физиономии. К горлу прижато что-то холодное и острое. Руки прижаты к мостовой. Он в отчаянии открывает свой гевулот для срочного вызова Спокойных-полицейских. Но канал действует неустойчиво: гогол-пираты уже что-то предприняли, чтобы его блокировать.

Загрузочные щупальца пляшут над его головой, словно ракеты фейерверка на вечеринке, ему даже кажется, будто они шипят. Что-то колет его в шею, и он видит, как один из Себастьянов поднимает небольшой шприц.

— Мы заберем твой разум, имитатор, — говорит он. — Мы так обрадовались, узнав, как ты выглядишь. Даже возблагодарили Федорова, как только увидели газету. Сейчас ты начнешь кричать, совсем как шоколатье в воспоминании моего брата. Молись, чтобы Основатели в своей мудрости использовали тебя для достижения Великой Всеобщей Цели. В качестве наводчика ракеты. Или, возможно, пищи для Дракона.

Щупальца резкими электрическими поцелуями присасываются к его черепу.

— Отпустите его, — раздается резкий раскатистый голос.

На другом конце переулка, на границе поля зрения Исидора возникает черный силуэт Джентльмена.

— И не подумаю, — отвечает первый Себастьян. Из его рта пучком светящихся змей свисают щупальца. — Я добрался до его мозгов. Даже твой дьявольский туман не быстрее света, сука.

Свет. Все Себастьяны в этот момент смотрят в сторону Джентльмена. Его мысленная команда рассеивает ку-сферу

вокруг цветка вора, лежащего в его сумке. *Надеюсь, это сработает достаточно быстро. Надеюсь, что на них тоже подействует.* Он приоткрывает свой гевулот Джентльмену, чтобы тот прочитал его поверхностные мысли: *фейерверк, свет.*

— Но ты можешь послушать, как он кричит…

Сверкает ослепительная вспышка, а потом долгое падение куда-то в темноту.

Наконец свет возвращается. Исидор покачивается на чем-то мягком. Лица Себастьянов все еще мелькают перед его глазами, но через мгновение он понимает, что это его собственное лицо, отражающееся в серебряной маске Джентльмена.

— Не пытайся говорить, — приказывает наставник. — Помощь уже в пути.

Исидор парит в воздухе, и мягкая поддержка удобнее, чем его собственная кровать.

— Попробую угадать, — говорит Исидор. — Это вторая самая большая глупость, которую я совершил?

— Не совсем так.

— Ваше появление весьма своевременно, — продолжает он. — Ваша помощь могла бы нам пригодиться прошлым вечером.

— Мы не можем быть одновременно повсюду. Как я понимаю, эта дурацкая прогулка связана с вашим знаменитым незваным гостем?

Исидор кивает.

— Исидор, я хотел с тобой поговорить. Извиниться. Мое суждение при нашей последней встрече было… слишком резким. Я чувствую в тебе все качества, необходимые, чтобы стать одним из нас. В этом у меня никогда не было сомнений. Но это не означает, что ты *должен* стать таким. Ты молод. И свою жизнь ты можешь использовать для другого. Ты можешь учиться. Творить. Жить.

— Почему мы говорим об этом сейчас? — спрашивает Исидор.

Он закрывает глаза. В голове сильный шум: двойной удар оптогенетического оружия меньше чем за сутки. Голос наставника становится глуше и удаляется.

— Именно поэтому, — говорит наставник. — Потому что ты продолжаешь подставлять себя под удары. И еще потому, что есть более опасные вещи, чем василевы. Оставь вора нам. Иди домой. Разберись в отношениях с этой девочкой зоку. В жизни есть много более интересного, чем погоня за призраками и гогол-пиратами.

— А почему… я должен вас слушать?

Наставник не отвечает. Но Исидор ощущает легкое прикосновение к своей щеке и неожиданный поцелуй на лбу,

сопровождаемый странным впечатлением отошедшей в сторону маски. Прикосновение настолько нежное, что на этот раз Исидор готов признать правоту Адриана Ву. И еще этот аромат — едва уловимый запах хвои…

— Я не прошу меня слушаться, — говорит наставник. — Просто будь осторожнее.

Поцелуй еще горит на его лбу, когда он открывает глаза. Вокруг внезапно возникает суета: прибыли Воскресители и Спокойные-медики в красно-белой одежде. Но наставника уже нет. Перед глазами снова что-то сверкает, и он опускает веки. *Опять фейерверк*. И перед самым погружением в темноту возникает вопрос.

Откуда наставнику известно о фейерверке?

15. Вор и богиня

Миели и я изумленно разглядываем незнакомца. Он встает и надевает пиджак.

— Кто-нибудь хочет выпить? — Он подходит к фабрикатору и наполняет свой стакан. — Боюсь, я немного поторопился и сам себя обслужил, пока вас дожидался. Я понимаю, вам есть что отметить, так что ничего удивительного. — Он делает глоток. — Вы провернули неплохое дельце, было интересно наблюдать.

Давай, мысленно обращаюсь я к Миели. *Ты справишься с этим парнем. Надо заставить его говорить*.

Она отвечает мне странным взглядом.

Человек кивает Миели.

— Да, кстати, благодарю за приглашение. Мои коллеги и я сам одобряем откровенность. — Он роняет сигару в стакан, и она с шипением гаснет. — Но где же мои манеры? Прошу вас. — Он указывает рукой на диван. — Присаживайтесь.

Я хватаю Миели за плечо. *Приглашение?* Резким движением он стряхивает мою руку. *Позже*. От оортианской певицы из «Красного шелкового шарфа» ничего не осталось, и ее лицо снова выражает суровую решимость. Я понимаю, что сейчас не время для споров, и сажусь рядом. Незнакомец облокачивается на стол и слегка приподнимает брови.

— Между прочим, Жан, я удивлен. В прежние времена ты был более прямолинейным. Ты бы не стал ждать, пока кто-то добровольно уйдет из жизни, в случае необходимости ты не чуждался трупов. Наверно, становишься мягкотелым.

— Я артист, — отвечаю я. — А трупы несовместимы с настоящим искусством. И я уверен, что то же самое говорил вам и в прошлом, мистер?..

— Прошу прощения, — говорит он. — Я пришел не в своем теле. Этот молодой человек сегодня утром вернулся из Спокойных, и я позаимствовал его для нашей встречи во избежание любых… соблазнов причинить мне вред. — Он вынимает вторую сигару, облизывает ее кончик и нюхает. — Кроме того, некоторое разнообразие время от времени не помешает. Вы можете звать меня Робертом. Мы уже встречались, хотя я понимаю, что вы этого можете и не помнить. С тех пор мы оба достигли значительных успехов в своих карьерах. Я стал… одной из просвещенных личностей, которых ваши друзья-наставники называют криптархами, а вы, по всей видимости, стали пленником.

Криптарх Роберт поджигает сигару, дует на нее, и на кончике

остается тлеть красный огонек.

— Наводит на размышления о карме, не так ли? Я думаю, это понятие будет учтено в системе восстановления следующего поколения.

— Что вам нужно? — спрашиваю я.

Он приподнимает брови.

— Сейчас объясню. У вашего коллеги имеется очень интересное предложение. Леди, не могли бы вы его повторить?

Миели поворачивается ко мне. Легкий макияж при резком освещении выглядит довольно странно: она похожа на мертвеца.

— Вы перестаете вмешиваться в нашу работу, — говорит Миели, — а мы выдаем вам наставников.

— Соблазнительно, не так ли? — говорит Роберт.

В моей груди вскипает злость, горячая желчь с запахом серы. Алкоголь не помогает. Я делаю глубокий вдох и зажимаю ее мысленным кулаком, сберегая на будущее. И улыбаюсь криптарху.

— Знаете, Жан, мы наблюдали за вами с тех самых пор, как вы здесь появились. Для профессионала вы были слишком заметной личностью. Мы еще помним прежние времена. Вы не завели здесь друзей. Как жаль, приходится возвращаться в прошлое. Но верность никогда не была в числе ваших достоинств. Вспомните хотя бы, что случилось с той девушкой, Раймондой.

Я удерживаюсь, чтобы не клюнуть на эту приманку.

— Так зачем же так долго ходить вокруг да около? Гоголь-пираты, письмо Анру…

В его глазах что-то мелькает, он поспешно пытается скрыть свои чувства под гевулотом, но тщетно. Он не знает о письме. Роберт пренебрежительно взмахивает сигарой.

— Всего лишь мелкие трюки, чтобы придать игре некоторую остроту. Мы стары и легко впадаем в скуку. Но пора перейти к делу. На ваше предложение я отвечаю отрицательно.

Миели хмурится.

— Почему?

Вместо Роберта отвечаю я.

— Потому что уже известно, кто такие наставники. Один из них работает на вас, а может, и не один. Все они были Спокойными. И они полезны. Следят за чистотой улиц.

— Они вспыльчивы и малоэффективны, а порой вызывают раздражение, но да, они помогают справляться с небольшими проблемами. Но дело не в этом. Жан, мне всегда нравилась твоя готовность видеть вокруг себя чудовищ. Мы *согласны* с наставниками. Мы хотим, чтобы это место оставалось свободным, безопасным и особенным — словом, подходящим, чтобы жить, не

страдая от тяжести прошлых грехов. — Он качает головой. — Проблема не в самих наставниках, а в тех, кто за ними стоит. И мы хотим подбросить им кое-какую дезинформацию.

— Колония зоку, — говорю я.

— Мне приятно, что вы проявили интерес к нашей внутренней политике. — Он достает из кармана небольшой предмет: округлый, яйцевидной формы, похожий на камень зоку. — Вместе с ним идет небольшой фрагмент памяти, подготовленный для ваших друзей наставников — то, что вы вполне могли обнаружить во время своих упражнений с мистером Анру, но более полезное для наших целей.

— Это все? — спрашивает Миели.

— Конечно, нет. — Криптарх снова ухмыляется, показывая зубы в пятнах табачного сока. Гримаса старика на лице юноши. — Этого, безусловно, недостаточно. Жан, мы хотим получить *свою долю*.

— Что?

— Мы позволили вам прожить здесь столько лет в прошлом. Вы намеревались вернуться. И поделиться с нами всеми своими сокровищами из чужих миров. Помните? Конечно, нет. — Роберт качает головой. — Вам не надо было возвращаться. У нас было много времени, чтобы обдумать старые недобрые времена.

Он поднимается с кресла.

— Вот наше предложение. Первое: вы передаете это наставникам, и так, чтобы они не усомнились в достоверности данных. Второе: любые крохи информации, которые вы сможете выдрать из мозга того несчастного парня, вы пересылаете нам, а затем уничтожаете — о способах мы поговорим позже. И третье: как только вы найдете то, что ищете, мы получаем свою долю. Сполна. Ну, Жан, не скупитесь. Я уверен, ваших легендарных сокровищ хватит для всех нас.

— Знаете, что я думаю? — говорю я. — Я думаю, что вы *блефуете*. Я не уверен, что вы так могущественны, как утверждаете сами. Мне кажется, наши находки вас *напугали*. И не напрасно. Наш ответ…

Миели замораживает мое тело. Меня словно огрели по затылку ледяным молотом.

— Да, — говорит Миели.

Мне хочется выбросить вверх руки, кричать и прыгать, но я не в силах стряхнуть ее мысленный захват. Я могу только беспомощно смотреть, как криптарх отвешивает Миели поклон.

— Мой наниматель видит в вас ценных союзников, — говорит она. — Мы поделимся с вами своими… находками в подтверждение своих добрых намерений. И она рассмотрит

вопрос о помощи в ваших делах с зоку.

— Великолепно, — говорит Роберт. — Я рад, что мы поняли друг друга. С вами приятно иметь дело. — Он наклоняется и бесцеремонно треплет меня по щеке. — Похоже, ты оказался под каблуком у своей дамы, Жан. Впрочем, у тебя с женщинами всегда были такие отношения.

Миели провожает его к выходу, а я сижу словно статуя и от ярости бью себя по голове воображаемыми кулаками.

— Не могу поверить, что ты на это согласилась! — кричу я. — Неужели ты хочешь *работать* с ними? Куда подевались твои клятвы? Твоя честь кото? Наставники *свои ребята*.

— В его словах есть смысл, — говорит Миели. — И судить не наше дело.

— Черта с два, не наше. — Я мечусь по комнате, потом прижимаюсь лбом к стеклу, чтобы немного остыть. — И ты кое о чем забыла. Они знают *меня*. Это делает их плохими парнями *по определению*. Им нельзя доверять.

— Дело не в доверии, — говорит Миели. — Прежде чем что-либо предпринимать, мы дождемся, пока твоя память не восстановится окончательно.

— А вдруг что-нибудь не получится? Если наставники не клюнут на эту приманку? Вдруг Раймонда… — Я прикусываю язык. — Это ужасная ошибка.

— Все равно, решать не тебе, — говорит Миели. — У нас есть работа, которую необходимо закончить, и мой долг решать, как это лучше сделать.

— Знаешь, — говорю я, — совсем недавно мне на мгновение показалось, что в тебе есть капля *человечности*. — Я пытаюсь остановиться, но слова вылетают, словно пули из автоматической винтовки. — Соборность завладела тобой окончательно. Они превратили тебя в робота. И твое пение — просто запись в музыкальном автомате. Копия. Гогол. — Мои руки сжимаются в кулаки. — Я целую вечность провел в Тюрьме. Но они меня так и не сломили. Что же сделали с тобой те ублюдки, которым ты служишь?

Я хватаю оставленный криптархом стакан, в котором плавает окурок сигары.

— Вот. Вот на что это похоже. — Я отпиваю глоток и сплевываю жидкость на пол. — Вкус пепла.

Лицо Миели не меняет своего выражения. Она поворачивается к выходу.

— У меня еще есть дела, — говорит она. — Надо изучить полученную из головы Анру информацию. Если возникнут проблемы, нам нужна страховка.

— Проблема уже есть, — говорю я. — Мой стакан опустел. Я намерен напиться.

— На здоровье, — холодно бросает Миели. — Если попытаешься связаться со своей подружкой-наставником, я об этом узнаю. И для тебя это добром не кончится.

Сука. На меня со всех сторон что-то давит. Я в ловушке. Я в сотый раз проклинаю свое прошлое за всю эту путаницу, когда сокровища можно было просто зарыть в земле. Ублюдок.

Идиот, слышится голос в моей голове. *Выход всегда найдется. Ты не в тюрьме, пока сам так не считаешь*.

— Подожди, — окликаю я Миели.

Ее взгляд, как и в мой первый день на борту «Перхонен», исполнен презрения.

— Позволь мне с ним поговорить. С ней.

— Что?

— Позволь мне поговорить с твоим нанимателем. Я знаю, вы поддерживаете контакт. Я хочу ясности. Если уж мы собираемся поступать так, как ты настаиваешь, я хочу услышать приказ от шарманщика, а не от обезьянки.

Ее глаза сверкают яростью.

— Ты осмеливаешься…

— Ну давай. Заткни мне рот. Зашвырни в ад. Мне все равно. Я там уже был. Я только хочу высказаться. А потом стану примерным мальчиком. — Я проглатываю остатки вонючей жидкости, пахнущей пеплом. — Обещаю.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. Она не отводит своих бледно-зеленых глаз, но через несколько мгновений притрагивается к шраму.

— Отлично, — говорит она. — Ты сам об этом попросил.

Миели садится на диван и закрывает глаза. Затем поднимает веки, но это уже не она.

Ее лицо словно закрыла маска. Миели выглядит старше и сдержаннее, но это не боевая сосредоточенность воина, а спокойствие личности, привыкшей к общему вниманию и контролирующей свои чувства. А в ее улыбке сквозит что-то змеиное.

— Жан, Жан, Жан, — говорит она мелодичным и мучительно знакомым мне голосом. — Что же мне с тобой делать, мой маленький принц-цветок?

Затем она поднимается, обнимает меня за шею и целует.

Миели стала пленницей в своем собственном теле. Она хочет закрыть глаза, но не может; хочет отшатнуться от вора, но не может. Его дыхание обдает ее запахом провонявшего пеплом алкоголя. Она понимает, что будет дальше, и неожиданно для

себя огорчается.

— Помоги мне, — беззвучно просит она «Перхонен». — Забери меня отсюда.

— *Бедняжка. Сейчас*. — Внезапно ее окутывает прохладная успокаивающая темнота. Какой бы ни была программа, переподчинившая себе ее мозг, корабль, по крайней мере, имеет к ней доступ.

— Что она делает?

— *Неисповедимые пути, и все такое*, — говорит корабль. — *Ты в порядке*?

— Нет. — Миели, лишенной тела и голоса, отчаянно хочется плакать. — Он был прав, я ошибалась. Но ведь у нас нет выбора, правда?

— *Нет, не было. Как говорит богиня, так и получается, и другого пути пока быть не может. Мне очень жаль*.

— И я нарушила обет. Я должна вымолить прощение у Илматар.

— *Мне кажется, она все понимает, она же богиня. Я уверена, с ней тебе легче уладить дело, чем с той, другой. Не тревожься, они с вором сто́ят друг друга.*

Голос корабля утешает и успокаивает.

— Правильно, — говорит Миели. — Кроме того, у нас ведь есть работа, не так ли?

— *Конечно*.

Через мгновение темнота вокруг Миели уже не кажется пустой. Она оказывается в огромном и сложнейшем информационном сервере, и перед ней две гигантские древовидные структуры со множеством линий и узлов, представляющие две версии зашифрованного разума Кристиана Анру.

Целовать тело Миели — это все равно что наконец целовать давнюю подругу, к которой всегда испытывал сексуальное влечение. Вот только поцелуй оказался совсем не таким, как я себе представлял: в нем чувствуются сила и жестокость, от которой захватывает дыхание. Кроме того, она значительно сильнее меня, и мне приходится повернуть голову, чтобы сделать глоток воздуха.

— Кто ты? — спрашиваю я, еле переведя дух.

Она падает спиной на подушки и смеется, словно маленькая девочка. Потом забрасывает руки на затылок и вытягивает скрещенные ноги.

— Твой благодетель. Освободитель. Твоя богиня. Твоя Мать. — При виде ужаса в моих глазах она смеется еще громче. — Я *шучу*, мой дорогой. Хотя ты можешь называть меня своей

духовной матерью. Давным-давно я многому тебя научила. — Она хлопает по подушкам рядом с собой. — Садись сюда.

Я подчиняюсь, хотя и с некоторой опаской.

Ее пальцы скользят по моей щеке к расстегнутому вороту рубашки, и по телу пробегают холодные волны.

— Кстати, надо проверить, все ли ты помнишь.

Она целует меня в шею, сильно прикусывая кожу, и становится трудно удержать недавнюю ярость. Я напрягаюсь.

— Расслабься. Тебе нравится это тело, я знаю. И я позаботилась о том, чтобы твое тело было… восприимчивым.

Последние слова она произносит шепотом, и горячее дыхание, касаясь моей кожи, обращает ярость в нечто иное. — Когда так долго живешь, начинаешь отлично разбираться во многих вещах. Особенно в тех, которыми нечасто приходится наслаждаться. После того как все это закончится, я покажу тебе, как надо жить. Это все так неуклюже и громоздко, в *губерниях* мы можем делать это намного лучше. Но ведь ты доволен, не так ли?

Она сильно кусает меня за мочку уха и вздрагивает.

— Ах, эта дурацкая биотическая связь. Бедняжка Миели так подозрительна. Я собираюсь ее отключить. Ты ведь никуда не собираешься, верно?

— Нет, — задыхаясь, отвечаю я. — Но нам надо поговорить.

— Поговорить можно и потом. Ты согласен со мной?

Господи, помоги. Я согласен.

— *Имей в виду, я ничего в этом не понимаю*, — говорит «Перхонен». — *Но зато понимают гоголы-математики. Это один из корневых узлов дерева его гевулота*. Для Миели эти информационные структуры все равно что непостижимые видения, являющиеся в потустороннем мире. Ее взгляд перемещается, она видит пересечение бесчисленных линий, соединяющихся в сферу, заполненную символами и трехмерными изображениями долей мозга. *Изменения произошли здесь, здесь и здесь*. Отдельные фрагменты сферы меняют цвет. Миели прикасается к сфере, чтобы впитать информацию, и на мгновение задумывается.

— Это его процедурная память, — говорит она. — И в определенной ситуации она заставит его действовать определенным образом. К примеру, поддерживать Голос.

— *Верно. Есть еще изменения, вот здесь и здесь, но больше ничего важного. А самое интересное заключается в том, что мы можем проследить, откуда взялись эти изменения*.

Корабль выделяет одну из линий, связанную со схемой. К ней, в качестве пояснения, прикреплена сложная математическая формула. — *Действие гевулота заключается в генерировании*

структуры пар из открытого и индивидуального ключей: новая пара появляется всякий раз, когда у пользователя появляется новое воспоминание, домен или знание, подпадающие под деятельность гевулота. Кроме того, они кодируются с вышестоящей парой согласно иерархии. Смысл заключается в том, что доступ к корневой системе имеется только у пользователя.

— Однако…

— Однако в данном случае выходит, что корневой каталог сгенерирован, исходя из посторонней пары. Первичный ключ, если хочешь. Тот, кто им владеет, имеет доступ не только к просмотру экзопамяти Ублиетта, но и к ее редактированию. Для людей, проходящих через состояние Спокойствия, это означает полное изменение разума. Вот так и появилась новая версия сознания Анру. Вероятно, у криптархов имеется автоматизированная система модификации всех, кто переходит в разряд Спокойных.

— Мать Илматар, — шепчет Миели. — Значит, возможно…

— При желании они имеют возможность просматривать и изменять воспоминания каждого, кто хоть раз был Спокойным. Одному человеку, безусловно, не по силам отслеживать такой поток информации, поэтому я предполагаю наличие какой-то механической схемы. А если учесть, что изменения в разуме Анру не слишком обширные, их ресурсы, вероятно, ограниченны.

И в итоге получается, что Ублиетт вовсе не место забвения. Не рай для любителей уединения. Это тюрьма, в центре которой стоит надзиратель.

Наши забавы продолжались немало времени. Сначала это просто жаркое мелькание кожи и плоти, столкновение губ, непрерывные объятия и укусы. Она намного сильнее меня и не боится это показать. Она пускает в ход усовершенствования в теле Миели, дразнит меня горячими наконечниками из ку-точек на пальцах и по-кошачьи усмехается.

Но к третьему разу мы обнаруживаем необычайную чувствительность ее крыльев, и тогда становится еще интереснее.

— И что же мы можем с этим сделать?

— Ну, относительно доступа к корневому каталогу мы ничего не в силах предпринять. Однако — как говорят гоголы — мы можем установить другой шифр поверх всей программы. При наличии пиратских инструментов можно создать фиктивных жителей Ублиетта. Их ключи не имеют отношения к интерфейсу генератора Ублиетта.

— И?

— Это позволило сформировать разделенные воспоминания, к которым криптархи никогда не смогут получить доступ. Любой

человек, принявший эти фрагменты памяти, окажется невосприимчивым к манипуляциям криптархов, независимо от того, был он Спокойным или не был. Это вроде вируса — можно разделить воспоминания с любым количеством людей. Кроме того, создано еще одно средство, которое стирает из памяти уже произведенные изменения. Вор даже предлагал распространять эти фрагменты через газету…

— Постой. Вор предлагал?

— *Да, мы уже обсудили с ним этот вопрос. Пока ты пела. По правде говоря, гоголам-математикам потребовалось не так уж много времени, чтобы во всем разобраться.*

— Он уже обо всем знает? И получил эти фрагменты памяти?

— *Да.* — Корабль ненадолго умолкает. — *Он меня провел*?

Миели клянется себе, что даром ему это не пройдет.

— Да, да, он тебя разыграл. И я думаю, что собирается разыграть еще кое-кого.

Мы останавливаемся, чтобы передохнуть, перед самым рассветом. Каким-то образом к тому времени мы уже переместились в мою спальню. Я лежу на подушках и из-под полуопущенных век смотрю, как она растянулась на другом краю кровати — совершенно нагая, если не считать временных Часов, крылья еще развернуты, и на них падают первые утренние лучи.

— Я хорошо тебя учила? — спрашивает она.

— Очень хорошо. А мы… мы были одни?

— А, ты боишься оскорбить чувства малышки Миели? Как хорошо, что ты к ней привязался. Должна признаться, я тоже испытываю к ней теплые чувства. Как к любимой вещице или к счастливому амулету. — Она потягивается. Даже шрам на ее лице выглядит иначе, более зловещим. — Но не беспокойся, она занята с кораблем. Мы совсем одни. Ты полностью в моем распоряжении. Надо было бы сделать это раньше, но, понимаешь, меня так много.

— Трудно поверить, что я тебя не помню, — говорю я. — Вот только во время побега из Тюрьмы что-то мелькнуло. Другая тюрьма, на Земле. Я читал книгу…

— Это была наша первая встреча, — говорит она. — Тогда ты еще был просто уличным бандитом в большом городе, еще не отряхнувшим с ног песок пустыни. Таким грубым и таким отважным. А посмотри на себя сейчас. Настоящий бриллиант. Или скоро им станешь. А потом… — Она улыбается. — Потом ты сможешь отблагодарить меня надлежащим образом.

— Ты ведь слышала, что я говорил Миели, верно? — спрашиваю я. — Я не одобряю ваших игр с криптархами.

Она машет рукой.

— Чепуха. Жан, ты абсолютно *ничего* не знаешь о том, что здесь происходит на самом деле. Они неплохо здесь потрудились. Ублиетт *работает*. Здесь все счастливы. Даже *ты*, когда жил здесь в прошлый раз, тоже был счастлив. — Она смотрит на меня с какой-то неприязнью. — Я думаю, твой идеализм обусловлен не столько политикой, сколько желанием произвести впечатление на эту веснушчатую сучку.

— Тюрьма — это тюрьма, даже если ты об этом не догадываешься, — говорю я. — А у меня проблемы с тюрьмами.

— Бедняжка. Я все понимаю.

— А знаешь, в чем еще моя проблема? В нарушении обещаний. — Я невольно сглатываю слюну. — Я знаю, что многим тебе обязан. И верну долг, несмотря ни на что. Но я не отступлю от своего слова, даже ради тебя.

— И как же ты собираешься сдержать свое обещание, мой маленький принц-цветок?

— Для начала я обещал быть хорошим мальчиком. И поэтому намерен дать себя арестовать.

— Что?

— Помнишь ку-паука, что я выращивал? То устройство для похищения времени? Так вот, я создал два таких прибора. — Я смотрю на свои Часы. — Эта уловка не годится для Миели: должен сказать, она знает меня лучше, чем ты. А ты оказалась более восприимчивой для некоторых… отвлекающих моментов. Ты должна была видеть, как я пытался ее очаровать прошлой ночью, хотя и безрезультатно. В отличие от тебя. Твое Время подходит к концу.

Мои глаза даже не улавливают ее стремительного движения. Ее колено больно давит мне на живот. Руки смыкаются на горле. Лицо застыло в неподвижной маске ярости. Я едва дышу. Но вижу, что стрелка ее Часов приближается к нулю…

— Я тебя… — вопит она.

Ее часы негромко звякают. И она превращается в неподвижную черную статую. Что бы ни говорили о технологиях Ублиетта, временный гевулот, предоставляемый посетителям, работает отлично, ничуть не хуже утилитарного тумана боевого действия. Человек не переходит в состояние Спокойствия, но он оказывается отрезанным от всего окружающего мира, все его жизненные функции прекращаются. Хватка на моей шее ослабевает, и она падает на кровать неподвижной крылатой статуей из черного мрамора.

Я принимаю душ и одеваюсь, не переставая тихонько насвистывать. В вестибюле отеля я приветствую чиновника иммиграционной службы, сопровождаемого парой огромных

Спокойных: мне нравится, когда гражданские власти так эффективно выполняют свои обязанности.

Утро обещает прекрасный солнечный день. Я надеваю очки с синими стеклами и отправляюсь на поиски Раймонды.

16. Вор и память

Я посылаю Раймонде фрагмент памяти с приглашением встретиться на нашем месте в парке Монгольфье. Ответ приходит быстро — я вспоминаю, что она там будет. Через Лабиринт я иду под прикрытием гевулота и надеюсь, что новое воспоминание, созданное «Перхонен» для противодействия криптархам, будет работать, как и задумано.

Она меня опережает и уже сидит на скамейке, держа в руке стаканчик с кофе и глядя на воздушные шары. Увидев, что я один, она удивленно поднимает брови.

— А где твоя дуэнья из Оорта? Если ты собираешься устроить романтическое свидание…

— Тише. — Я запускаю ей вирус-воспоминание. Она принимает его и морщит носик. Болезненное выражение на ее лице сменяется изумлением. *Отлично. Работает*. Единственным побочным эффектом, который я заметил, был устойчивый неприятный запах.

— Что это за дьявольщина? — Она усиленно моргает. — У меня сразу разболелась голова.

Частично словами, частично фрагментами памяти я посвящаю ее в детали исследования мозга Анру, рассказываю о визите криптарха и о наших с Миели разногласиях, хотя и опускаю некоторые интимные детали.

— Ты это сделал? — удивляется она. — Никогда бы не поверила…

— Ты можешь поступить с этим вирусом как тебе угодно, — говорю я. — Затеять революцию. Предоставить другим наставникам в качестве оружия. Мне все равно. У меня не так уж много времени. Как только Миели очнется, она вырубит меня — если у тебя есть возможность надавить на иммиграционные службы, попроси, пожалуйста, замедлить этот процесс. Сначала мне необходимо разыскать свои тайны.

Она опускает глаза.

— Я не знаю, где они спрятаны.

— Ох.

— Я блефовала. Я была очень сердита. Я хотела показать тебе… кем я стала. Хотела доказать, что сильно продвинулась. И хотела получить средство давления на тебя.

— Понятно.

— Жан, ты настоящий ублюдок. Ты всегда был ублюдком. Но на этот раз ты сделал что-то хорошее. Я не знаю, что еще сказать.

— Ты можешь позволить мне вспомнить, каким я был

ублюдком, — говорю я. — Вспомнить все.

Она берет меня за руку.

— Согласна, — говорит Раймонда.

Это ее воспоминания, а не мои. Но как только она открывает свой гевулот, в моей голове что-то *щелкает*. У меня такое чувство, будто ее воспоминания питают цветок и он растет и раскрывается, лепесток за лепестком, часть меня объединяется с частью нее, и образуется нечто большее. Разделенный секрет, скрытый от архонтов.

Марс, двадцать лет назад. Я сильно устал. На меня давит тяжесть многолетних превращений в разных людей, гоголов, зоку и копи-членов кланов; жизни в одном теле, во многих телах, в частицах думающей пыли; похищений драгоценностей и мыслей, квантовых состояний и миров, принадлежащих алмазным разумам. Я похож на собственную тень: худой, бледный и постоянно напряженный.

В предоставленном мне Ублиеттом теле все становится намного проще, и сердце бьется в унисон с тиканьем Часов, вызывая приятное ощущение определенности. Я иду по Устойчивому проспекту и прислушиваюсь к человеческим голосам. Все кажется мне новым.

Сидящая на скамейке девушка любуется бликами лучей, пробивающихся между воздушными шарами. Она молода, и на лице еще сохранилось удивленное выражение. Можно подумать, что в ней отражаются мои чувства. Я улыбаюсь, и она почему-то улыбается мне в ответ.

Даже в обществе Раймонды очень трудно забыть собственное я. Ее подруга Джилбертина бросает на своего возлюбленного такие взгляды, что мне хочется их украсть. Раймонда узнает об этом. Она покидает меня и возвращается в свой медленногород.

Я бросаюсь за ней в Нанеди-сити, где белые домики карабкаются по склону долины, словно белозубая улыбка. Я прошу прощения. Умоляю. Она меня не слушает.

И тогда я рассказываю о своих секретах. Не обо всех, но достаточно, чтобы она ощутила их тяжесть. Я говорю, что они мне больше не нужны.

И Раймонда прощает.

Но это еще не все. Искушение всегда рядом, только принимает разные формы, чтобы было труднее устоять.

Мой друг Исаак рассказывает мне о дворцах памяти и девяти гранях Божественного Величия.

Я строю собственный дворец памяти. Это не просто мысленное пространство для хранения запоминаемых образов. Мои тайны гораздо тяжелее. Сотни лет жизни. Артефакты,

похищенные у Соборности и зоку, мысли и обманы, тела и профессиональное мастерство.

Я возвожу его из зданий, человеческих существ и сцепленных кубитов — из самой ткани Города. Больше того, из своих друзей. Они так доверчивы, так открыты, с такой готовностью все принимают. Они ни о чем не подозревают, даже когда я дарю им сделанные на заказ Часы, мои Девять Достоинств. Я наполняю их экзопамять принадлежащими мне воспоминаниями. В девяти зданиях я закладываю украденные у Соборности пико-сборщики, чтобы в случае необходимости можно было все восстановить.

Я запираю свой дворец памяти в полной уверенности, что никогда больше в него не вернусь. Я запираю его дважды: один раз ключом, второй раз ценой.

Я отдаю ключ Раймонде. И некоторое время я снова чувствую себя свободным и молодым. Я начинаю новую жизнь вместе с Раймондой. Я проектирую здания. Я выращиваю цветы. Я счастлив. Мы оба счастливы. Мы строим планы.

До Ларца.

Я сажусь. Трогаю свое лицо. Оно кажется мне плохо подогнанной маской — под ней другая личность, другая жизнь, и хочется царапать его ногтями, пока не сойдут все фальшивые слои.

Раймонда тоже выглядит иначе. Не просто девушка с веснушками на лице и нотными листами в руках, и не Джентльмен. Ее окружает ореол воспоминаний, призраки бесчисленных моментов. И сознание того, что она больше не моя.

— Что произошло? — спрашиваю я. — С тобой, с ними?

— Что происходит со всеми людьми? Они живут. Двигаются вперед. Становятся Спокойными, потом возвращаются. И потихоньку превращаются в кого-то другого.

— Я не помню никого из них. Исаак. Батильда. Джилбертина. Марсель. И остальные. Я не помню тебя. Я заставил себя все забыть. Чтобы в случае ареста никто не мог бы вас отыскать.

— Я предпочитаю думать, что ты поступил так именно поэтому, — говорит Раймонда. — Но я слишком хорошо тебя знаю. Не пытайся себя обмануть. Ты сбежал. Ты нашел то, что для тебя стало важнее, чем мы. — Она грустно улыбается. — Неужели мы были для тебя такой ловушкой, что ты предпочел от нас избавиться?

— Я не знаю. Правда, не знаю.

Раймонда садится рядом со мной.

— Несмотря ни на что, я тебе верю. — Она смотрит на воздушные шары, удерживающие в воздухе домики. — После того как ты исчез, это было особенно трудно. На какое-то время я

нашла тебе замену. Это не помогло. Потом раньше срока ушла в Спокойные. Это помогло, но лишь отчасти. А когда я вернулась, я все еще злилась на тебя. Безмолвие показало мне, что злость может быть направлена на что-то полезное.

Она подносит пальцы к губам и прикрывает глаза.

— Мне все равно, что хочет с твоей помощью украсть эта оортианка, — говорит она. — Самое худшее ты уже сделал. Ты похитил то, что могло быть. Похитил у меня и у себя. И никогда не сможешь этого вернуть.

— Ты не говорила мне, что произошло… — начинаю я.

— Нет, — прерывает она. — Не надо.

Некоторое время мы оба молчим и разглядываем домики под воздушными шарами. В голову приходит безумная мысль обрезать крепления и пустить их в свободное плавание по бледному марсианскому небу. Но в небе жить невозможно.

— Твой ключ у меня, — говорит Раймонда. — Ты все еще хочешь его получить?

Я смеюсь.

— Не могу поверить, что когда-то держал его в руках. — Я закрываю глаза. — Не знаю. Он мне нужен. Я должен вернуть долг.

В глубине души я хочу его больше всего на свете. Но цена? *Жизни полузабытых незнакомцев. Какое мне до них дело?*

— Когда ты мне его дал, ты попросил, чтобы я направила тебя к Исааку.

— Спасибо. — Я встаю со скамейки. — Я так и сделаю.

— Хорошо. Я намерена поговорить с Безмолвием и остальными наставниками. Дай мне знать, когда решишь, как поступить. Если ты все еще хочешь получить ключ, тебе стоит только сказать об этом.

— Когда все закончится, тебе, возможно, придется переписать оперу, — говорю я.

Она целует меня в щеку.

— Скоро увидимся.

Исаак живет в маленькой квартирке одной из башен Лабиринта. Я посылаю анонимный фрагмент памяти о приходе гостя и в ответ узнаю о том, что он дома. Он открывает дверь и хмурится, но, стоит мне приоткрыть гевулот, как его бородатое лицо проясняется.

— Поль! — Он заключает меня в медвежьи объятия, потом хватает за лацканы пиджака и основательно встряхивает. — Где ты пропадал? — ревет он так, что я ощущаю вибрацию его широченной грудной клетки.

Он бесцеремонно втаскивает меня внутрь и, словно крысу,

швыряет на диван.

— Что ты, черт побери, здесь делаешь? Я думал, ты стал Спокойным, или тебя сожрала Соборность!

Он закатывает рукава фланелевой рубашки, демонстрируя мускулистые, покрытые густыми волосами руки. На одном широком запястье я вижу массивные медные Часы и вздрагиваю, хотя и не могу еще прочитать гравировку.

— Если ты снова собираешься трепать нервы Раймонде… — ворчит он.

Я поднимаю руки.

— Невиновен. Я здесь… по делам. И хотел увидеться с тобой.

— Грмф. — Он подозрительно смотрит на меня из-под кустистых бровей. Затем на лице появляется неторопливая усмешка. — Ладно. Давай выпьем.

Он марширует по комнате, отбрасывая ногами все, что попадается по пути — книги, одежду, блокноты из недолговечной бумаги, — и направляется в маленькую кухню. Оттуда раздается журчание фабрикатора. Я окидываю взглядом комнату. Гитара на стене, обои, разукрашенные персонажами из детских мультфильмов, высокие книжные полки, стол, словно нетающим снегом заваленный обрывками распечаток.

— А здесь ничего не изменилось, — говорю я.

Исаак возвращается с водкой в недолговечной бутылке.

— Ты шутишь? Прошло только *двадцать лет*. А генеральная уборка проводится раз в каждое сорокалетие. — Он делает глоток из бутылки, потом наливает на два пальца водки в два стакана. — И за это время я только дважды был женат. — Он поднимает стакан. — За женщин. И не говори мне про дела. Тебя привели сюда женщины.

Я не возражаю и прикасаюсь своим стаканом к его. Мы пьем. Я не могу удержаться от кашля. Он оглушительно хохочет.

— Ну как, мне придется надрать твою задницу или это уже сделала Раймонда? — спрашивает он.

— В последние несколько дней таких, как ты, набралась целая очередь.

— Иначе и быть не может. — Он льет водку в стаканы обильной струей, но не проливает ни капли мимо. — Так или иначе, я должен был догадаться о твоем появлении, когда снова начались эти сны.

— Сны?

— Кот в сапогах. Замки. Я всегда подозревал, что ты имеешь к ним какое-то отношение. — Он складывает руки перед собой. — Ладно, это не имеет значения. Ты вернулся, чтобы обрести истинное счастье со своей истинной любовью?

— Нет.

— Что ж, это уже хорошо, потому что для этого слишком поздно. Идиот. Я знал, что так и будет. Я должен был предупредить. Ты всегда был неугомонным. Никогда не довольствовался тем, что имеешь. Даже с Раймондой. — Он смотрит на меня исподлобья. — Ты не собираешься рассказывать, где пропадал?

— Нет.

— Неважно. Я рад тебя видеть. Без тебя в этом мире скучновато.

Наши стаканы снова звякают.

— Исаак…

— Собираешься произнести какую-то банальность?

— Нет.

Я не могу удержаться от смеха. Я как будто никуда и не уезжал. Я так и вижу, как целый день льется водка, а мы сидим и пьем, пока Исаак не начинает читать свои стихи, разглагольствовать о теологии и вести бесконечные разговоры о женщинах, не давая мне вставить ни слова. Не могу даже представить, чтобы я сумел его прервать.

И это, конечно, тоже включено в цену.

— Извини, — говорю я и ставлю свой стакан. — Но мне действительно пора уходить.

Он пристально смотрит на меня.

— Все в порядке? У тебя какой-то странный взгляд.

— Все отлично. Спасибо за выпивку. Я бы остался, но…

— Пф. Значит, это все-таки женщина. Ничего. К твоему следующему приходу я здесь приберусь.

— Извини, — повторяю я.

— За что? Не мое дело тебя судить. Вокруг и без того хватает желающих бросить камень. — Он хлопает меня по плечу. — Вперед. В следующий раз приведи мне подружку из другого мира. Зеленая кожа меня устроит. Мне нравится зеленый цвет.

— А что на этот счет говорится в Торе? — спрашиваю я.

— Я рискну, — говорит Исаак. — Шалом.

Отыскивая дорогу к квартире Раймонды, я чувствую себя немного пьяным.

— Я не ждала тебя так рано, — говорит она, открывая дверь.

Я протискиваюсь мимо синтбиотических дронов, наводящих порядок. Повсюду, словно тенета, висят покрывала из недолговечной материи.

— Извини за беспорядок, — говорит Раймонда. — Но ты сам виноват.

— Я знаю.

Она внимательно смотрит мне в глаза.

— Итак?

— Дай мне на него посмотреть.

Я сажусь на недавно сфабрикованный, довольно хрупкий на вид стул и жду. Раймонда возвращается и протягивает мне завернутый в ткань предмет.

— Ты никогда не говорил мне, как он работает, — говорит она. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я беру револьвер и рассматриваю его. Он кажется мне более тяжелым, чем в прошлый раз, когда я держал его в руке, и уродливым из-за короткого дула и объемного барабана с девятью пулями, девятью достоинствами Бога. Я кладу револьвер в карман.

— Я должен идти, надо еще кое-что сделать, — говорю я Раймонде. — И если мы больше не увидимся, спасибо тебе.

Она не отвечает и отводит взгляд.

Я закрываю за собой дверь и на лифте возвращаюсь на уровень улицы. Мой гевулот как-то странно подергивается, и внезапно рядом со мной на проспекте появляется молодой темноволосый парень. Он шагает в ногу со мной. У него мое лицо, но чужая непринужденная улыбка. Я жестом предлагаю ему показывать дорогу, а сам шагаю следом.

Интерлюдия. Добродетель

Джилбертине опять снится кот в сапогах. Это полосатый кот на двух лапах, в широкополой шляпе и тяжелых ботфортах. Он ведет ее по мраморно-золотым коридорам дворца, вдоль которых с обеих сторон тянутся ряды дверей. Одна дверь открыта.

— Что там? — спрашивает она кота.

Он оглядывается, и его глаза странно мерцают.

— Ты все узнаешь, — отвечает он пронзительным вибрирующим голосом, — когда вернется господин.

Она просыпается в своей квартире в парке Монгольфье, рядом с теплым и посапывающим очередным любовником, чье имя уже тускнеет в памяти. Ее гевулот-контракты всегда составлены очень тщательно, чтобы никому не доставлять лишних хлопот, и от встреч остаются только милые воспоминания о плотских наслаждениях, сопровождаемые вспышками эмоций, связанных с приятными ароматами и местами.

В последнее время сны стали повторяться довольно часто. И ее собственные воспоминания кажутся зыбкими и неуютными. Возможно, она стареет, хотя и не в обычном, древнем смысле этого слова. Недуг бессмертных, о котором столько твердит Батильда, вызван тем, что ее сознание много раз стиралось и переписывалось заново.

Фрагмент памяти приходит в тот момент, когда она принимает душ вместе со своим любовником и его безымянные руки намыливают ей спину. Послание говорит о срочности и внезапном беспокойстве. *Раймонда*.

Она исчезает из его объятий под покровом своего гевулота. В любом случае так и было задумано с самого начала. Перед уходом она задерживается лишь для того, чтобы забрать с тумбочки свои Часы: Джилбертина ненавидит носить их, занимаясь любовью. Слово Virtus, выгравированное на крышке, всегда казалось ей дурной шуткой.

Раймонда ждет ее в Чреве, в своей квартирке. Она побледнела и осунулась, так что веснушки на ее коже выступили еще ярче.

— Что случилось? — спрашивает Джилбертина.

— Поль. Он пропал.

— Как?

— Он ушел. Я не знаю, где он. И не знаю, что мне делать.

Джилбертина обнимает подругу, ощущая поднимающийся в груди гнев.

— Ш-ш-ш. Не беспокойся. Все будет хорошо.

— Будет хорошо? — У Раймонды вздрагивают плечи. — Как может быть все хорошо?

Батильда решает отыскать его и заставить заплатить за слезы подруги.

Ее гевулот-контракты, даже очень старые, всегда составлены тщательно. И в них имеются пункты на все случаи жизни.

Она довольна тем, что смогла его удивить. Он находится в странном саду роботов в Лабиринте, сидит на небольшом багажном контейнере и улыбается, глядя в пустоту. Одет в изящный темно-голубой костюм в стиле зоку, а в руках небольшой ларец, который он непрерывно вертит в руках.

Как только она позволяет себя увидеть, на его лице на одно мгновение появляется выражение маленького испуганного мальчика. Потом он улыбается.

— А, это ты, — говорит Поль.

Но это не тот Поль, которого помнит Джилбертина — порой безрассудный и эгоистичный архитектор, безнадежно влюбленный в ее подругу. Сейчас его взгляд ясен и невыразителен, а от улыбки веет холодом.

— Ты не могла бы напомнить, как тебя зовут?

— А ты забыл?

Он разводит руками.

— Я заставил себя забыть, — говорит он.

Джилбертина глубоко вздыхает.

— Я Джилбертина Шалбатана. А ты Поль Сернин. Ты любил мою подругу Раймонду. Она страдает. Ты должен вернуться. Или хотя бы иметь мужество попрощаться с ней. Однажды она уже простила тебя.

Она швыряет ему воспоминание и приоткрывает свой гевулот.

Их познакомила Раймонда. Раймонда, ее подруга и соратница с того самого дня, когда она приехала из Нанеди; девушка из медленногорода в большом мире, страстно желавшая заниматься музыкой. Втайне Джилбертина ненавидела ее за непринужденную грацию, за то, что она без видимых усилий получала все, что хотела. И он был одним из ее трофеев. Поэтому ей тоже захотелось его заполучить. А заставить его пожелать то, чего у него не было, не составило никакого труда.

Но их связь длилась недолго. Он вернулся к Раймонде, ездил за ней в Нанеди и даже отказался от воспоминаний о Джилбертине. Тогда она смирилась с этим без труда. Но этого, этого она не допустит.

Поль равнодушно рассматривает ее.

— Спасибо, — говорит он. — В прошлом я получил от тебя не слишком много.

К ее ужасу, Джилбертина чувствует, как *что-то* вгрызается в ее гевулот.

— Но ты права, — негромко продолжает он. — Поль Сернин не мог уйти. И он остается здесь, внутри тебя и внутри остальных. А что касается меня, всегда найдется место, где я еще должен побывать. Украсть огонь у богов. Стать Прометеем. И все такое прочее.

— Мне на это наплевать, — говорит Джилбертина. — Но у тебя и этой девочки есть ребенок.

Он вздрагивает.

— *Такое* я бы запомнил, — говорит он. — Нет, этого не может быть.

— Еще как может, — огрызается Джилбертина, стараясь напитать свой голос ядом прошлых обид.

— Ты не понимаешь. Я бы не смог этого забыть. — Он покачивает головой. — В любом случае, это не имеет значения. Сейчас речь не обо мне. Дело касается тебя.

Джилбертина распрямляет плечи и обращается к экзопамяти.

— Ты сошел с ума.

В ее голове распространяется странное покалывание, и внезапно та часть ее разума, которая соединяется со всем остальным миром, оказывается огороженной сплошной стеной.

Поль поднимается на ноги.

— Боюсь, я заблокировал твой выход к экзопамяти. Но не тревожься, через несколько мгновений он восстановится.

Джилбертина делает шаг назад.

— Кто ты? — шипит она. — Вампир?

— Ничего подобного, — говорит Поль. — А теперь стой спокойно. Будет немного неприятно.

Джилбертина убегает. С такой дырой в голове очень трудно сосредоточиться. *Часы. Что бы он ни задумал, он действует через Часы.* Она вцепляется в запястье, чтобы избавиться от них…

…но на самом деле нет никакого бега, это только воспоминание о беге, а она так и стоит перед Полем, чьи глаза становятся такими же странными, как и у кота в сапогах…

Он поднимает ларец.

— Видишь? Я узнал об этом из видений одного несчастного парня, пострадавшего от Вспышки. Я взял это у зоку, они никогда ничего и не заметят.

— Что это? — шепчет Джилбертина.

— Пойманный бог, — отвечает Поль. — Мне надо его куда-то спрятать. Поэтому ты и здесь.

Ларец начинает светиться. Он исчезает из рук Поля. А потом оказывается у нее в голове.

Она *вспоминает* абстрактные видения, информационные структуры, похожие на огромные металлические снежинки, и боль от их острых краев, прижатых к мягким тканям ее разума. Ее экзопамять захлестывает поток чужеродных ощущений. На мгновение кажется, что виски пронзил раскаленный металлический прут. Затем боль утихает, но тяжесть остается.

— Что ты со мной сделал?

— То же самое, что сделал с каждым из вас. Положил ценности в такое место, где никто не станет их искать. В вашу экзопамять, защищенную лучшей в Системе криптографией. И если я захочу получить их обратно, мне придется заплатить немалую цену. Это был последний предмет, от которого я хотел избавиться. Прошу прощения за причиненное беспокойство. Я надеюсь, ты сумеешь меня простить. — Не-Поль вздыхает. — Кстати, ваш Поль не имеет к этому никакого отношения.

— Я тебе не верю, — говорит Джилбертина. — И это относится не к памяти. В какой-то части ты все равно Поль, и неважно, кем ты себя считаешь, неважно, что ты сделал со своими мозгами, неважно, даже если он был всего лишь твоей маской. Я надеюсь, что он горит в аду.

Ей хочется вцепиться ногтями ему в лицо, но ореол фоглетов, окружающий существо, принявшее облик Поля, подсказывает, что все усилия были бы бесполезны.

— Мне жаль, что ты к этому так относишься, — говорит он. — Но я, конечно, не могу допустить, чтобы ты хоть что-то запомнила. Я только надеюсь, что сумеешь хоть немного утешить Раймонду.

— Можешь делать с моей памятью что угодно, — говорит она, — но я постараюсь, чтобы она возненавидела тебя навеки.

— Возможно, я этого заслуживаю, — говорит он. — Прощай.

Он прикасается к ее лбу, и в голове поднимается ураган.

Джилбертина щурится на яркий свет Фобоса. Она в одиночестве стоит посреди парка роботов. Мысли разбегаются, и лишь через несколько мгновений она вспоминает, что встречалась с Раймондой. А что она делала после этого? Она просматривает память последних нескольких минут, но обнаруживает пустоту. *Проклятье. Должно быть, опять последствия Вспышки.*

Ей почему-то вспоминается сон, увиденный прошлой ночью: кот в сапогах, закрытая дверь. Это действительно был сон?

Она решает просмотреть и воспоминания о сне тоже, но

затем отказывается от своего намерения. У нее слишком много дел в мире бодрствующих.

17. Сыщик и гордиев узел

На восстановление у Исидора уходит весь день. Спокойный-медик не отпускает его до тех пор, пока не накачивает полной дозой синтбиотических нанолекарей. От этого мысли начинают разбегаться сразу во все стороны, но когда он добирается до дома, усталость берет свое, и он падает в кровать. Поздним утром он просыпается после долгого сна, лишенного каких бы то ни было видений.

Как ни жаль, но отдых не приносит никаких решений, и Исидор долго сидит за завтраком, смотрит на мир через кухонное окно и пытается определить, что к чему, и как все это связано вместе: наставник, вор, Время, дворцы памяти. Обои снова демонстрируют эшеровские джунгли, слишком яркие для яркого дневного освещения. Размышления прерывает жизнерадостный запрос через гевулот.

— Доброе утро, — говорит Лин.

— Хнх, — ворчит Исидор.

Его соседка оделась сегодня тщательнее, чем обычно, и в ушах поблескивают серьги. Она улыбается Исидору и принимается готовить себе завтрак, заказав фабрикатору испанский омлет.

— Кофе и что-нибудь существенное? — спрашивает она.

— Да, пожалуйста, — отвечает Исидор, неожиданно поняв, что проголодался. Горячий завтрак отчасти восстанавливает его мужество. — Спасибо.

— Не стоит. По тебе видно, что не мешает подкрепиться.

— Знаешь, я дал твоему созданию имя, — говорит Исидор, не прекращая жевать.

— И как же ты его назвал?

— Шерлок.

Она смеется.

— Хорошее имя. Могу я спросить, как продвигается твое расследование? О тебе снова писали в «Вестнике». Прием, воры и смерть. У вас насыщенная жизнь, мистер Ботреле.

— Ладно тебе. — Исидор массирует виски. — В ней есть свои взлеты и падения. Именно сейчас я не представляю, что делаю. Все так запутано. Я не могу выяснить, что задумал этот вор и вор ли он на самом деле.

Лин легонько пожимает его руку.

— Ты все выяснишь, я в этом уверена.

— Ну а ты? Что-нибудь произошло? Сегодня ты выглядишь… не совсем обычно.

— Что ж, — говорит Лин, повторяя пальцем узоры дерева на крышке стола. — Я кое-кого встретила.

— Ого. — Он ощущает легкий укол разочарования, хотя и совершенно неуместного. Исидор игнорирует его. — Это здорово.

— Кто знает? Посмотрим, что из этого получится. Мы уже были знакомы некоторое время и, понимаешь… решили, что пора прекратить ходить вокруг да около. — Она усмехается. — Но, я надеюсь, все это продлится достаточно долго, чтобы устроить здесь вечеринку. Ты бы мог позвать свою подружку, и мы бы с ней приготовили ужин. А зоку вообще едят? Это так, к слову.

— В настоящий момент это довольно сложно, — говорит Исидор. — Я не уверен, что когда-нибудь еще смогу связаться со своей девушкой.

— Это грустно, — говорит Лин. — Любопытно, но неважно, насколько ты красив, вопросы отношений всегда остаются самыми сложными. Я думаю, что спустя какое-то время ты должен поступить как с гордиевым узлом. Разрубить одним ударом. И больше не будет никаких сложностей.

Исидор поднимает голову и перестает жевать.

— Знаешь что? Ты гений.

Он проглатывает кусок, залпом выпивает кофе и мчится в свою комнату, чтобы набросить пиджак. Потрепав Шерлока по голове, он выскакивает за дверь.

— Куда ты? — кричит Лин.

— На поиски кого-нибудь с мечом, — отвечает Исидор.

Колония зоку на этот раз изумляет его своим негостеприимным видом. Стеклянные наконечники, выступы и грани кажутся невероятно острыми. Исидор останавливается у ворот и пытается решить, что делать дальше.

— Алло? — произносит он.

Но ничего не происходит. *Как же они работают? Пиксил говорила, что надо просто подумать.*

Он прикладывает руку к холодной поверхности двери и представляет лицо Пиксил. Пальцы пощипывает. Полученный ответ неожиданно резок и жесток, намного жестче, чем при наличии кольца сцепления.

— **Убирайся.** Вместе с ответом появляется ощущение физического удара, словно жгучая пощечина.

— Пиксил.

— Я сейчас не хочу с тобой разговаривать.

— Пиксил, мы можем встретиться? Это очень важно.

— Важные вещи имеют срок действия. И я тоже. У меня много дел.

— Я прошу прощения, что не поддерживал связь. Вокруг меня

какое-то безумие. Можно я войду? Или ты выйди и встреть меня. Обещаю, я не задержу тебя надолго.

— Через двадцать минут я должна отправиться в рейд. Даю тебе десять. А теперь уйди с дороги.

— Что?

— Уйди с дороги!

Через дверь просачивается что-то огромное. Поверхность рябит и мерцает. Пиксил появляется верхом на огромном черном существе, похожем на шестиногого коня, только еще больше, покрытого золотыми и серебряными пластинами брони, с налитыми кровью глазами и острыми белыми клыками. Сама она одета в замысловатый костюм с широкими белыми наплечниками, как у самураев, устрашающая маска поднята надо лбом, а на боку висит меч.

Чудовище сопит и фыркает на Исидора, заставляя его пятиться назад. Он отступает, пока не прислоняется спиной к столбу. Пиксил соскакивает на землю и хлопает скакуна по шее.

— Все в порядке, — говорит она. — С Синдрой вы уже встречались.

Легендарный скакун издает рев, распространяя зловоние протухшего мяса. У Исидора звенит в ушах.

— Я знаю, что нам надо торопиться, — говорит Пиксил, обращаясь к скакуну, — но ты не должна его есть. Я сама справлюсь.

Чудовище разворачивается и исчезает за дверью.

— Извини, — говорит Пиксил Исидору. — Синдра хотела выйти сама и объяснить, что она о тебе думает.

— Понятно, — говорит Исидор.

У него так ослабли колени, что приходится присесть на ступеньку. Пиксил, звеня доспехами, присаживается на корточки рядом с ним.

— Ну, и в чем же дело? — спрашивает она.

— Я думал… — начинает Исидор.

— В самом деле?

Он бросает на нее укоризненный взгляд.

— Я имею право тебя дразнить, — говорит она. — Так всегда бывает.

— Ладно.

Он кашляет. Слова не желают выходить изо рта. Они кажутся громоздкими предметами с зазубренными краями. На память приходит прочитанная книга о Демосфене, выдающемся ораторе, который тренировал речь, держа во рту мелкие камешки. Он сглатывает и начинает говорить.

— У нас ничего не получается, — произносит он и умолкает.

Пиксил молчит.

— Я был с тобой, потому что ты не такая, как все, — говорит он. — Я не мог тебя понять. Некоторое время это было очень интересно. Но не более того. И ты никогда не была для меня на первом месте. Ты была просто… отвлекающим моментом. А я не хочу так думать о тебе. Ты заслуживаешь большего.

Она мрачно смотрит на него, но через мгновение Исидор понимает, что это насмешка.

— И ты пришел, чтобы сказать мне об этом? Тебе понадобилось столько времени, чтобы это понять? Ты сам до этого дошел?

— По правде говоря, — говорит он, — мне помог Шерлок. — В ее глазах появляется любопытство. — Это неважно.

Пиксил усаживается рядом с Исидором, кладет меч на ступеньку и облокачивается на него.

— Я тоже много думала, — говорит она. — Я считаю, меня больше всего привлекает в тебе то, что ты раздражаешь старейшин. Это забавное зрелище. И еще то, что между нами нет никакого сцепления, никаких веревочек. Кроме того, приятно быть рядом с таким медлительным существом, как ты. — Она высовывает язык и убирает прядь волос с его лба. — Бестолковый, но милый.

Исидор резко втягивает воздух.

— Последнее было шуткой, — говорит Пиксил. — Или вроде того.

Некоторое время они молча сидят рядышком.

— Видишь, это не так уж трудно, — говорит Пиксил. — Это надо было сделать целую вечность назад. — Она поворачивается к Исидору. — Тебе грустно?

Исидор кивает.

— Немного.

Она крепко обнимает его. Броня больно впивается в грудь Исидора, но он тоже прижимает ее к себе.

— Ну ладно, — говорит она, поднимаясь и лязгая доспехами. — Мне еще предстоит убивать чудовищ. А тебе надо поймать вора, как я слышала.

— Да, похоже на то.

— Угу?

— Помнишь, ты говорила, что можешь открыть мне личность Джентльмена? Это тоже была шутка?

— Я никогда не шучу, — говорит Пиксил и взмахивает мечом. — Если дело касается любви или войны.

Исидор доходит до края Пыльного района и посылает наставнику фрагмент воспоминаний. *Я знаю, кто ты*, говорится в

нем. А потом он садится в шезлонг в маленьком сквере у самой границы колонии, где камни превращаются в алмазы.

Он закрывает глаза и прислушивается к журчанию воды. И позволяет своим мыслям плыть по течению. Неожиданно он сам ощущает себя водой, текущей через скалу, чувствует ускользающий от него контур. Он разворачивается в его голове подобно гигантской снежинке. И вызывает злость.

Налетает порыв ветра. Он открывает глаза. Над волнами дрожащего воздуха стоит Джентльмен. Ореол из фоглетов на мгновение проявляется в брызгах фонтана. Маска блестит на солнце.

— Надеюсь, у тебя серьезное дело, — говорит она. — Я очень занята.

Исидор улыбается.

— Прошу прощения, мадемуазель Раймонда, но есть вещи, которые я должен с вами обсудить.

Серебряная маска тает, открывая веснушчатое лицо рыжеволосой женщины, объединившей их обоих в тесном гевулот-контракте.

Женщина выглядит очень усталой.

— Хорошо, — говорит она, складывая руки на груди. Ее настоящий голос звучит очень мелодично, словно звон колокольчика. — Я слушаю. Как ты…

— Я смошенничал, — говорит Исидор. — Воспользовался чужим расположением.

— Пиксил, конечно. Эта девчонка никогда не умела держать язык за зубами. Я рассчитывала на то, что гордость не позволит тебе ее расспрашивать.

— Есть вещи важнее гордости, — говорит Исидор. — Возможно, вы не так хорошо меня знаете, как вам кажется.

— Как я понимаю, мы здесь не для того, чтобы восхищаться твоей находчивостью. И видимо, не ради благодарности за сохранение твоего разума. Рада была помочь.

От ее слов веет холодом, и она не смотрит ему в глаза.

— Нет, — говорит он. — Мы должны раскрыть одну тайну. Но мне требуется ваша помощь.

— Подожди.

Она посылает ему фрагмент памяти, он принимает послание и неожиданно вспоминает едкий запах, наводящий на мысли об испортившейся пище, когда-то давно оставленной отцом в его студии.

— Что это было? — спрашивает он.

— То, что скоро получит каждый житель Ублиетта, — говорит она. — Продолжай.

— Я размышлял над словом «криптарх» с того самого момента, как вы упомянули его в первый раз, — говорит Исидор. — Они манипулируют экзопамятью, верно?

— Да. И теперь нам известно, как это происходит: у них имеется ключ, который каким-то образом позволяет добраться до каждого, кто хоть раз был Спокойным.

— И вы боретесь против них.

— Да.

— И вы стали сотрудничать с вором. С Жаном ле Фламбером. Кем бы он ни был на самом деле.

Она явно удивлена, но кивает.

— Да. Но…

— Я сам до этого дошел. И его трюк с Анру был проделан с целью *получения доказательств*, не так ли? Чтобы сравнить его разум до и после прохождения через процесс восстановления и выявить возможные изменения. Вы поручили ему сделать для вас грязную работу. Преступнику из чужого мира.

Раймонда прижимает сжатый кулак к губам.

— Да, да, мы это сделали. Но ты не понимаешь…

— Тогда объясните, — требует Исидор. — Потому что мне известно, что ему нужно. И я могу сделать так, что он никогда не добьется своей цели. Я могу рассказать всем о ваших делах. И доверию к наставникам придет конец.

— Доверие, — говорит она. — Сейчас вопрос стоит не о *доверии*. А о *справедливости*. Мы в состоянии *победить* их. Наконец появилось оружие, чтобы их одолеть. Все те беды, против которых мы боролись — гогол-пираты, чуждые технологии — это все *их* рук дело. И еще более страшные вещи, о которых мы даже не знаем. Каждое решение Голоса. Революционеры мечтали совсем не об этом. Мы так и остались рабами.

Она поднимается по ступеням и встает рядом с Исидором.

— Для тебя это *все еще* игра. Нет ничего удивительного в том, что ты так долго встречался с этой девочкой зоку. Очнись. Да, ты выиграл, ты меня победил; ты добился успеха. Но у нас, у всех нас, есть более важные дела. Не просто очередной случай, а справедливость для всех.

Ее взгляд становится суровым.

— Тебе никогда не приходилось бороться. Тебя всегда защищали. Я начала работать с тобой, чтобы показать…

Она прикусывает губу.

— Что показать? — спрашивает Исидор. — Что ты хотела мне показать, мама?

Она остается для него все такой же незнакомкой. Воспоминания, которых он был лишен, остаются закрытыми.

— Я хотела тебе показать, что в мире существуют не только хорошие люди, — говорит она. — И убедиться, что ты не свернешь в сторону, как… — Ее голос начинает дрожать. — Но, в конце концов, я не могла допустить, чтобы ты пострадал. И отозвала запрос.

— Мне кажется, люди, скрывающие истину от других, ничуть не лучше криптархов, — говорит Исидор.

Она горько усмехается.

— Ты слишком мало о них знаешь. Они манипулируют не только Голосом. Они манипулируют всем. И даже историей. Ты говорил о Революции? Я думаю, они ее придумали. Анру об этом догадался. Если внимательно изучить все детали, окажется, что вся история подделана. Он собрал достаточно информации, чтобы это понять. Все воспоминания о Революции — кому бы они ни принадлежали — исходят из экзопамяти. Можешь мне поверить, абсолютно все.

Исидор глубоко вздыхает.

— Я видел Королевство. Мне потребовалось немало времени, но я понял, что все оно заключено в контейнере в колонии зоку. Это искусственная имитация. И оттуда пошли воспоминания о Королевстве. Здания, памятники искусства, вплоть до стиля одежды. И вот приходишь ты. Ты работаешь на зоку; они работают на криптархов. И что бы вы ни планировали, все это делается для них.

Он смотрит на нее и думает о рядах лиц на построенной отцом стене.

— Так что прости, но все, что ты говоришь о прошлом — или о будущем, если на то пошло, — я воспринимаю с некоторым скептицизмом.

— Я…

— Защищала меня? — Исидор почти выплевывает эти слова. — Именно в это хочет верить отец. Защищала от чего?

— От твоего отца, — говорит Раймонда. — От твоего истинного отца. — Она крепко зажмуривает глаза. — Исидор, ты сказал, что знаешь, чего хочет вор. Что это?

— А ты не знаешь?

— Скажи.

— В Лабиринте есть девять зданий. Он сам спроектировал их, будучи архитектором по имени Поль Сернин. Они каким-то образом связаны со Спокойными-атласами: имеется механизм, соединяющий их в одно целое. Еще он заказал девять Часов, и они тоже имеют к этому отношение. Что-то вроде того, как в преисподней он заставил Спокойных двигаться. Эти здания являются частями машины. Я не знаю, как она работает. Кажется,

все это связано с экзопамятью…

— Девять зданий. О боже. — Она хватает Исидора за плечи. — Когда ты до этого додумался?

— Как раз перед нападением гоголов…

— Это означает, что криптархи тоже об этом знают, — говорит она. — Может произойти нечто ужасное. Этот разговор мы продолжим позже. А сейчас отправляйся в какое-нибудь безопасное место. Лучше всего в колонию зоку. Оставайся с Пиксил. Здесь будет слишком опасно.

— Но…

— Не будем об этом спорить. Отправляйся сейчас же, или я сама тебя туда доставлю.

Она опять превращается в Джентльмена и взмывает в воздух, не дожидаясь ответа Исидора.

Несколько мгновений Исидор смотрит ей вслед. Затем снова садится на скамейку. Он привык к движению земли под ногами — плавному мягкому покачиванию города, — но сейчас чувствует себя на краю внезапно открывшейся пропасти. Он старается упорядочить мысли, но сердце бьется так сильно, что невозможно сосредоточиться…

Земля вздрагивает. Раздается чудовищный скрежет. Из мостовой выскакивают мелкие булыжники. Он падает на землю, закрывая лицо руками. Огромные машины грохочут в преисподней, и на мгновение ему кажется, что город — это всего лишь тонкий слой жизни на грубой шкуре колоссального существа, ужаленного пчелой. Затем все прекращается так же неожиданно, как и началось. *Машина вора.*

Исидор, все еще пошатываясь, встает на ноги и щурится, стараясь избавиться от головокружения. А затем бегом пускается к Лабиринту.

Последствия затрагивают весь город. Разрушения по большей части чисто косметические — каркасы зданий созданы из интеллектуальной материи, — но город перестал двигаться. Устойчивый проспект заполняется шумными толпами: в воздухе не утихает гул тысяч голосов. В Лабиринте что-то произошло: над крышами виден поднявшийся к небу столб пыли. А позади него вырисовывается новый объект — черная башня высотой в несколько сотен метров.

Исидор с трудом проталкивается мимо толпящихся людей. Гевулот-щиты почти у всех открыты. Повсюду мелькают лица с широко раскрытыми глазами, слышится нервный смех, ощущается тихий ужас.

— Еще один чертов художественный проект, — говорит мужчина в маске-паутине, прислонившийся к стоящему на земле

паукэбу. — Можете мне поверить, это очередной проклятый проект.

— Вы можете доставить меня туда? — спрашивает его Исидор.

— Невозможно, — отвечает человек. — Наставники блокировали все подходы. Глядите.

Исидор смотрит в направлении его взгляда и видит кружащихся над Лабиринтом наставников, окруженных облаком раскаленного воздуха.

— Они все посходили с ума, — продолжает таксист. — Вы видели, что они сотворили чуть раньше? Я получил от них фрагмент памяти. Очень скверно пахнет. А вот и еще одно послание.

Один из наставников — Василиск — парит над ближайшей агорой. Ее голос слышится отовсюду, как будто говорит воздух.

— Не доверяйте Голосу! — говорит она. — Нас обманывали!

Она рассказывает о криптархах и их манипуляциях Голосом, о тайных правителях города. А затем предлагает принять фрагмент памяти, который может от них защитить. Она говорит о гогол-пиратах, о доказательствах манипуляции сознанием, об информации, полученной из мозга Анру. Она обещает, что наставники защитят экзопамять от посягательств, а криптархи будут найдены и преданы справедливому суду. В толпе слышатся сердитые возгласы.

Пока Василиск продолжает говорить, Исидор запрашивает экзопамять проспекта. Но наставника там нет, только толпа, прислушивающаяся к пустому месту.

— Проклятье, — бормочет он.

Они пытаются блокировать наставников.

Неожиданное воспоминание Голоса налетает с такой сокрушительной мощью и пафосом, что Исидор едва не падает на колени. Он вспоминает, что *наставники распространяют лживые сведения*, что они являются *агентами зоку* и что *зоку намерены разрушить образ жизни Ублиетта*. До сих пор Голос обычно был просто рекомендацией, надоедливым напоминанием о текущих делах, но сейчас это прямое и страстное воспоминание, внедряемое в мозг, которое невозможно игнорировать. Он вспоминает, что *должен идти домой и воспользоваться полным уединением гевулота, пока не восстановится порядок,* и что *все нарушения в деятельности городских механизмов вызваны незначительной инфекцией, занесенной фобоями, и их уже устраняют*.

Исидор встряхивает головой. Воспоминания вызывают чувство вины, он пытается вырваться из них, словно из зыбучего

песка.

— Это не так, — ворчит водитель паукэба, потирая пальцами виски. — Все не так. Я слышал, что она только что говорила.

Поднимается крик. На краю агоры возникла драка: группа мужчин и женщин в Революционной форме теснят молодого парня в костюме зоку. «Пыльный прихлебатель, — кричат ему. — Квантовая шлюха». Над толпой поднимаются волны жестокой ярости. И начинается медленное, но определенное движение значительной части молчаливых людей. Мимо Исидора проходит пара в телах среднего возраста. У них странный остекленевший взгляд. *Она права. Это больше не игра*.

Он встряхивает за плечо водителя паукэба.

— Мегасекунда, если вы прямо сейчас доставите меня в Пыльный район, — говорит он.

Мужчина прищуривается.

— Ты сошел с ума? Эти люди как раз направляются туда, чтобы разнести все в пух и прах.

— Тогда нам надо их опередить, — говорит Исидор.

Таксист искоса оглядывает его.

— Эй, ты тот самый приятель наставника, не так ли? Ты знаешь, что же это творится?

Исидор глубоко вздыхает.

— Межпланетный вор создает из города машину на основе пикотехнологии, а криптархи завладевают сознанием людей, чтобы уничтожить колонию зоку и помешать наставникам свергнуть их власть, — говорит он. — Я хочу остановить и тех, и других. Кроме того, я подозреваю, что этот вор и есть мой настоящий отец.

Водитель изумленно рассматривает его несколько секунд.

— Годится, — говорит он. — Садись!

Паукэб мчится, словно одержимое насекомое; взмыв вверх с проспекта, машина минует Лабиринт, невероятными прыжками пересекая улицы. Над Лабиринтом все так же маячит черный шпиль, и вокруг него еще кружат несколько наставников. Весь район как будто сжат огромными руками и повернут наподобие детской игрушки-головоломки — повсюду виднеются разрушенные здания и разорванные улицы. Отряды спасателей в желтых комбинезонах и Спокойные-медики спешат к пострадавшим, но их действия дезорганизованы и беспорядочны. Вся экзопамять содрогается от странных пульсаций и выдает вспышки дежавю.

Пыльный район похож на снежный ком. Он окружен сферой из ку-частиц, искажающих очертания, отчего здания кажутся

вытянутыми и нереальными. А внутри не прекращается какое-то движение, силуэты предметов перемещаются и меняют форму.

Внизу по улице марширует толпа людей, но со стороны кажется, что их усилия напрасны. Исидор уверен, что криптархи не могли спланировать этот марш. *Не собираются же они избавиться от зоку просто с помощью толпы…*

— Ну, вот мы и на месте, — говорит водитель. — Не хочешь повернуть назад? Нам не прорваться сквозь эту преграду.

— Подбрось меня немного ближе.

Водитель высаживает его на боковой аллее, перед самой границей ку-поля. Сфера похожа на мыльный пузырь, только колоссальных размеров, ее поверхность изгибается к небу вертикальным радужным горизонтом.

— Желаю удачи, — говорит водитель. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Опоры паукэба высекают искры из мостовой, и такси снова уносится вверх.

Исидор трогает рукой пузырь. Он кажется тонким и податливым, но чем сильнее нажимаешь, тем упорнее он сопротивляется. Каждый толчок заканчивается всего лишь скольжением по поверхности. Исидор мысленно обращается к Пиксил. *Впусти меня*. Но ответа нет.

— Я хочу поговорить со Старейшинами, — произносит он вслух. — Я все знаю о Королевстве.

Некоторое время ничего не происходит, но затем сфера поддается под его напором, и Исидор едва не падает вперед. Он проходит сквозь преграду, и ощущение точь-в-точь как от мыльного пузыря — кожа становится влажной, и ее чуть-чуть пощипывает.

В колонии зоку все в движении. Алмазные здания *сворачиваются*, уменьшаются в размерах, словно картонные декорации. Повсюду снуют зоку в самых разных обличьях — от лиц в облаках фоглетов до зеленых монстров, управляющих материей при помощи жестов.

К нему приближается ку-сфера высотой в человеческий рост. Из нее появляется Пиксил, она все еще в боевых доспехах и с мечом. И выглядит очень мрачно.

— Что там происходит? — спрашивает она. — Наш рейд отменен. И все зоку готовятся к исходу. Я бы тебе сказала об этом, — но…

Она беспомощно теребит свой камень зоку.

— Знаю, знаю. Оптимизация ресурсов. Я думаю, у нас намечается революция, — говорит Исидор. — Мне нужно поговорить со Старейшей.

— А, хорошо, — говорит Пиксил. — Может, на этот раз ты *действительно* сведешь ее с ума.

Ку-сфера переносит Исидора и Пиксил в пещеру сокровищ. Там тоже царит бурная деятельность: черные кубы поднимаются с пола и исчезают в серебряных порталах. В самом центре стоит Старейшая — огромная женская фигура с безмятежным лицом в окружении парящих драгоценных камней.

— Молодой человек, — приветствует она Исидора. — Мы всегда рады вас видеть, но, должна признаться, вы выбрали не совсем удачное время для визита.

У нее тот же глубокий и теплый голос, как и у светловолосой женщины, с которой Исидор встречался раньше.

Он запрокидывает голову и старается собрать весь свой гнев и возмущение по отношению к постчеловеческому существу.

— Почему вы это делаете? Почему вы помогаете криптархам?

Пиксил бросает на него недоверчивый взгляд.

— Исидор, о чем ты толкуешь?

— Вам известны криптархи, о которых сегодня в городе рассказывали наставники? Вы помните то Царство, которое собрал Дратдор? Так вот, *это* и есть Королевство. Именно отсюда происходят все воспоминания жителей Ублиетта. И это стало возможным благодаря вам, зоку.

— Неправда! — Глаза Пиксил сверкают гневом. — Это не имеет никакого смысла! — Она поворачивается к Старейшей. — Скажи ему!

Но Старейшая молчит.

— Ты, наверно, пошутил, — не унимается Пиксил.

— У нас не было выбора, — говорит Старейшая. — После Протокольной войны мы были разбиты. Нам требовалось место, где можно было бы спрятаться от Соборности и залечить раны. Мы заключили сделку. Это казалось нам чем-то незначительным: мы постоянно переписываем свое прошлое и воспоминания. И мы дали им то, что они хотели.

Пиксил берет Исидора за руку.

— Клянусь, я ничего не знала об этом.

— Мы создали тебя такой же, как они, чтобы ты свободно ходила среди них, — говорит Старейшая. — Поэтому и не могли позволить, чтобы ты знала больше, чем она.

— И вы так просто *позволили им делать все, что они хотели*? — спрашивает Исидор.

— Нет, — говорит Старейшая. — Когда мы увидели, что получилось, мы испытывали… сожаление. И потому создали наставников — позволили молодым идеалистам Ублиетта пользоваться нашими технологиями. Мы надеялись, что они

создадут противовес. Совершенно ясно, что мы были не правы и этот ваш вор все испортил.

— Ответьте еще на один вопрос, — говорит Исидор. — Чем было раньше это место?

Старейшая долго молчит, по ее безмятежному лицу пробегает тень печали.

— Разве это не очевидно? — говорит она после паузы. — Ублиетт был тюрьмой.

18. Вор и король

Я стою в парке роботов напротив своего бывшего «я», покачивая в руке револьвер. Он тоже держит его или его отражение. Странно, что все обычно сводится к противостоянию двух человек с оружием в руках, реальным или воображаемым. Вокруг нас продолжается медлительная война древних машин.

— Я рад, что ты это сделал, — говорит он. — Я не знаю, где ты был. Не знаю, куда направляешься. Но я знаю, что ты оказался здесь, чтобы сделать выбор. Спусти курок, и ты станешь тем, кем мы были. Если не сделаешь этого — что ж, ты будешь и дальше жить своей жизнью, заниматься незначительными делами, тешить себя незначительными надеждами. Или же можешь вернуться к мелодиям сфер и музыкальному звону нарушаемых законов. Я знаю, что бы я сделал на твоем месте.

Я открываю револьвер и смотрю на девять пуль. Каждая имеет свое имя и квантовое состояние, связанное с Временем в Часах девяти людей. Исаака. Марселя. Джилбертины. Других. Если я нажму на курок девять раз, их Время закончится. Машина заработает. Девять человек станут Спокойными, Спокойными-атласами под городом. Они создадут мой дворец памяти. И я никогда их больше не увижу.

Я закрываю револьвер и верчу барабан, словно играю в русскую рулетку. Молодой я улыбается.

— Давай, — говорит он. — Чего ты ждешь?

Я отбрасываю револьвер. Он падает в куст роз. Я смотрю на пустое место, где только что был бывший я.

— Ублюдок, — бросаю я. — Ты знал, что я никогда этого не сделаю.

— Ничего страшного, — раздается голос. — Это сделаю я.

Садовник открывает свой гевулот и предстает передо мной с револьвером в руке. У него седые волосы, тщательно состаренное лицо, но в его облике есть что-то мучительно знакомое. Я делаю шаг вперед, но над его правым плечом появляется обтекаемое овальное устройство — ку-пистолет зоку — и смотрит на меня ярким квантовым глазом.

— Я бы не стал дергаться, — говорит он. — Эта штучка вдребезги разобьет даже твое чудное тело, изготовленное Соборностью.

Я медленно поднимаю руки.

— Ле Рой, как я полагаю? У него в точности такая же улыбка, как и у криптарха в отеле. — Итак, ты здешний Король?

Я прикидываю, насколько велики шансы остаться в живых,

если резко броситься на него. Шансы невелики. Мое тело все еще заперто в человеческом облике, и пять метров, разделяющих нас, с таким же успехом могли бы быть и световым годом.

— Я предпочитаю считать себя просто садовником, — говорит он. — Помнишь тюрьму Санте на Земле? Что ты говорил своему сокамернику? Что единственное, что бы ты действительно хотел украсть, — это собственное королевство. Но управление казалось тебе слишком хлопотным делом, и ты предпочел бы препоручить заботу о процветании и благополучии своих подданных номинальному правителю, а сам бы выращивал цветы для хорошеньких девушек, да время от времени вмешивался в дела. — Свободной рукой он делает широкий жест, обводя парк и город вокруг нас. — Так вот, я осуществил эту мечту. — Он вздыхает. — Но, как и всякая мечта, она со временем становится старой.

— Да, конечно, — говорю я. — Наставники вот-вот положат конец устоявшемуся порядку и разбудят население. — Я сосредоточенно нахмуриваюсь. — Мы сидели в одной камере?

Он смеется.

— Что-то вроде того. Если хочешь, можешь звать меня ле Роем. Жан ле Рой — так меня здесь называют, хотя я уже не забочусь об именах.

Я внимательно вглядываюсь в его лицо. При открытом гевулоте сходства невозможно не заметить.

— Что произошло?

— До Вспышки мы были слишком беспечными, — говорит он. — А почему бы и нет? Мы работали с Основателями. Мы взломали административную когнитивную программу сразу, как только Читрагупта ее поставил. Нас было много. И кое-кого на этом поймали. И меня тоже.

— Как же ты здесь оказался? — спрашиваю я. И вдруг меня осеняет. — Это место никогда не было Королевством, не так ли? — говорю я. — Это была тюрьма.

— Предполагалось, что это будет новая Австралия, — говорит он. — До Вспышки господствовала следующая идея: загоним преступников в терраформирующие машины, и пусть они отрабатывают свои долги перед обществом. И мы упорно трудились, можешь мне поверить. Мы обрабатывали реголит, зажигали Фобос и плавили ледниковый покров ядерными взрывами. Все ради того, чтобы еще немного побыть людьми.

— Конечно, они позаботились о том, чтобы мы были здесь надежно заперты. Даже сейчас, стоит мне только подумать об отъезде с Марса, как начинается дьявольская боль. Но потом произошла Вспышка, и сумасшедший дом захватили безумцы. Мы

взломали систему тюремного надзора. Превратили ее в экзопамять. И использовали для того, чтобы захватить власть.

Он качает головой.

— И еще мы решили сочинить более приятную историю. Вспышка обернулась для нас благодеянием, стерла все следы — хотя мы оставили их не так уж много. Но полностью воплотить в жизнь все свои планы мы смогли только после прихода зоку. Оглядываясь назад, я понимаю, что их нельзя было сюда допускать. Но в тот момент нам годились любые средства, чтобы предотвратить наступление Соборности. По крайней мере, они дали нам инструменты для воплощения мечты.

— Нам? Кто еще здесь есть? — спрашиваю я.

— Никого, — говорит он. — Ну, больше никого. Я давно уже позаботился обо всех остальных. Саду достаточно одного садовника.

Он поднимает свободную руку и трогает стебель цветка.

— Некоторое время я был здесь вполне доволен. — Его лицо искажается гримасой. — А потом *тебе* надо было сюда приехать. У тебя все получалось лучше, чем у меня. Ты обладал могуществом и свободой. И перенял местные обычаи. Ты себе представить не можешь, как меня это злило.

Ле Рой смеется.

— Это чувство тебе знакомо не хуже, чем мне — хотеть то, чем обладает кто-то другой. Ты можешь понять, как я хотел получить то, что принадлежало тебе? И после твоего исчезновения я завладел всем, что было в моих силах. К примеру, твоей женщиной. Она больше никогда не будет твоей. Она считает, что ты бросил ее с вашим ребенком. Никогда не понимал, что ты в ней нашел. Но ты хорошо замел следы: я никогда не знал, что *это* такое.

Он поднимает револьвер с девятью пулями.

— Ты считаешь себя таким умным. Спрятал свое сокровище в экзопамяти своих друзей. Великие умы мыслят одинаково, но, должен признать, я до этого не додумался. Однако я знал, что ты когда-нибудь вернешься, и расставил для тебя ловушку. Гевулот-видения шли от меня. Но полностью свести концы с концами мне помог сыщик. Весьма своевременно. — Он наставляет револьвер на меня. — Я даже предоставил тебе возможность самому это сделать: в конце концов, справедливость есть справедливость. Но ты не смог. Значит, теперь моя очередь.

В слепой ярости я с криком бросаюсь вперед. Сверкает вспышка ку-пистолета. Я лечу на землю и сильно ударяюсь лицом о мраморные плиты. Тело Соборности на мгновение взрывается болью, а затем глушит ее милосердной анестезией. Я

переворачиваюсь и пробую встать, но в то же мгновение понимаю, что правая нога ниже колена превратилась в обугленную культю.

Ле Рой с усмешкой смотрит на меня сверху вниз. Он поднимает револьвер и начинает стрелять в воздух. Я пытаюсь вцепиться ему в ноги, но получаю пинок в лицо. Пытаюсь сосчитать выстрелы и тотчас сбиваюсь.

Земля вздрагивает. Где-то глубоко под городом Спокойные-атласы, когда-то бывшие моими друзьями, просыпаются с новыми мыслями и новыми стремлениями. Дворцы памяти, которые являются их составными частями, с мощью стихийного бедствия стремятся соединиться. Вокруг нас начинается камнепад. Вокруг парка роботов рушатся здания. Дворцы маячат над ними, словно черные паруса, сметающие все на своем пути, и несутся вниз, прямо на нас.

Они соединяются над нашими головами наподобие черных геометрических пальцев. Потом все погружается во тьму, тело начинает покалывать, и нас с Королем разносит в разные стороны.

19. Сыщик и кольцо

От блокировки гевулота у Миели пощипывает кожу. Но она снова ощущает себя невесомой, а рубка «Перхонен» ближе всего к покинутому ею дому. Ощущение уюта и безопасности почти полностью заглушает гневный голос пеллегрини в ее мозгу.

— *Хорошо, что ты вернулась*, — говорит «Перхонен». Аватар корабля — бабочка — вьется над головой Миели. — *Я как будто потеряла часть себя*.

— Я тоже это чувствовала, — говорит Миели, наслаждаясь знакомым трепетом крылышек на коже. — Как будто потеряла значительную часть себя.

— Как скоро ты сможешь вернуться вниз? — требовательным тоном спрашивает пеллегрини. Богиня ни на минуту не оставляла Миели с того самого момента, когда Спокойные из иммиграционной службы доставили ее на корабль и вернули сознание. Ее губы сжимаются в тонкую красную линию. — Это недопустимо. Он должен быть наказан. Наказан. — Кажется, что она наслаждается звуком этого слова. — Да, наказан.

— С биотической связью возникли проблемы, — говорит Миели.

У нее возникает странное ощущение, будто чего-то *не хватает. Неужели я действительно скучаю без этой связи? Без яда, к которому ты меня приучил*.

— *Давай же! Признайся, что ты действительно беспокоишься,* — говорит «Перхонен». — *Никому не говори, но мне-то можно*.

— Последнее зарегистрированное сообщение было о серьезном повреждении. И мы не можем спуститься на поверхность раньше чем через тридцать дней. По крайней мере легально.

— Что же творит этот мальчишка? — ворчит Пеллегрини.

— *Орбитальный контроль Ублиетта настаивает на нашем отправлении к Магистрали*, — говорит «Перхонен». — *И они заворачивают назад всех, кто приближается к орбитальной станции. Там, внизу, что-то происходит*.

— Мы можем хоть что-то увидеть? — спрашивает Миели.

Бабочки-аватары корабля раскрывают перед Миели целый веер движущихся картин. Они показывают темную двояковыпуклую линзу города в оранжевой чаше кратера Эллады, затемненную пеленой гевулота.

— *Там происходит что-то очень серьезное*, — говорит «Перхонен». — *Город перестал двигаться*.

Кроме города, на изображениях видно кое-что еще. С приподнятых краев кратера к городу стекает расплывчатая темная масса.

«Перхонен» увеличивает изображение, и Миели кажется, что перед ней картина ада.

— *Это? Это фобои,* — говорит корабль.

— Что же нам делать? — спрашивает Миели у Пеллегрини.

— Ничего, — отвечает богиня. — Подождем. Жан хотел поиграть внизу в свои игры, так пусть играет. Мы ждем, пока он закончит.

— Я прошу прощения, — говорит Миели, — но это означает, что миссия провалилась. Внизу еще остались пригодные для работы агенты? Гогол-пираты?

— Ты осмеливаешься указывать мне, что делать?

Миели вздрагивает.

— Ответ отрицательный. Я не могу оставлять здесь никаких следов своего присутствия. Пришло время подсчитать убытки.

— Мы его бросим?

— Жаль, конечно. Я немного привязалась к нему: по большей части опыт был весьма приятным. Даже его маленькая измена только придала остроты. Но ничего незаменимого нет. Если криптарх одержит верх, возможно, с ним будет легче договориться. — Пеллегрини задумчиво усмехается. — Хотя и не так интересно.

— *Не могу сказать, какие проблемы возникли в городе, но мне кажется, что они множатся,* — говорит «Перхонен». — *Флот Спокойных отступает в беспорядке. И если вам интересно, фобои нанесут удар по городским укреплениям приблизительно через тридцать минут.*

— Госпожа, — говорит Миели. — Ради службы вам я отказалась почти от всего. От своего разума, своего тела, от большей части своего достоинства. Но в эти несколько недель вор, сам того не желая, был моим собратом по кото. Я не смогу предстать перед своими предками, если его брошу. Позвольте мне сохранить оставшуюся честь.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Итак, он все-таки задел тебя, верно? Но нет, я тобой слишком дорожу, чтобы рисковать. Мы будем ждать.

Миели молчит, глядя на остановившийся город. Он не стоит этого, думает она. *Он вор и обманщик.*

Но он заставил меня петь. Хоть это и была уловка с его стороны.

— Госпожа, — вновь заговаривает Миели. — Окажите эту милость, и я добровольно перезаключу наш договор. Вы сможете

сделать из меня гогола. Если я не вернусь, можете использовать меня так, как вам будет угодно.

— *Миели, не делай этого*, — шепчет корабль. — *У тебя не останется пути к отступлению*.

— *Это все, что у меня осталось, кроме моей чести*, — отвечает Миели. — *И честь мне дороже*.

Пеллегрини, прищурив глаза, смотрит на нее.

— Что ж, интересное предложение. И все ради него?

Миели кивает.

— Хорошо, — говорит богиня. — Я принимаю твое предложение. С одним условием: если что-то пойдет не так, «Перхонен» ударит по городу странгелетовым снарядом. В тебе еще остается частица меня, а я не могу допустить, чтобы меня обнаружили. — Она усмехается. — А теперь закрой глаза и молись мне.

Прорыв сквозь дезорганизованную флотилию Спокойных занял всего несколько минут. Миели отбросила всякую деликатность и выжимает всю мощность из корабельных двигателей, работающих на антиматерии. Корабль тонкой алмазной иглой пронзает тропосферу и несется к кратеру Эллады.

Покажи мне фобоев.

Кошмарные существа захлестывают кратер. Их уже не один миллион; бесконечное множество вариантов этих созданий сбивается в плотную массу, надвигающуюся на город, словно единый организм. Целые рои насекомоподобных существ образуют быстро бегущие пятна. Груды круглых мешков, заполненных химикатами, пульсируют и переливаются с места на место. С ними мчатся и гуманоиды со стеклянистыми телами и удивительно реалистичными лицами — вероятно, их предки пришли к выводу, что человеческая внешность в какой-то мере замедляет рефлексы Спокойных-воинов.

Фобои представляют собой гибридное биотическое и биологическое оружие, самовоспроизводящее себе подобных на протяжении миллиардов поколений и в процессе возобновления численности подвергающееся модификации. Ублиетт воюет с ними уже много столетий. И когда Шагающий Город останавливается, его противники чувствуют запах крови.

Миели оценивает имеющееся оружие. Ее защитные гоголы спроектированы для борьбы против зоку и мало чем помогут в бою с примитивными химическими мозгами фобоев. Более реалистичные шансы дает грубая сила: ку-частицы, антиматерия, лазеры и — если дойдет дело — оставшийся странгелет, хотя Миели даже представить себе не может, что он сделает с Марсом.

— Итак, — говорит Миели, *— план проще простого. Ты их задерживаешь. Я разыскиваю вора. Ты нас подбираешь. Все как и в прошлый раз.*

— Понятно, — отвечает корабль. *— Будь осторожна.*

— Ты всегда так говоришь. Даже если собираешься высадить меня в умирающем городе.

— И я всегда искренне прошу тебя об этом, — говорит корабль.

Затем «Перхонен» окутывает Миели ку-сферой, подхватывает ее УКВ-полем и запускает на Марс.

Миели полностью активирует метамозг и, расправив крылья, направляется к одной из агор Устойчивого проспекта. Она выпускает над городом наноракеты, летящие со скоростью, близкой к скорости света. На этот раз Миели одета в броню и имеет при себе дополнительное оружие — многоцелевую пушку Соборности, гладкий цилиндр, в котором заключена невероятная разрушительная сила. Ракеты, перед тем как испариться, передают ей фрагменты изображений, поскольку гевулот слишком медлителен, чтобы помешать им транслировать информацию. Метамозг Миели составляет из них общую ситуацию в городе.

Окровавленные лица, алые пятна на белой форме. Гоголь-пираты, не скрывая своих щупалец, нападают на все, что движется. Старые и молодые марсиане бьются между собой, размахивая импровизированным оружием. Наставники сражаются и с людьми, и со Спокойными, отражая стрельбу щитами из утилитарного тумана. Колония зоку накрыта ку-сферой, и вокруг нее происходят самые ожесточенные схватки. В центре Лабиринта возвышается тонкая черная башня, которой раньше здесь не было. А прямо под ней…

В приюте Утраченного Времени Джентльмен бьется против целого отряда Спокойных-воинов, и его фоглетовый щит потрескивает под ударами крупнокалиберного оружия.

Миели сметает Спокойных залпом автономных ракет, заряженных квагмой. Снаряды взрываются с яркостью сверхновой, опустошают половину площади и на мгновение высвечивают невидимые очертания фоглетов: они похожи на невиданные кораллы, растущие из тела Джентльмена.

— Доложи ситуацию с фобоями, — запрашивает Миели корабль. «Перхонен» связана с ней на уровне ощущений. Корабль кружится над клокочущей массой и обстреливает фобоев ударными ракетами. Небо над городом освещается их взрывами, словно невероятно яркими молниями, а через пару секунд доносятся раскаты грома.

Не слишком хорошо, — отвечает «Перхонен». — *Нам необходимо какое-то вирусное оружие. Я замедляю их продвижение, но поток номер два уже в любую минуту может ударить по городу.*

Миели крыльями замедляет падение, но приземление все равно получается очень жестким. От удара ку-брони камни мостовой трескаются. Выбравшись из неглубокого кратера, она видит Раймонду. Вокруг нее облаком развеваются фоглеты с кинжалами на концах, готовые нанести удар.

— Кто ты? — спрашивает Раймонда. — Миели или та, другая?

— Та, которая пришла, чтобы сказать, что через пару минут у вас возникнут проблемы с фобоями, — говорит Миели.

— Проклятье, — вырывается у Раймонды.

Миели оглядывает последствия беспорядков. С проспекта доносятся грохот выстрелов и глухие взрывы.

— По-вашему, это революция?

— Около часа назад дела пошли из рук вон плохо, — говорит Раймонда. — Контролируемые криптархами люди стали нападать на каждого, кто принял фрагмент воспоминаний, защищающий от манипуляций, а потом они отозвали с укреплений и Спокойных-воинов. Мы начали вооружать тех, кто остался в живых. Пока действует система восстановления, мы еще можем всех вернуть. Но пока мы в меньшинстве. А главная проблема — *там*.

Она показывает рукой на шпиль, возвышающийся над Лабиринтом.

— Что это?

— Дело рук Жана, — говорит Раймонда. — Сам он внутри. Вместе с криптархом.

— Фобои приближаются, — говорит Миели. — Необходимо как-то разобраться с ними, — в противном случае вы *все* узнаете, что такое окончательная смерть. Надо, чтобы город снова начал двигаться. Как я понимаю, зоку до сих пор ничего не предпринимают?

— Нет, — говорит Раймонда. — И я не могу с ними связаться.

— Как всегда, — говорит Миели. — Ладно. — *Тебе* надо пробраться внутрь, вытащить оттуда криптарха и заставить его прекратить стычки, чтобы иметь возможность справиться с фобоями. *Я* хочу вытащить отсюда вора. Получается, что нам по пути.

Миели расправляет крылья. Наставник взмывает в воздух вместе с ней. Они летят над горящим городом к черному шпилю.

— Это из-за вас все пошло кувырком, — говорит Исидор. — Вы должны помочь нам. Если криптархов не остановить, нам

грозит гражданская война. Одним наставникам не справиться.

— Нет. Наш главный принцип — заботиться о себе. Мы исцелились и снова обрели силы. Нам пора уходить.

Сокровищница вокруг них уже опустела, остались только серебряные порталы.

— Вы просто бежите, — говорит Исидор.

— Это обычная оптимизация ресурсов, — возражает Старейшая. — Ты можешь уйти вместе с нами, хотя быстро поймешь, что твой облик для этого не подходит.

— Я остаюсь здесь, — говорит Исидор. — Здесь мой дом.

Часть мерцающего силуэта Старейшей формируется в миниатюрный город. Улицы заполнены крошечными людьми. Повсюду вспышки выстрелов и зарево пожаров. Исидор видит стычки между контролируемыми криптархом людьми и теми, кто получил защитный вирус. Во рту появляется привкус крови, и он понимает, что прикусил язык. А на укрепления, защищающие ноги города, накатываются белые волны. *Фобои*.

— Ты можешь изменить свое решение, — говорит Старейшая.

Исидор прикрывает глаза. Мысленная картина в его голове отличается от его обычного представления о тайне, она непрерывно движется и изменяется; это уже не гигантская снежинка, которую можно рассматривать под разными углами.

— Криптархи, — говорит он. — Криптархи еще могут все остановить. Они в состоянии заставить город двигаться и прекратить стычки. Раймонда считала, что они направляются туда, вместе с вором…

Он показывает на иглу, торчащую в миниатюрном городе, словно стрела в сердце.

— Кольцо. Вор похитил мое кольцо сцепления. Пиксил, оно будет работать внутри *этого*?

— Возможно. Зависит от того, что *это* такое, — говорит Пиксил. — Чтобы выяснить, нам потребуется только воспользоваться переходом.

Она направляется к ближайшей серебряной арке.

— Зоку этого не позволят, — говорит Старейшая.

— Просто перебрось меня туда, — говорит Исидор. — Я больше ни о чем не прошу. Я не могу стоять здесь и наблюдать.

Пиксил подносит руку к камню зоку в основании шеи. Затем она крепко зажмуривается, лицо искажает гримаса боли, и камень выходит наружу, словно только что рожденное существо. Она держит его перед собой окровавленными пальцами.

— Мы всегда обладали свободой, — говорит она. — Свободой уйти. Я ухожу. Я здесь родилась, и я остаюсь.

Она берет Исидора за руку.

— Пошли.

— Что ты делаешь? — восклицает Старейшая.

Пиксил прикасается к створкам. Из-за них прорываются золотистые лучи дневного света.

— Я поступаю правильно.

С этими словами она шагает вперед и тянет за собой Исидора.

20. Два вора и сыщик

Темнота восстанавливает нас заново. Несколько мгновений мне кажется, будто меня рисуют на бумаге, а затем тело обретает плоть, кожу и конечности. И я снова могу видеть.

На меня уставился кот. Он стоит на задних лапах, обутых в ботфорты, на голове широкополая шляпа, на широком ремне висит крошечный меч. У него остекленевший, неживой взгляд, и я понимаю, что глаза *действительно* стеклянные, в них поблескивают золотые искорки. Кот начинает порывисто двигаться: он снимает шляпу и с механической точностью отвешивает поклон.

— Добрый день, господин, — произносит он пронзительным мурлыкающим голосом. — С возвращением вас.

Мы находимся в главной галерее дворца. На позолоченных стенах висят картины, на потолке сверкают хрустальные люстры. Широкие окна выходят на итальянскую террасу, залитую золотистым предвечерним светом, отчего все предметы отсвечивают янтарем. Я сижу на полу, и мои глаза на одном уровне с головой кота. Кое-что радует: моя нога снова стала целой. Как и ле Рой, я одет в костюм, созданный древним портным — с фалдами, бронзовыми пуговицами, немыслимо зауженными рукавами и гофрированной рубашкой. Но кот кланяется не мне, а ему. И револьвер все еще остается в его руке.

Я напрягаю мускулы для прыжка, но он действует быстрее. Он бьет меня по лицу рукоятью револьвера, и, как ни странно, боль кажется здесь более ощутимой, чем в реальном мире. Я чувствую, как металл рассекает плоть до самой скулы и едва не ломает ее. Во рту появляется привкус крови.

Ле Рой пихает меня носком ботинка.

— Уберите это создание, — говорит он. — И найдите что-нибудь переодеться.

Кот снова кланяется и хлопает лапами. Хлопок почти не слышен, но снаружи раздаются шаги, и дверь открывается.

Я с трудом сажусь на полу и сплевываю кровь под ноги ле Рою.

— Мерзавец, — говорю я. — Я приготовился и к этому. Здесь есть ловушки, о которых ты не знаешь. Скоро увидишь.

— Ну, это жалкая попытка, недостойная ни одного из нас, — говорит ле Рой. — Будь благодарен, что я предпочитаю оставить тебя при себе. Как далекое воспоминание.

Он взмахивает револьвером, и сильные жесткие руки поднимают меня и волокут по полу. Восковые фигуры: мужчина с

пышными усами, одетый по моде начала двадцатого столетия, и незнакомая мне женщина в платье горничной. У обоих стеклянные глаза и желтоватые, грубо вылепленные восковые лица. Я пытаюсь сопротивляться, но не в силах устоять перед их механической мощью.

— Отпустите меня! — кричу я. — Ваш господин не он, а я! — Но револьвер в руке ле Роя перевешивает все мои аргументы. — Ублюдок! — кричу я. — Давай драться один на один!

Слуги тащат меня по коридору с открытыми дверями. Здесь их целые сотни, а внутри безмолвные восковые фигуры, медленно разыгрывающие сцены жизни. Они полны смысла: молодой человек в тюремной камере читает книгу. Темная палатка, в углу сидит женщина, она что-то напевает себе под нос и готовит еду на жалком костерке. Я замечаю обнаженную фигуру с лицом Раймонды, играющую на рояле медлительными и неуклюжими восковыми пальцами. Все это мертвые механические куклы, и я внезапно понимаю, что значит стать *далеким воспоминанием*.

Но начинаю вопить, лишь оказавшись в мастерской с формами для литья, чаном расплавленного воска и множеством острых инструментов.

Снова происходит разрыв реальности. Когда все заканчивается, Исидор все еще держится за руку Пиксил и моргает, чтобы восстановить зрение. Воздух пахнет пылью и воском. Они находятся в помещении, напоминающем комнату для пыток, но с высокими цветными окнами, выходящими в сад. Вор привязан к длинному столу, а над ним склонились сказочные персонажи: волк в женской одежде, усатый мужчина и горничная в костюме из древней истории Земли. В лапах и восковых руках они держат острые изогнутые ножи.

Пиксил бросается вперед. Ее меч со звоном вылетает из ножен и без труда рассекает воск и медь. В воздух взлетает лохматая голова, из пронзенного затылка мужчины выскакивают металлические пружины и шестеренки. Восковые куклы валятся на пол. Затем она приставляет кончик меча к шее вора.

— Не двигайся, — говорит Пиксил. — Это меч из Царства. Как ты понимаешь, он отлично адаптирован для этого места.

— Я только хотел вас поблагодарить, — хрипит вор. Он усмехается Исидору. — Мистер Ботреле. Рад вас видеть. Мы уже встречались. Жан ле Фламбер, к вашим услугам. Но ваша спутница — это очевидно — имеет надо мной явное превосходство.

— Что здесь происходит? — спрашивает Исидор.

— Неприятно признавать, но контроль над этим местом в руках криптарха — ле Роя. — Он прищуривается. — А как вы

сюда попали? Ах да, кольцо зоку. Удивительно, насколько полезными порой могут оказаться привычки клептомана… Берегитесь!

Исидор оборачивается. Мимо двери промелькнуло какое-то пушистое существо.

— Ловите его! — кричит вор. — У него ваше кольцо!

— *Они наступают,* — говорит «Перхонен». — *Я больше не могу их сдерживать.*

Она ощущает удары летающих фобоев по поверхности корабля, чувствует, как истощается его броня.

— Уходи отсюда.

Корабль поднимается, и Миели видит, как вал фобоев накатывается на стену растерянных Спокойных-воинов и захлестывает ее. Она провожает взглядом удаляющийся корабль и снова сосредотачивается на стрельбе по контролируемым криптархами Спокойным.

Спокойный-конструктор желтого цвета сбил ее на землю, выпустив в воздух облако технологической пыли, которая на время блокировала микровентиляторы крыльев. Спокойные-воины упрямо атакуют ее и Раймонду, не давая им приблизиться к черному шпилю.

— Фобои прорываются к городу! — кричит Миели наставнику и, несмотря на пыль, несмотря на серебряную маску, видит на ее лице отчаяние.

— *Миели! Там что-то происходит!*

Она замедляет время и снова смотрит на город глазами «Перхонен».

Защитная сфера вокруг колонии зоку рассеивается. Оттуда вырывается стая завывающих призраков, состоящих из мерцающего света, алмазов и других драгоценных камней. Они обрушивают на толпы фобоев потоки когерентного излучения, рассекают наступающий вал, словно пустое место, и двигаются так быстро, что невозможно уследить взглядом. Следом за ними летят сгустки греческого огня — самовоспроизводящегося оружия на основе нанотехнологии, и по бурлящим толпам распространяются круги пламени.

Что же побудило их изменить решение? Но раздумывать некогда.

— Вперед! — кричит она Раймонде. — У нас еще есть время!

Стиснув зубы, она извлекает ку-клинок и устремляется на преграждающую ей путь группу Спокойных.

Девушка зоку обрезает веревки и освобождает меня. Сыщик уже унесся в погоню за котом, и я устремляюсь вслед за ним. Кота

нигде не видно, но я, словно безумец, мчусь в том направлении, где он исчез, минуя все новые механические куклы-воспоминания.

А потом я вижу его: в небольшой комнате, на одноногом столе из темного дерева стоит простой небольшой ящичек, в котором могло бы поместиться обручальное кольцо. Камера Шредингера. Она выглядит так же соблазнительно, как и двадцать лет назад, когда я обнаружил ее в колонии зоку и не смог устоять. Я осторожно вхожу в комнату и беру ее, опасаясь ловушки. Но ничего не происходит, и я, зажав находку в кулаке, возвращаюсь в коридор.

Сыщик и девушка зоку уже возвращаются назад.

— Жалко, — говорит сыщик. — Мы его не нашли.

— Вы это ищете? — спрашивает Жан ле Рой.

Теперь он выглядит иначе — моложе и больше похож на меня. У него черные волосы, гладкое лицо и тонкие, будто нарисованные усики. На нем черный галстук, белые перчатки и накидка на плечах, как будто перед вечерним выходом в город. В руке трость. Вокруг головы кружится россыпь камней зоку, отливающих зеленью и голубизной. Но усмешка осталась прежней.

Он поднимает вверх кольцо — серебряный ободок с голубым камнем.

— Не стоит беспокоиться, вам оно больше не понадобится.

С видом заправского фокусника он взмахивает рукой, и кольцо рассыпается облачком светящегося порошка. — Вы можете остаться здесь в качестве моих гостей. — Он стряхивает с лацкана невидимую пылинку. — Мне кажется, я отыскал тело, в котором буду ходить. Пора покончить с этим соперничеством.

Девушка испускает пронзительный крик, и прежде чем я успеваю ее остановить, замахивается своим мечом на ле Роя. Он же неуловимым движением руки поворачивает набалдашник трости, и на конце ярко вспыхивает клинок. Он парирует ее выпад, потом пригибается и наносит ответный удар. Кончик клинка зловещим цветком выходит из ее спины. Девушка падает на колени. Сыщик устремляется к ней, пытается поднять, но я уже знаю, что все кончено.

Ле Рой подталкивает ее упавший меч кончиком своего клинка.

— Отличная игрушка, — говорит он. — Но моя лучше.

Он смотрит на сыщика, как будто только что его заметил. И широко раскрывает глаза.

— Тебя здесь не должно было быть, — тихо произносит он. — Что ты здесь делаешь?

Сыщик смотрит на него снизу вверх. По его щекам текут слезы, но глаза сверкают гневом.

— Мистер ле Рой, — решительно говорит он. — Я здесь для того, чтобы арестовать вас за преступления против Ублиетта и именем Революции приказываю немедленно передать мне ключ от вашей экзопамяти…

— Нет, нет. — Он опускается на колени рядом с сыщиком. — Ты все не так понял. Я думал, что ты всего лишь обращенное против меня воспоминание. Я не хотел этого. — Он смотрит на девушку. — Мы можем вернуть ее, если ты хочешь. А мой ключ, вот он, возьми. — Он роняет трость и что-то ищет в кармане. — Вот, он твой. — Он вкладывает что-то в руку сыщика. — Возьми. Я отошлю тебя обратно. И это будет правильно — принц унаследует королевство…

Сыщик бьет его по лицу. Он вскакивает на ноги, подбирает трость и нацеливает на него клинок. Потом встряхивает головой.

— Хватит.

Он взмахивает оружием, и сыщик, окутанный яркой вспышкой, исчезает.

— Ты ломаешь все свои игрушки, — говорю я, поднимая меч из Царства. — Хочешь сломать и меня?

Меч отзывается на мое прикосновение, показывает базовую структуру всего, что находится рядом. Это малое Царство, виртуальный мир, служащий интерфейсом для окружающего нас пико-механизма. Я программный алгоритм, содержащий всю информацию о материи тела, демонтированного дворцом. И в моем животе, словно призрак, светится голубоватая точка…

Глаза ле Роя сужаются.

— Мальчик не сломлен, — говорит он. — Он благополучно перемещен. Он перехитрил тебя. Через сотню лет я его навещу.

— Я не собираюсь тебя благодарить, — говорю я. — И он прав: ты должен заплатить за все, что натворил.

Он с усмешкой салютует мне своей тростью.

— Тогда приведи приговор в исполнение, если сможешь. Давай покончим с этим.

Он встает в фехтовальную позицию, и с его лица на меня смотрят мои глаза.

Я обеими руками поднимаю меч и погружаю лезвие себе в живот. Боль ослепляет. Меч пронзает программный алгоритм, которым я стал.

И выпускает на волю архонта.

Он вываливается вместе с моей кровью и внутренностями, вместе с потоком информации. И распространяется на стены и пол дворца. Они становятся стеклянными. Прозрачная стена

тюремной камеры отделяет меня от Жана ле Роя, а я, заложив основу новой Тюрьме «Дилемма», начинаю смеяться.

Миели едва удерживается, чтобы не подстрелить вылетевшего из черного шпиля сыщика. Часть темной шероховатой поверхности внезапно превращается в обнаженное тело молодого человека и вываливается наружу. В следующее мгновение Раймонда оказывается рядом с ним и помогает сыщику подняться.

— Он забрал Пиксил, — бормочет Исидор.

Они добрались до основания шпиля всего несколько минут назад. Ее материал похож на псевдоматерию, виденную Миели только возле остатков Вспышки. Она состоит не из атомов и молекул, а из чего-то более тонкого — из кварковой материи или пространственно-временной пены.

— *Миели*, — окликает ее «Перхонен». — *Я не уверена, что там безопасно. Внутри что-то происходит. Гамма-излучение, экзотические вимпы фонтаном…*

Поверхность башни на мгновение покрывается рябью, и в следующее мгновение она становится похожей на затемненное стекло, холодное и прочное. *Похоже на Тюрьму. Он освободил архонта.*

Миели опускает оружие и прикладывает руку к стене башни. Поверхность раскрывается и принимает ее, словно в любящие объятия.

Архонт счастлив. Новые воры, новые дела, новые игры, которые предстоит вырастить на плотной почве, где его разум разрастается в тысячи раз. Кто-то прикасается к нему: оортианская женщина, беглянка, вернувшаяся в его объятия. Он позволяет ей войти. От нее пахнет корицей.

Исидор страдает. У него новое, непривычное тело, а внутри не угасает огонь гибели Пиксил. Но ему некогда задуматься над этим, потому что он внезапно узнает все.

Экзопамять необъятным морем окружает его, прозрачная, как тропический океан. Спокойные, Достойные, наставники: каждая когда-либо возникшая мысль, каждое воспоминание. Все они доступны ему. Это самая прекрасная и самая ужасная картина из всех, что ему доводилось видеть или ощущать. История. Настоящее: ярость, кровь и огонь. Спокойные-атласы, впавшие в безумие и остановившие город. Люди, сражающиеся, словно марионетки, ключи, кнопки и шкалы в их головах, заложенные туда его отцом, сбились с ритма.

Он обращается к ним через Голос и призывает вспомнить, кто они есть на самом деле. Спокойные возвращаются к защите противофобойных стен. Стычки прекращаются.

И город медленно, шаг за шагом, возобновляет свое движение.

Итак, мы вернулись. Снова создаем время.

Я наг. Я не открываю глаз. Передо мной на полу лежит оружие. И скоро мне придется поднять его и решать: стрелять или не стрелять.

Звон разбитого стекла кажется музыкой или нарушением закона. Вихрь, налетевший с потолка, бросает в меня мелкие осколки. Я открываю глаза и вижу Миели, отмеченного шрамом ангела в черном с распростертыми крыльями.

— Я надеялся, что ты придешь, — говорю я.

— И сейчас, — говорит она, — ты скажешь мне, что ты Жан ле Фламбер и покинешь это место, когда сам этого захочешь?

— Нет, — говорю я. — Не скажу.

Я беру ее за руку. Она обнимает меня. Хлопают крылья, и мы уносимся вверх сквозь стеклянное небо, прочь от оружия, воспоминаний и королей.

21. Вор и украденное прощание

Я прощаюсь с сыщиком — Исидором — у него на кухне, через день после того, как зоку вернули к жизни Пиксил.

— Она теперь другая, — говорит он. — Не знаю почему, но другая.

Мы сидим у кухонного стола, и я стараюсь не смотреть на мрачные, грязно-коричневые эшеровские обои.

— Иногда, — говорю я, — требуется лишь несколько мгновений, чтобы ты стал другим человеком. А иногда на это уходят столетия. — Я пытаюсь стряхнуть зеленое существо, которое бродит вокруг стола. Кажется, оно почуяло во мне природного врага и не перестает жевать мой рукав. — Но тебе, безусловно, не стоит слушать все, что я говорю. Особенно если разговор заходит о женщинах.

Я разглядываю его лицо: костлявый нос, высокие скулы. Сходство определенно есть, особенно в области рта и глаз. Я гадаю, в какой степени Раймонда и ле Рой положились на случай, и надеюсь, что в нем больше ее черт, чем моих.

— Ты тоже изменился, — продолжаю я. — Исидор Ботреле, Криптарх Ублиетта. Возможно, лучше было бы называть тебя *королем*. Что ты собираешься делать?

— Я не знаю, — говорит он. — Никак не могу принять решение. Я должен вернуть Голос людям. Должен быть какой-то лучший способ выполнять эту работу. Я намерен отказаться от нее сразу же, как только смогу. И я должен подумать… надо ли позволять всем помнить, с чего в действительности начинался Ублиетт.

— Что ж, революция всегда начинается с красивой мечты, — говорю я. — А у вас только что произошла самая настоящая революция. Что бы ты ни решил, будь осторожен. Соборность не упустит случая отреагировать — быстро и жестко. Зоку помогут, но вам придется нелегко. — Я улыбаюсь. — И все же это будет увлекательно. Вас ждут значительные и волнующие события, как в опере, о которой мне когда-то рассказывали.

Он смотрит в окно. Город все еще залечивает раны: вид из окна становится не таким, как был прежде. Отсюда видно, как над крышами Лабиринта торчит алмазная игла Тюрьмы.

— А ты? — спрашивает он. — Ты собираешься уехать и снова заняться чем-то… противозаконным?

— Почти наверняка. Боюсь, мне еще придется оплатить свои долги. — Я усмехаюсь. — Но ты можешь поймать меня, если сумеешь. Хотя, я думаю, ты и без того будешь слишком занят.

Я встаю из-за стола.

— Мне пора. Миели уже несколько дней никого не убивала, а от этого у нее портится настроение. — Я пожимаю ему руку. — Я не твой отец, — говорю я, — но ты лучше, чем я. И постарайся таким остаться. А если тебе все же захочется свернуть на другую дорогу, дай мне знать.

К моему удивлению, он меня крепко обнимает.

— Нет уж, спасибо, — говорит он. — До встречи.

— *Ну, мы уже можем отправляться?* — спрашивает «Перхонен». — *Сколько можно его ждать?*

Корабль стоит на площадке, оставленной городом, неподалеку от полуразрушенной и почерневшей стены. Миели в скафандре остается снаружи и дает выход своему нетерпению, быстро шагая взад и вперед. На стене она замечает барельефы, напоминающие ей об Оорте — пейзажи и бесконечные ряды незаконченных лиц. Она прикасается к ним и слышит негромкую песню, высеченную в камне.

— Привет, — раздается голос Раймонды.

Она в обличье Джентльмена, но без серебряной маски, а вместо скафандра вокруг нее ореол из фоглетов. Она тоже замечает барельефы, и по лицу скользит тень печали и вины.

— Все в порядке? — спрашивает Миели.

— Просто вспомнила, что я кое-что хотела увидеть. — Раймонда смотрит на «Перхонен». — Очень красивый корабль.

— *Спасибо*, — говорит «Перхонен». — *Но у меня имеются и другие достоинства, кроме привлекательной внешности*.

Раймонда отвешивает кораблю поклон.

— Тебя мы тоже должны поблагодарить, — говорит она. — Ты не обязана была делать то, что сделала.

— *Тебе этого не видно*, — отвечает «Перхонен», поблескивая сапфировым корпусом, — *но я краснею*.

Раймонда оглядывается вокруг.

— Его еще нет? Это не удивительно. — Она целует Миели в обе щеки. — Удачи вам и спокойного путешествия. И спасибо. — Она ненадолго умолкает. — Когда ты открыла свой гевулот, ты показала нам свои мысли. Я поняла, почему ты это делаешь. Больше того, я надеюсь, что ты ее вернешь.

— Дело не в надежде, — говорит Миели. — А в желании.

— Хороший ответ, — говорит Раймонда. — И еще — не будь с ним строгой. То есть строгость необходима, но не чрезмерная. Он не в силах справиться с собой. Но он и не так плох, как мог бы быть.

— Вы говорите обо мне? — спрашивает вор, появляясь из транспортной сферы зоку. — Я знал, что вы будете обсуждать

меня за моей спиной.

— Я подожду на борту, — говорит Миели. — Мы отправляемся через пять минут.

Напоследок я не знаю, что ей сказать. И мы молча стоим на красном песке. Тени города мерцают вокруг, словно трепещущие крылья света и тьмы.

В конце концов я целую ее руку. Если на ее глазах и есть слезы, их скрывают тени. Она легко целует меня в губы, а потом стоит и смотрит, как я иду к кораблю. Перед самым входом я оборачиваюсь, чтобы помахать ей рукой и послать воздушный поцелуй.

На борту корабля я покачиваю на руке Ларец.

— Ты собираешься открывать эту штуку или нет? — спрашивает Миели. — Я бы хотела знать, куда мы направляемся.

Но я уже и так это знаю.

— К Земле, — говорю я. — Но не могла бы ты попросить «Перхонен» не торопиться? Мне хотелось бы полюбоваться пейзажем.

К моему удивлению, она не возражает. «Перхонен» медленно поднимается и делает круг над Шагающим Городом, над артерией Устойчивого проспекта, над зеленым пятном Черепашьего парка, над картонными замками Пыльного района. У города теперь другое лицо, но я все равно улыбаюсь ему. Он не обращает на меня внимания и продолжает двигаться.

Только на полпути к Магистрали я обнаруживаю, что сыщик украл мои Часы.

Интерлюдия. Охотник

Наступила весна, и Творец Душ счастлив.

Виртуальный пейзаж его *губернии* представляет собой обширный цветущий роботический сад. Семена, посеянные в период долгой дайсоновской зимы, когда *губерния* замедлила ход, чтобы избавиться от излишнего тепла, проросли и теперь радуют своим разнообразием.

Гоголы вьются вокруг него стаей белокрылых птиц, а он погружает миллиарды пар рук в черную почву, где каждая частица представляет собой шестеренку, безупречно подходящую к соседним элементам. Он хочет ощутить новые композитные разумы, уже готовые расцвести. Прима-Творец лично присутствует повсюду, он следит за селекционным отбором этого меметического дерева, следит, чтобы группы генетических алгоритмов в процессе ветвления высаживались в новом пространстве параметров.

С бесконечной осторожностью он вынимает только что распустившийся росток гогола с редким отклонением, которое позволяет предполагать стеклянное, очень хрупкое тело: именно то, что он считал утраченным много лет назад. В совокупности с сильной шизофренией это свойство обеспечит разум, который будет способен делиться и воссоединяться по своему желанию. Это должно понравиться воин-разумам Матчека. Он отделяет гогола, чтобы продолжить рутинные исследования, и возвращается к наблюдению за общей картиной, позволив прима-Творцу взмыть в воздух, так что от свежего ветерка захлопали полы его белого лабораторного одеяния. Да, этот участок принесет отличный урожай Говорящих с Драконом. В этом обширном лабиринте уже подрастают целеустремленные Преследователи: скоро они будут готовы исследовать пространства параметров, превосходящие целые миры, и математические муравьи, предназначенные для поисков недоказанных теорем в колоссальных просторах геделевской вселенной.

Творец вдруг понимает, что никогда еще не был так счастлив: быстрый поиск его библиотечного гогола подтверждает этот факт. Сейчас он более доволен, чем был когда-либо доволен любой Творец, если не считать одного момента в бытность студентом Минского университета — хотя это было всего лишь мгновение с одной особенной личностью. Но, в сущности, тот случай стоит исследования выдернутого гогола и сохранения его в личной Библиотеке, застывшей во времени.

И это мгновение тоже не может длиться вечно.

Виртуальный пейзаж подернулся рябью, означавшей, что в нем без предупреждения появилось еще не менее двух других Основателей: волна религиозного ужаса швыряет наземь всех младших гоголов, распростершихся между вспомогательными машинами. Подрастающий воин-разум ускользает от своих встревоженных опекунов, металлический паук с контролируемой токсичностью принимается опустошать многообещающий участок с Мечтателями, пока Творец не вытягивает одну из миллиарда своих рук, чтобы его уничтожить. *Какая бессмысленная потеря*. Двое гостей, не обращая внимания на вызванную их появлением суматоху, проходят к центральной площадке Сада. Один из них невысокий, ничем не примечательный китаец с седыми волосами, в скромной монашеской одежде. Матчек Чен, один из самых могущественных Основателей во всей Соборности, достаточно учтив, чтобы не появляться здесь во всем своем величии.

Зато вторая из гостей — высокая женщина в белом летнем платье, с изящным зонтиком, прикрывающим ее лицо…

С неожиданной поспешностью Творец быстро принимает меры, чтобы удержать посетителей в субвиртуальном пространстве — нелегкая задача, если учесть, что могущество Основателей способно без труда рассеять любые иллюзии, — и посылает прима-Творца им навстречу.

Пространство превращается в реальный сад с цветущими деревьями вишни. В нем стоит выполненный в федоровистском стиле каменный фонтан — героические фигуры мужчины и женщины, поддерживающие купол. Младшие гоголы-Творцы приносят прохладительные напитки, а прима-Творец выходит навстречу гостям.

— Добро пожаловать, — говорит он, поглаживая свою бородку, считая этот жест весьма внушительным.

Он приветствует гостей легким поклоном. Чен отвечает едва заметным кивком. Творец пытается определить ранг этого гоголa — наверняка не прима, но достаточно значительная фигура, чтобы обладать аурой могущества Основателя.

Женщина закрывает зонтик и улыбается, на ее лебединой шее мерцают бриллианты.

— Привет, Саша, — произносит она.

Творец пододвигает ей кресло.

— Жозефина.

Она садится, изящно скрестив ноги и слегка опираясь на зонтик.

— У тебя прекрасный сад, Саша, — говорит она. — Неудивительно, что мы тебя почти не видим. Если бы я жила в

таком месте, мне бы не хотелось никуда уходить.

— Порой возникает соблазн, — вступает в разговор Чен, — забыть о реальности необъятного мира. К несчастью, позволить себе подобную роскошь может не каждый из нас.

Творец сдержанно улыбается старшему Основателю.

— Проводимая мною здесь работа служит на благо всей Соборности и приближает Великую Всеобщую Цель.

— Безусловно, — соглашается Чен. — Твоя квалификация в этом деле уникальна. Именно поэтому мы и пришли. — Он присаживается на край фонтана, трогает воду. — Тебе не кажется, что все это слишком пышно?

Творец припоминает, что собственным королевствам Чена, как правило, сопутствует абстрактная, почти спартанская обстановка, практически лишенная физических свойств.

— О, прошу тебя, Матчек, — говорит Жозефина, — не будь таким мрачным. Здесь красиво. Кроме того, неужели ты не видишь, что Саша занят? Он всегда поглаживает бородку, когда ему не терпится поскорее вернуться к своим делам, но сказать об этом не позволяет вежливость.

— У него достаточно гоголов, чтобы заниматься работой, — говорит Чен. — Но будь по-твоему.

Он складывает руки на груди и наклоняется над столом.

— Брат, у нас возникли некоторые проблемы с одним из твоих созданий. Тюрьма «Дилемма» взломана.

— Невероятно.

— Взгляни сам.

Передаваемое Ченом воспоминание снова заволакивает рябью виртуальный пейзаж, и на мгновение Творец видит гогола-Основателя таким, какой он есть на самом деле — голосом миллиардов Ченов, звучащим во всех *губерниях, областях* и *районах* Соборности. Это не столько личность, сколько отдельный орган. А затем в его руке появляется замороженный гогол, в котором он мгновенно узнает свое изделие, результат незначительного, уже почти забытого им эксперимента с играми и наваждениями. Архонт, как он его назвал, был предназначен для того, чтобы держать взаперти безумцев и негодяев, неугодных Соборности. Он раскрывает его, снимая оболочку, словно с апельсина, и впитывает его воспоминания.

— Как странно, — говорит он, наблюдая, как Тюрьма выплевывает три разума в хрупкую оболочку материи.

Он даже чувствует некоторое восхищение перед мелким созданием на оортианском корабле, которое пытается обмануть собственное творение, и делает себе мысленную заметку проследить, чтобы следующее поколение архонтов обладало

способностью проводить различие между разными слоями реальности.

— Мы бы этого и не заметили, — говорит Чен, — если бы они не допустили ошибку. А они ее допустили: им следовало забрать двух гоголов, а не трех. Третий, как ты можешь видеть, представляет особый интерес.

— Да-да, — говорит Творец, испытывая прародительскую гордость за своего архонта. — Перебежчик. Очаровательно.

— Коды Основателей. Кто-то открыл Тюрьму кодом Основателей. И нам необходимо узнать, зачем это было сделано. — Чен хлопает ладонью по столу. — Мы ведем войну, все мы воюем и между собой, а кое-кто даже против себя самого. Но есть некоторые вещи, которых мы договорились не совершать.

— Возможно, ты так и сделал, Матчек, — говорит Жозефина, обводя пальчиком край бокала. — Кто-то еще — вряд ли.

— Я хочу вернуть этих гоголов. Мы — я — должен выяснить, что им известно.

— Разве у тебя для этого недостаточно своих гоголов? — спрашивает Творец, испытывая удовлетворение от того, что может хоть на мгновение выдержать взгляд старшего Основателя. — Есть более важные дела, ожидающие своего развития и завершения.

— Саша, — говорит Жозефина. — Мы не дети. Мы — я — не пришли бы к тебе с этой просьбой, если бы не требовалось твое участие. — Она прикасается к его руке и улыбается: даже после трех веков и миллиардов разветвлений Творец не в силах удержаться от ответной улыбки. — Матчек, не мог бы ты позволить поговорить с Сашей один на один?

Их взгляды на мгновение встречаются, и, к удивлению Творца, Матчек отводит глаза.

— Ладно, — говорит Чен. — Наверно, ребенку легче договориться с ребенком. Я скоро вернусь.

Он покидает виртуальный сад без всякой деликатности, так стремительно бросая гогола в разрыв пространства, что Творцу стоит немалых усилий сгладить последствия.

Жозефина качает головой.

— Все мы говорим о переменах, — говорит она. — Но есть вещи, которые не могут измениться. — Затем она обращает на него свой сияющий взгляд. — Но ты меняешься. Мне нравятся все эти вещи, созданные тобой. Интересно, они были в тебе еще тогда? Или ты становишься взрослым?

— Жозефина, — говорит он. — Скажи мне, пожалуйста, чего ты хочешь?

Она огорченно хмурится.

— Я не уверена, что мне нравится этот повзрослевший Саша. Ты даже не краснеешь.

— Прошу тебя.

— Хорошо. — Она смотрит вверх и глубоко вздыхает.

— Они убивают меня. Те, другие. За время твоей последней зимы многое изменилось. Антон и Сянь теперь заодно. Читрагупта… он сам по себе. Но я — я никогда им не нравилась. И я слаба, слабее, чем ты можешь себе представить.

Творец недоверчиво смотрит на нее.

— Истребление гоголов? Неужели мы дошли и до этого?

— Еще нет, но таковы их намерения. Вся моя надежда на Матчека, и он знает, что ты меня выслушаешь. В *действительности* дело вовсе не в Тюрьме: просто ему необходимо оружие против остальных. И твоя поддержка.

— Я мог бы… — Он колеблется. — Я мог бы тебя защитить.

— Ты очень любезен, но нам обоим известно, что ты на это не способен. Это место стало особенным, потому что остальные позволили тебе сделать его таким, надеясь, что ты принесешь пользу. Если ты обманешь их ожидания, оно исчезнет. Помоги Матчеку, и он поможет нам обоим. Создай что-нибудь, что сумеет поймать этих мелких беглецов. Это не так уж много, но ты докажешь ему, что прислушиваешься ко мне. А тогда и *я* буду представлять для него ценность.

Творец прикрывает глаза. Он чувствует, как живет и растет его Сад, ощущает миллиард рук в его почве: все внутри мощного мозга *губернии*, поглощающего материю и энергию самого солнца, алмазной сферы размером с древнюю Землю, содержащего триллион его гоголов вместе с Драконами. И все же он чувствует себя маленьким.

— Хорошо, — говорит он. — Но только на этот раз. В память о прошлых временах.

— Спасибо. — Она целует его в щеку. — Я знала, что могу рассчитывать на тебя.

— Не позволяй ему завести себя слишком далеко, — говорит он.

— Я знаю Матчека настолько, насколько его вообще можно знать. Пока еще я могу с ним справиться. Я могла прибегнуть к… другим методам, но потребовалось бы слишком много времени. Так что я благодарна тебе за твой дар.

— Не стоит. — Он улыбается. — Я сделаю тебе охотника. Хочешь посмотреть?

— Мне всегда нравится смотреть, как ты работаешь.

Он позволяет окружающему их виртуальному саду рассеяться. В обличье Основателя она все так же красива —

существо из крученого серебра, свитого из множества гоголов. Он ведет ее через Фабрику в Питомник, где растут его любимые саженцы. Излучаемое ею молчаливое восхищение доставляет ему тихую радость, и он с головой погружается в работу. На этот раз ему предстоит не просто наблюдать за работой, а проявить мастерство: когнитивные модули нового существа, которое он изготавливает, образуют вокруг него обширные атласы, нейронные проводники, и мысли сплетаются в симфонии.

Не без некоторого удовольствия он находит возможность применить свое новое открытие. Этот Охотник будет не один, их будет много: он будет способен делиться на много частей, а потом снова объединяться в одно целое. Он придает ему целеустремленность, обнаруженную у оортианского скульптора, и координационную способность концертирующего пианиста, подкрепленную более примитивными формами из старых коллекций: акулы и кошки. Он вкладывает в него достаточно когнитивности, чтобы создать разумное существо, но не слишком много, чтобы не вызвать скрытность. И еще подмешивает фрагмент интеллектуальной материи *губерниш*, чтобы существо сразу было готово отправиться по первому же приказу своей повелительницы.

Законченный образец не разговаривает, а лишь молча рассматривает их в ожидании цели. Он достаточно красив, как бывает красиво оружие, вызывающее желание притронуться, несмотря на остроту лезвия, грозящего поранить.

— Он твой, — говорит Творец. — Не Матчека, а твой. Тебе осталось лишь сказать ему, что ты хочешь найти.

Жозефина Пеллегрини улыбается и шепчет имя на ухо Охотнику.

notes

Примечания

1

Перевод с французского Н. Бордовских

2

Одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

3

Плато на Марсе.

4

Персонажи финского эпоса.

5

«Человек тьмы» (англ. Darkman) — супергеройский фильм режиссера Сэма Рэйми. Сценарий фильма был написан Сэмом Рэйми, ссылаясь на фильмы ужасов 1930-х годов.

6

Петер Лорре (нем. Peter Lorre, настоящее имя Ладислав (Ласло) Левенштайн, 26 июня 1904 — 23 марта 1964) — австрийский и американский киноактер, режиссер, сценарист.

7

Ублиетт *(франц.)* — подземная колодцеобразная тюрьма в некоторых средневековых замках в Западной Европе.

8

Миндальное печенье *(франц.)*

9

Земля, почва *(франц.)*

10

Федоров Николай Федорович (1829–1903) — русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, деятель библиотековедения, педагог-новатор. Один из родоначальников русского космизма.

11

«Бобовый стебель», трос орбитального лифта.

12

Бель Эпок — начало XX века (*франц.*).

13

«Джон Картер — марсианин» (на русском языке выходил также как «Джон Картер на Марсе») — одиннадцатая и последняя книга барсумской серии Эдгара Райса Берроуза.

14

Thibermesnil — замок, упоминаемый в книге М. Леблана «Шерлок Холмс приходит поздно».

15

Финские ругательства.

16

Медведь (*фин.*)

17

Джейн Макгонигал — американский разработчик игр.

18

Отаку (*яп.*) — человек, который увлекается чем-то, фанат.

19

Куби́т (q-бит, кьюбит; от quantum bit) — квантовый разряд или наименьший элемент для хранения информации в квантовом компьютере.

20

Здесь и далее ссылка на дарианский календарь, созданный для Марса инженером Томасом Гангейлом в 1985 году и названный им в честь сына Дария.

21

Пустыня в Центральной Азии.

22

Кото — домашний очаг, дом (*фин.*).

23

В австралийской мифологии дух-мать, покровительница многочисленных героев.

24

Методика запоминания «дворцы памяти», или метод локусов, которая широко использовалась в устной общественной практике до эпохи Возрождения.

25

Ма́уриц Корне́лис Э́шер (нидерл. Maurits Cornelis Escher: 17 июня 1898, Леуварден, Нидерланды — 27 марта 1972, Хилверсюм, Нидерланды) — нидерландский художник-график. Известен прежде всего своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов, самый яркий представитель импарта.

26

Столица Хэйан (яп. 平安京 *хэйан кё*, «столица мира и спокойствия») — столица японского государства в 794–1869 годах. Находилась в центре Ямасирской впадины, в центральной части современного города Киото префектуры Киото.

27

Школа эзотерического буддизма в Японии

28

Дворец Хэйан — изначальный императорский дворец в Хэйан-кё (ныне Киото), столице Японии с 794 по 1227 год. В Японии этот дворец зовется Дайдайри.

29

Долины Маринер (лат. Valles Marineris), или Долины Маринера — гигантская система каньонов на Марсе. Названа в честь американской космической программы «Маринер» после того, как аппарат Маринер-9 обнаружил каньоны в 1971–1972 гг.

30

А. Конан-Дойль «Знак четырех», *перевод М. Д. Литвиновой.*

31

Задача византийских генералов — в вычислительной технике мысленный эксперимент, призванный проиллюстрировать проблему синхронизации состояния систем в случае, когда коммуникации считаются надежными, а процессоры — нет.

32

Церера — карликовая планета в поясе астероидов внутри Солнечной системы

33

Мудрость *(лат.)*

34

Тихий, молчаливый *(фин.)*

35

Лови момент, Живи настоящим *(лат.)*

36

Идущие на смерть *(лат.)*

37

Танец смерти *(франц.)*

38

Сверхъестественная сила в финской мифологии.

39

Поэт, философ и миссионер, один из наиболее оригинальных представителей средневекового миросозерцания с положительной его стороны.